

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

82av. 810.19

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887)

ASST. PROFESSOR OF HISTORY

Received 2 Dec. 1899.

ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Pavel Ivanovitch Kovalenski
ПРОФ. П. И. КОВАЛЕВСКИЙ.

ІОЯННЪ
Г Р О З Н Ы Й
И ЕГО
ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНІЕ.

—•—•—

Психіатрическіе эскизы изъ исторіи.

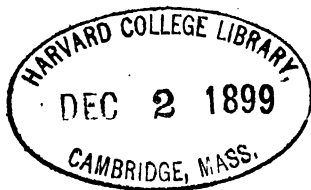
Изданіе 4-е.

—•—•—

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Зильберберга, Рыбная ул., № 25.
1894.

Slaw 810.19

396
75

Dr A. C. Coolidge

Печатано по опредѣленію медицинскаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета.

Деканъ П. Ковалевскій.

7-го февраля 1894 г.

ОТЪ АВТОРА.

Да простятъ мнѣ души умершихъ знаменитыхъ историковъ, а равно и нынѣ живущіе историки нашего отечества, что я, будучи только любознательнымъ человѣкомъ, осмѣлился выступить съ своимъ посильнымъ трудомъ по вопросу, коему посвящены были работы всѣхъ нашихъ славныхъ историковъ. Я вполне понимаю и свою некомпетентность и свое безсиліе въ этомъ отношеніи и если все таки рѣшился выпустить свою работу, то только по желанію внести въ эту область то освѣщеніе, которое могла бы дать исповѣдываемая мною спеціальность. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, я въ историческомъ изложеніи внесъ только то, что дали мнѣ наши знаменитые историки и отъ себя прибавилъ одно лишь освѣщеніе. При этомъ долженъ сознаться, что, при моемъ изложеніи, я не могъ воспользоваться всѣми историческими работами по данному вопросу, по невозможности достать ихъ въ томъ городѣ, гдѣ я работалъ. Я не могъ достать сочиненій Traube и Krause, Hvanigni и Horsey, почему нынѣ прошу снисхожденія къ открыто

признанной мною винѣ, обѣщая въ будущемъ, если мнѣ удастся, пополнить пробѣлъ.

Внося свой взглядъ на жизнь столь всѣхъ интересующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало понятнаго историческаго дѣятеля, какъ Іоаннъ Грозный, я преслѣдовалъ одну цѣль — дать на этотъ предметъ то объясненіе, каковое можно позаимствовать изъ ученія о душевныхъ заболѣваніяхъ. Я хотѣлъ указать на то, что можно быть общественнымъ дѣятелемъ, руководителемъ дѣла и даже повелителемъ страны и въ тоже время быть душевно-больнымъ. Насколько я успѣлъ выяснитъ этотъ вопросъ — не мнѣ судить. За всякія указанія на ошибки и промахи въ изложеніи историческихъ обстоятельствъ я буду очень признателенъ, прося вновь снисхожденія къ изложенію новичка въ области исторіи.

Вмѣстѣ съ симъ считаю пріятнымъ долгомъ выразитъ благодарность моимъ почтеннымъ товарищамъ, профессорамъ Д. И. Багалѣю, И. В. Нетушилу и проф. В. Н. Иконникову за оказанную мнѣ помощь при изученіи даннаго вопроса.

Проф. П. И. Ковалевскій

25 января 1894 г.

Харьковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЫРОЖДЕНИЕ.

Nemo unquam ad nulla hominum memoria, ex his, qui Regia dignitate et summi Imperii fastigio claruerunt, vel majori crudelitate, vel insigniori libidine, Ioanne Basilide, advertus cives et externos est usus etc. Oderborn, 1585, p. 189.

Каждый человѣкъ представляетъ извѣстное количество вещества или матеріи, развивающей изъ себя соотвѣтственное число силы. Такимъ образомъ это будетъ единица вещества, порождающая извѣстную соотвѣтственную также единицу силы. Эта единица вещества, соотвѣтственно химическому составу отдѣльныхъ своихъ частей, порождаетъ силу какъ простую, грубую физическую,—такъ и высшую, духовную, въ видѣ проявленій мысли и чувства. Количество матеріи или вещества, получаемое каждымъ человѣкомъ для своего тѣла, и расположеніе отдѣльныхъ его частей такъ похожи другъ у друга, что невольно является вопросъ о тождествѣ и подобіи другъ другу людей.

*

При такомъ тождествѣ организаціи человѣка, тождествѣ количественномъ и качественномъ, весьма естественно порождаются мысли и о тождествѣ отправленій этой организаціи, — значитъ о тождествѣ силы физической и душевной людей.

Однако на дѣлѣ оказывается, что люди довольно рѣзко разнятся другъ отъ друга какъ внѣшними обликами своей организаціи, такъ и обликомъ духовной и физической дѣятельности этой организаціи. Чѣмъ-же обуславливается эта разница?

Два дѣятеля создаютъ отдѣльнаго человѣка съ его особенностями тѣлесной организаціи, духовнаго облика и физической дѣятельности—наслѣдственность и воспитаніе.

Порождаясь на свѣтѣ, маленькое человѣческое существо является носителемъ организаціи своихъ родителей, слѣдовательно этотъ человѣкъ, какъ физически, такъ и духовно долженъ быть повтореніемъ своихъ родителей. Но родителей два: отецъ и мать. Дѣти всегда похожи на своихъ родителей. Это вѣрно. Но каждый ребенокъ представляетъ собой сочетаніе чертъ какъ отца, такъ и матери. Правда, въ однихъ случаяхъ этотъ потомокъ носитъ на себѣ преобладаніе чертъ отца, а другой разъ—матери, —тѣмъ не менѣе мы рѣдко видимъ, чтобы дѣти носили въ себѣ исключительно внѣшній видъ и характеръ отца, или-же внѣшній видъ и духовную организацію

матери. Этимъ вмѣшательствомъ въ образованіи въ дѣтяхъ свойствъ отца и матери создаются первыя начала *личныхъ отличительныхъ свойствъ* ребенка—его личной обособленности, его индивидуализаціи. На этомъ наследственномъ свойствѣ дѣтей заимствовать отъ родителей черты, свойственныя каждому изъ нихъ, и соединять ихъ въ себѣ въ новомъ сочетаніи въ видѣ подобія двумъ своимъ предкамъ и зиждется способность рода человѣческаго совершенствоваться и вырождаться. Обыкновенно унаследуются отъ родителей дѣтьми тѣ черты ихъ, которыя въ организмѣ родителей были наиболѣе рѣзки и наиболѣе устойчивы. Если родители въ томъ или другомъ отношеніи представляли сходство, то эти черты въ дѣтяхъ сочетались, усиливались и проявлялись рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ у каждаго изъ родителей,—при существованіи противоположныхъ чертъ въ томъ или другомъ отношеніи, дѣти, приблизительно, унаследуютъ средне-пропорціональную величину организаціи той или другой особенности.

Можетъ случиться, что родители представляютъ сходство въ чертахъ организаціи, способствующихъ совершенствованію ея: крѣпкимъ тѣломъ, большимъ умомъ, необыкновенной энергіей и т. д. Дѣти этихъ родителей являются на свѣтъ при весьма благопріятныхъ условіяхъ существованія ихъ организаціи,—они также могутъ рассчитывать

быть крѣпкими, умными, энергичными. Во всякомъ случаѣ у этихъ дѣтей гораздо больше данныхъ быть таковыми, чѣмъ если-бы съ вышеуказанными свойствами являлся одинъ только родитель. Иными свойствами обладаютъ дѣти, если ихъ родители слабы, болѣзненны, апатичны, сварливы и т. д. Такія дѣти уже отъ рожденія намѣчаются въ данъ склонности къ болѣзнямъ и послѣдующему вырожденію.

Такимъ образомъ наследственность предопредѣляетъ будущее дѣтей въ зависимости отъ организаціи и качествъ ихъ родителей. Прискорбно было-бы смотрѣть на такую картину человѣческаго общества, если-бы въ его существованіи наследственность играла роль единственную и исключительную. Тогда почти съ математической точностью мы предрекали-бы, что Ивановы должны вымереть, а Петровы забрать верхъ въ обществѣ, Сидоровы колебаться между жизнью и смертью. Въ этомъ случаѣ со всею своею наготою долженъ былъ бы выступить вопросъ *естественнаго подбора*, при чемъ родители всѣми силами должны были-бы заботиться только о томъ, чтобы своимъ дочерямъ выбрать крѣпкихъ и сильныхъ мужей,—а всѣ слабые должны были-бы быть обреченными на гибель, какъ въ Спартѣ. Такое положеніе дѣла слишкомъ походить на конюшню и конскій заводъ.

Къ счастью, въ дѣлѣ физической и духовной организаціи человѣка играетъ роль равную наслѣдственности—второй дѣятель—воспитаніе, разумное воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ—питанія организма и его образованія. Воспитаніе, путемъ упражненія, благоразумнаго питанія организма и надлежащей обстановки въ жизни даннаго молодого организма, можетъ болѣе или менѣе легко парализовать неблагопріятныя особенности унаслѣдованной организаціи даннаго человѣка,—оно-же, при обратныхъ условіяхъ, можетъ и погубить его.

Такимъ образомъ, наслѣдственность и воспитаніе являются весьма важными дѣятелями въ жизни человѣка, не только въ смыслѣ образованія его индивидуализаціи, но и въ смыслѣ его существованія вообще.

Что мы сказали вообще о существованіи человѣческаго рода, то вполне примѣнимо и въ частности къ его душевному здоровью.

Душевное здоровье или нездоровье людей обуславливается двумя главными моментами: наслѣдственностью и условіями жизни, при которыхъ человѣкъ растетъ, развивается и совершенствуется. Можетъ случиться, что человѣкъ рождается отъ совершенно здоровыхъ родителей и въ наслѣдство получить крѣпкую и мощную нервную систему,—тогда представляется много данныхъ къ тому,

что этотъ человѣкъ, при благопріятныхъ условіяхъ роста и развитія, выйдетъ крѣпкимъ, мощнымъ и здоровымъ. Но можетъ случиться и такъ, что родители больны нервно или душевно, тогда и дѣти ихъ обязательно унаслѣдуютъ отъ нихъ нервную систему не крѣпкую, склонную къ заболѣванію и не способную идти, при обычныхъ жизненныхъ условіяхъ, въ уровень съ человѣкомъ, унаслѣдовавшимъ здоровую и мощную нервную систему — органъ душевной дѣятельности. Такимъ образомъ, если-бы въ созиданіи душевнаго здоровья или нездоровья играла роль только одна наслѣдственность, то уже съ перваго раза мы раздѣлили бы родъ человѣческій на двѣ половины: на здоровыхъ и обреченныхъ на заболѣваніе, на мощныхъ и немощныхъ, на годныхъ къ жизни и не годныхъ, на чистыхъ и нечистыхъ. Но одна наслѣдственная передача жизнеспособности нервной системы, не имѣетъ рѣшающаго значенія для душевной жизни людей. Существуетъ еще второй дѣятель, проявляющій весьма серьезное вліяніе на развитіе унаслѣдованныхъ свойствъ и качествъ и имѣющій не меньшее значеніе, чѣмъ и наслѣдственность.

Это именно воспитаніе въ широкомъ смыслѣ слова: образованіе и т. д. Этотъ дѣятель не только дополняетъ качества организаціи, полученныя по наслѣдству, но нерѣдко и исправляетъ уна-

слѣдованное, — равно нерѣдко и портить то доброе, что получено отъ родителей. При этомъ можетъ быть четыре главныхъ случайности: 1) дѣти рождаются отъ здоровыхъ родителей и воспитываются при благопріятныхъ условіяхъ существованія — это баловни природы, 2) дѣти рождаются отъ здоровыхъ родителей, но воспитываются при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ существованія, — въ этомъ случаѣ добрыя начала, полученныя отъ родителей въ наслѣдство, портятся жизненной обстановкой и такимъ образомъ даютъ душевной жизни челоуѣка не надлежащее направленіе; 3) дѣти рождаются отъ нервно- и душевно-больныхъ родителей, но воспитываются въ правильныхъ и здоровыхъ жизненныхъ условіяхъ; здѣсь также происходитъ борьба двухъ силъ, въ которой не-добрыя задатки, полученныя по наслѣдству отъ родителей, могутъ быть исправлены и сглажены правильнымъ и разумнымъ воспитаніемъ, — наконецъ, 4) дѣти, родившіяся отъ больныхъ родителей, проходятъ плохой жизненный путь, при неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія, — эти несчастные нерѣдко имѣютъ довольно плачевное будущее.

Что же наслѣдственно передается отъ родителей къ дѣтямъ? Прежде всего является та мысль, что отъ родителей къ дѣтямъ передаются самыя болѣзни: сумасшедшіе родятъ сумасшедшихъ, эпи-

лептики — эпилептиковъ, истеричные — истеричныхъ и т. д. На дѣлѣ оказывается вовсе не такъ: почти никогда сумасшедшіе не родятъ сумасшедшихъ, эпилептики — эпилептиковъ и т. д. Наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ передается не готовая уже болѣзнь, а такая нервная система, которая склонна бываетъ, при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, подвергнуться заболѣванію. Мы говоримъ, что дѣти больныхъ родителей унаслѣдуютъ *неустойчивую* и склонную къ заболѣванію нервную систему, которая при однихъ жизненныхъ условіяхъ можетъ быть здоровою, жезнедѣтельною и правильною, при другихъ же условіяхъ она можетъ дать болѣзнь, — какая же при этомъ явится болѣзнь — душевная, истерія, эпилепсія, пляска св. Вита и т. д., — покажетъ будущее. Словомъ, наследственно получается неустойчивая почва, на которой можетъ возрасти какъ здоровый, такъ и нездоровый плодъ, въ зависимости отъ удобренія и мѣръ предупрежденія и пресѣченія. Разумѣется, при этомъ играетъ весьма важную роль и степень болѣзненной наследственности. Чѣмъ сильнѣе было выражено нездоровье въ родителяхъ, тѣмъ сильнѣе и рѣзче выражена будетъ нервная неустойчивость и склонность къ заболѣванію въ дѣтяхъ, — и чѣмъ слабѣе она была выражена въ родителяхъ, тѣмъ меньше будетъ нервная неустойчивость въ дѣ-

тяхъ и тѣмъ больше существуетъ надежды на возможность ея исправленія. Такъ, душевная болѣзнь родителей, безъ сомнѣнія, даетъ несравненно болѣе глубокую и сильную болѣзненную наслѣдственность, чѣмъ простая мигрень, истерія и проч.

Далѣе, въ напряженности болѣзненной наслѣдственности весьма важно различать — будутъ-ли оба родители представлять для передачи неблагопріятную почву, или только одинъ. Разумѣется, несравненно хуже для дѣтей, если и отецъ, и мать люди нервныя или душевно-больныя, и несравненно благопріятнѣе, если болѣнъ только одинъ изъ родителей.

Въ обществѣ существуетъ очень неправильный взглядъ на то—какія болѣзни родителей наслѣдственно передаются дѣтямъ. Думаютъ, что нервность унаслѣдуется только отъ родителей душевно-больныхъ. Это невѣрно. Нервная неустойчивость унаслѣдуется отъ родителей: душевно-больныхъ, нервныхъ, пьяницъ, сифилитиковъ, чахоточныхъ, преступниковъ, бездѣльниковъ, страдающихъ продолжительными физическими болѣзнями, подагриковъ и проч.

Всѣ эти деревья даютъ одни и тѣ же плоды—нервную неустойчивость, которая въ различныхъ случаяхъ имѣетъ различную окраску, какъ въ степени проявленія, такъ и въ сочетаніи болѣзненныхъ проявленій.

Наблюденія опытныхъ нейропатологовъ показали, что наслѣдственность болѣзненныхъ свойствъ нервной системы передается отъ родителей къ дѣтямъ не всѣмъ членамъ семейства въ одинаковой степени. Въ одномъ и томъ же семействѣ мы можемъ встрѣтить дѣтей и душевно-больныхъ, и epileptиковъ, и галлюцинантовъ, и здоровыхъ, и пьяницъ, и преступниковъ, и гениевъ и т. д. Почему на долю одного изъ нихъ выпадаетъ epilepsia, на долю другого—необыкновенныя художественныя способности, а на долю третьяго—пьянство, развратъ, злодѣйство и проч.—трудно сказать.

Унаслѣдуется отъ родителей дѣтьми не та или другая болѣзнь, а болѣзненное состояніе мозга, которое въ однихъ случаяхъ бываетъ выражено столь рѣзко, что при вскрытіяхъ даетъ видимыя и явныя измѣненія въ мозгу, — въ другихъ случаяхъ, напротивъ, эти измѣненія и неправильности могутъ быть только молекулярныя и химическія, при настоящихъ способахъ изслѣдованія неуловимыя и неузнаваемыя. Поэтому и унаслѣдованіе нервныхъ болѣзней бываетъ весьма разнообразно, начиная отъ идиотизма и тупоумія и кончая нервной неустойчивостью, нервной возбудимой слабостью и предрасположеніемъ къ болѣе серьезному заболѣванію со стороны центральной нервной системы.

Не трудно распознать наследственную нервную болѣзнь, если она выражается въ формѣ эпилепсiи, истерiи, предсердечной тоски и проч., — несравненно труднѣе опредѣлить и установить тѣ случаи, гдѣ наследственная нервность проявляется въ формѣ нервной неустойчивости и нервной раздражительной слабости. Такіе люди столь часто у насъ на глазахъ, эти люди въ такомъ обиліи насъ окружаютъ, что мы къ нимъ присмотрѣлись, сжились и не считаемъ за больныхъ. Только изрѣдка они возбуждаютъ въ насъ сомнѣніе, недоумѣніе, пожиманіе плечами, названіе «чудака» и «сумасброда» и т. п., а между тѣмъ сплошь и рядомъ эти люди нервные наследственники, люди съ неуравновѣшенной нервной системой, нейрастеники, при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни всегда могущіе проявить любую нервную болѣзнь, какъ эпилепсію, истерію, душевное разстройство и т. д.

Этотъ типъ нейрастениковъ весьма интересенъ, хотя проявленія его разнообразны до безконечности.

Часто уже съ дѣтства нейрастеники обнаруживаютъ разстройства въ нервной области. Это дѣти хилыя, малокровныя, капризныя, склонныя къ частымъ судорогамъ. Такія дѣти по ночамъ часто просыпаются и плачутъ, — видятъ безпокойныя сновидѣнія, склонны къ галлюцинаціямъ при

засыпаніи и просыпаніи, а также къ кошмарамъ. Прорѣзываніе зубовъ и переходъ на обыкновенную пищу имъ не обходятся безнаказанно.

Подростая, они очень любятъ сказки, особенно на ночь. Послѣ прослушанныхъ сказокъ, они зарываются въ одѣяльце и долго не спятъ, воображая себя однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ сказокъ и продолжая ходъ сказки уже при помощи собственной фантазіи. Скоро въ нихъ развивается страсть къ мечтательности и фантазіи. Они любятъ уединяться и предаваться фантазированію въ области своихъ излюбленныхъ картинъ. Общество дѣтей имъ не нравится, — въ большинствѣ они толкуются около взрослыхъ. Въ характерѣ такихъ дѣтей замѣчается нервность, капризы, частые вспышки гнѣва, плача и радости отъ ничтожныхъ причинъ. По ночамъ бываютъ частыя просыпанья во снѣ, подергиванія мускуловъ и чувство паденія въ бездну.

При обученіи они больше увлекаются предметами, въ которыхъ преобладаетъ фантазія и память, чѣмъ разсудокъ, почему они больше любятъ исторію, чѣмъ математику и другія точныя науки. Больше предпочтенія они отдаютъ музыкѣ, пѣнію, живописи, чѣмъ предметамъ научнымъ. При обученіи, у иныхъ дѣтей оказываются способности очень хорошія, они быстро усвоятъ заучиваемое и не тяготеютъ своими уроками, — хотя

часто очень быстро и забываютъ усвоенное. Другіе, напротивъ, обладаютъ очень туповатыми способностями и имъ много труда и усилія требуется для усвоенія уроковъ. Иногда при этомъ у дѣтей можно замѣчать нѣкоторыя странности; такъ, *Краффтъ-Эбингъ* передаетъ объ одномъ мальчикѣ, что онъ, прежде чѣмъ начать свои уроки, всегда обращался къ дворецкому съ умоляющей просьбой отвѣтить ему словомъ «да» на вопросъ, въ состояніи ли онъ приготовить свои уроки. Какъ скоро «да» получалось, онъ, спокойный и веселый, принимался за работу. Иногда дворецкій, пораженный нелѣпостью просьбы, рѣшался сказать «нѣтъ»; тогда бѣдный ученикъ приходилъ въ страшное возбужденіе, бросался изъ угла въ уголъ по комнатѣ, стоналъ и рѣшительно былъ не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ; въ такихъ случаяхъ дворецкій снова успокаивалъ его, говоря: «успокойся—ты вполнѣ можешь приготовить свои уроки,—я пошутилъ только, сказавъ «нѣтъ»,—возбужденіе стихало и въ теченіи часа исчезало безслѣдно.

Часто такія дѣти, вмѣсто классныхъ занятій, предпочитаютъ блуждать по полямъ, лѣсамъ и проч. въ одиночку, предаваясь своимъ излюбленнымъ мечтаніямъ объ Америкѣ, лѣсахъ, шайкахъ разбойниковъ. Часто у такихъ лицъ особенно развита склонность къ предчувствіямъ, предвѣдѣ-

нію, суевѣрію и символизаціи. Во многихъ случаяхъ они смѣшиваютъ плодъ своей фантазіи съ дѣйствительностью и придаютъ ей дѣйствительное значеніе. Иногда даже при полномъ сознаніи, что это фантазія, они не хотятъ съ нею разстаться и образы фантазіи принимаютъ за дѣйствительность. Особенно рѣзко выражаются болѣзненные состоянія въ періодѣ появленія менструацій у дѣвочекъ и полового созрѣванія у мальчиковъ. Въ это время могутъ у нихъ появляться иллюзіи и галлюцинаціи, приступы страха, отчаянія, тоски и проч.

У такихъ дѣтей иногда являются болѣзненные ощущенія кожи и головы, такъ что больно даже прикоснуться къ волосамъ, болѣзненность десенъ и зубовъ, болѣзненность и даже невозможность дотронуться влагалища, позвоночника и проч. Иногда ощущаются стрѣляющія боли въ конечностяхъ, тяжесть и неловкость въ членахъ при движеніи, — ощущенія жара и холода въ кожѣ, ползанія мурашекъ, терпкость и одеревенѣлость — невралгіи, болѣзненность и разбитость всего организма. Со стороны зрѣнія иногда — очень сильное обострѣніе, — другой разъ, напротивъ, въ глазахъ появляется туманъ, потемнѣніе, искры въ глазахъ, летающія мушки, — шумъ въ ушахъ, звонъ, усиленная способность къ воспріятію обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній. У нѣкоторыхъ яв-

ляется особенная невыносимость къ различнымъ пахучимъ и вкусовымъ веществамъ; такъ, нѣкоторые не въ состояніи переносить запаха сигаръ, мошуса, валеріаны, фіалокъ, малины, — вкуса сладкаго и проч. Съ другой стороны, у такихъ лицъ часто является непреодолимое влеченіе къ нѣкоторымъ вкусовымъ и пахучимъ веществамъ. Такъ, иногда бываетъ страстное желаніе зимою ѣсть малину, при чемъ неудовлетвореніе этого позыва влечетъ за собою недовольство, раздражительность, сварливость и волненіе. Иногда подобныя побужденія бываютъ самыхъ нелѣпыхъ свойствъ. Часто у больныхъ появляются особенныя ощущенія въ области головы: пустота, давленіе, стискиванье, какъ клещами, торчанье гвоздя, царапанье, переливаніе чего-то жидкаго, клеванье цыпленка, совпадающее съ пульсовымъ біеніемъ, стукъ въ головѣ, біеніе пульса, шумъ, какъ вѣтерокъ, совпадающій съ пульсомъ и проч. Иногда являются сильныя приступы головныхъ болей, мигрени, прозопагіи, головокруженія и проч. Больные очень чувствительны къ переменамъ погоды и по незначительнымъ колебаніямъ атмосфернаго давленія способны предсказывать измѣненія въ погодѣ. Движенія вообще порывисты и быстры, но рядомъ съ этимъ существуетъ быстрая же утомляемость, слабость и неспособность къ проявленію дѣятельности. По временамъ наступаютъ приступы

такой слабости, что больной неспособенъ ни къ какому движенію. Это состояніе длится нѣсколько минутъ, часъ или два и затѣмъ все проходитъ. Часто у больныхъ замѣчается подергиваніе отдѣльных мускуловъ и органовъ, какъ во время сна, такъ и въ бодрственномъ состояніи; иногда спазмъ глотки, гортани, кишечника и проч. Часто замѣчаютъ у такихъ больныхъ, при крѣпкомъ тѣлосложеніи и здоровомъ видѣ, очень тихій голосъ. Къ труднымъ и тяжелымъ работамъ такіе люди почти неспособны. Взявшись за что нибудь, они сначала работаютъ съ жаромъ, но затѣмъ чувствуютъ разбитость, усталость и неспособность къ продолженію. Въ *умственномъ отношеніи* у нейрастениковъ часто наблюдается нарушеніе вниманія. Въ иныхъ случаяхъ они бываютъ слишкомъ отзывчивы на всякое малѣйшее раздраженіе, но бываютъ случаи и такіе, что больные, при самомъ искреннемъ желаніи, при сознаніи крайней необходимости сосредоточить свое вниманіе на томъ или другомъ дѣлѣ, рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать. Они ясно сознаютъ, какъ ихъ мысли уклоняются въ другую сторону, и они ничего не могутъ подѣлать съ собою. Послѣдствіе—раздражительность и недовольство. Часто эти люди не могутъ долго заниматься усидчивымъ умственнымъ трудомъ, такъ какъ послѣдній вызываетъ усталость и неспособность къ занятію. Иногда на

больныхъ находить какъ бы какое умственное затѣніе: двадцать разъ они читаютъ одно и то же мѣсто и не могутъ уяснить себѣ, что все это значить. Бросають. Проходитъ нѣсколько часовъ, день—и они вдругъ ясно уразумѣвають то, чего они не могли понять; теперь выяснилось само собою, безъ всякаго напряженія, то, чего они не въ состояніи были уяснить при крайнемъ напряженіи. Нейрастеники очень легко подчиняются чужому мнѣнію: утромъ они подчиняются одному, вечеромъ другому, совершенно противоположному мнѣнію. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнѣнія у нихъ нѣтъ и они постоянно у кого-нибудь подъ башмакомъ. Но рядомъ съ этимъ у нейрастениковъ проявляются отдѣльные мысли и поступки, выходящіе изъ ряда обыкновеннаго. Больные эти мало склонны къ строгому мыслительному процессу,—они съ большимъ наслажденіемъ и большимъ удовольствіемъ живутъ образами чувствъ, мечтаній и фантазій. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность къ умственному труду и несвѣжесть головы.

Самочувствіе нейрастениковъ очень измѣнчиво; то они веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бываютъ раздражительны, недовольны и сварливы безъ всякаго видимаго по-

*

вода. Иногда на нихъ нападаютъ приступы страха, тоски, отчаянія и безотчетнаго недовольства.

II.

Таковы явленія у прирожденныхъ нейрастениковъ или у людей, унаслѣдовавшихъ отъ своихъ больныхъ родителей неустойчивую нервную систему. Кромѣ вышеуказанныхъ болѣзненныхъ явленій, у нейрастениковъ развивается масса другихъ и нѣтъ почти ни одного болѣзненнаго явленія въ области нервной системы, которое не могло бы проявиться у того или другого нейрастеника. И это весьма естественно. Нейрастенія представляетъ собою неустойчивость отправленій всей нервной системы, съ преобладаніемъ въ одномъ случаѣ однихъ явленій, а въ другомъ — другихъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нейрастенія представляетъ собою собраніе всѣхъ болѣзненныхъ явленій нейропатологій.

Не нужно, однако, думать, что каждый нейрастеникъ воплощаетъ въ себѣ всѣ вышеуказанные признаки; напротивъ, ни у одного изъ нейрастениковъ они не являются цѣликомъ, а только по частямъ въ различныхъ между собою сочетаніяхъ, — вотъ почему каждый случай нейрастеніи довольно рѣзко, по сочетанію болѣзненныхъ проявленій, отличается отъ другихъ подобныхъ.

Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ случаевъ нейрастеніи, между ними можно рѣзко выдѣлить двѣ группы: въ одной преобладаетъ особенно умственная неустойчивость, а во второй—уклоненія и болѣзненные проявленія въ области влеченій, побужденій и чувства.

На первый взглядъ нейрастенники первой группы представляются необыкновенно умными и всесторонне образованными людьми. Умственные ихъ силы и способности чрезвычайно блестящи.

Они весьма чутки ко всѣмъ происходящимъ вокругъ нихъ явленіямъ. Жадно на все накидываются, быстро усвояютъ и энергично воплощаютъ въ себѣ. Ко всему они проявляютъ интересъ, всѣмъ они быстро овладѣваютъ и во всемъ высказываютъ знаніе, опытность и компетентность. Такая всеобъемлемость и широта свѣдѣній невольно порождаетъ мысль о необыкновенности и геніальности ихъ умственныхъ способностей. Ихъ жизнь необыкновенно дѣятельна, ихъ умственная работа чрезвычайно разнообразна и плодovита.

Но, строго разбирая умственную дѣятельность этихъ лицъ, мы невольно поражаемся ея крайней поверхностностью. Эти люди быстро увлекаются чужими сообщеніями и планами, безъ всякаго контроля и критики ихъ усвояютъ, принимаютъ ихъ за свои собственные, имъ присущіе, въ тотъ же мигъ осуществляютъ эти планы и при малѣй-

шемъ затрудненіи покидаютъ ихъ. Быстрое увлеченіе и горячность въ различныхъ дѣлахъ такихъ людей сопровождается не менѣе быстрымъ охлажденіемъ и забвеніемъ предпринимаемаго ими дѣла. Въ силу такого легкомыслія, непостоянства, неспособности сосредоточиться и установиться на одномъ дѣлѣ, они постоянно перескакиваютъ отъ дѣла къ дѣлу, отъ предпріятія къ предпріятію, отъ предмета къ предмету. У нихъ существуетъ какая-то потребность въ новизнѣ и какой-то зудъ перемѣны. Они только и могутъ существовать при такомъ порханьи и собираніи не только верхушекъ, но даже крохъ отъ этихъ верхушекъ. При этомъ особенно поразительна полная безсвязность и отчужденность въ предпріятіяхъ. Такъ, они отъ университета переходятъ къ кузницѣ, отъ кузницы къ производству кружевъ, отъ производства кружевъ къ семинаріи и проповѣди, отъ проповѣди къ жандармеріи, отъ жандармеріи къ производству селитры, отъ производства селитры къ путешествію въ Ахалтеке и проч. Такая разносторонность, всеобъемлемость, всезнаніе и одинаковое увлеченіе всѣми этими предметами ярко выдаетъ духовную немощность человѣка. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова импотенція ума, ибо эти люди, схватываясь за все, не доводятъ до конца ничего и своимъ вмѣшательствомъ губятъ всякое начатое дѣло и предпріятіе. Ес-

ли бы они могли исполнить все предпринимаемое ими, то они были бы титанами ума и геніями мысли. Къ сожалѣнію, всякое предпріятіе ихъ быстро имъ надоѣдаетъ, они съ удовольствіемъ его бросаютъ и накидываются на новое, съ большою неохотою и непріязнью оглядываясь на старое.

Разумѣется, это болѣзненное состояніе выражается тѣмъ ярче и тѣмъ шире, чѣмъ шире и мощнѣе дѣятельность человѣка и чѣмъ больше власти находится въ его рукахъ.

Для лучшей окраски этой болѣзненной картины и для отличія ея отъ геніальности, мы приведемъ два фантастическихъ примѣра изъ міра владычицъ народовъ.

Первый унаслѣдовалъ могущественное и воинственное государство. Его дѣдъ и отецъ рядомъ побѣдныхъ войнъ доставили государству новыя земли, несмѣтныя богатства, благосостояніе странъ, подчиненіе и боязнь сосѣдей, могущественную и непобѣдимую армію, геніальныхъ администраторовъ и полководцевъ, великихъ ученыхъ и славныя учрежденія. Во главѣ этой мощи, славы и величія является онъ, молодой, энергичный, образованный, крѣпкій и сильный государь. При этой юной мощи, энергіи и завидномъ положеніи подвластнаго ему народа, у всѣхъ сосѣдей является опасливая мысль—ему мало всего этого. Онъ захочетъ попытать новаго счастья, новой военной

славы, новыхъ земель, новыхъ богатствъ... И онъ принимается за это. Принимается за это съ храброй душой и неукротимой энергіей... На пути, однако, стоятъ преграды... Эти преграды представляются въ видѣ совѣтниковъ, старыхъ сослуживцевъ его отца и дѣда, людей закаленныхъ въ военной борьбѣ и устроении государства; — людей покрытыхъ гражданскими и воинскими доблестями, людей чтимыхъ не только гражданами отечества и тѣнью предковъ, но и сосѣдними народами.... Препятствіе не малое.

Но что значитъ препятствіе для человѣка энергій, пылкости и неутомимости!... Старые совѣтники летятъ въ отставку. Выводятся люди новые, угодные повелителю. Происходитъ необыкновенная перетасовка лицъ, должностей, ролей и положеній. Начинается новый курсъ. Всюду властелинъ наблюдаетъ неустройство, всюду неуспѣшность, всюду беспорядочность. И всюду энергичный и молодой повелитель стремится быть лично и исправить все лично. Онъ сочиняетъ новые законы. Онъ создаетъ новое устройство арміи. Онъ является архипастыремъ и проповѣдникомъ, какъ «гласъ Божій на водахъ». Онъ составляетъ оперы. Онъ пишетъ балеты. Онъ перестраиваетъ школы. Онъ создаетъ правила для рабочихъ. Онъ измѣняетъ систему воспитанія. Онъ летаетъ по всему міру съ дипломатическими

переговорами. Онъ ревизуетъ внезапно части арміи и учрежденія. Онъ такъ неусыпно, разносторонне и повсемѣстно занятъ, что въ домѣ-то своемъ является самымъ рѣдкимъ гостемъ.

При такой мощи и всеобъемлемости ума, неустойчивости энергіи и личномъ участіи во всемъ, можно думать, что онъ создастъ всемірное государство, миръ и золотой вѣкъ.

Но повелитель не любитъ долго возиться съ затѣянными дѣлами. Онъ удалилъ старыхъ совѣтниковъ, но не замѣнилъ ихъ новыми равными и достойными. Онъ расшаталъ учрежденія старыя, но не создалъ и не укрѣпилъ новыхъ. Онъ порвалъ старые законы, но не далъ новыхъ. Онъ уничтожилъ довѣріе къ старой системѣ воспитанія подданныхъ, но не далъ новой. Онъ пообѣщавъ измѣненіе условій жизни рабочихъ, но не исполнилъ этого. Онъ на словахъ былъ великъ, на дѣлѣ же малъ. Ибо у него не было выдержки, терпѣнія, знанія, умѣнья, воли и пониманія.

Такой повелитель нейрастеникъ не создастъ государство, а разрушитъ его, — не укрѣпитъ, а расшатываетъ, — не возвыситъ, а умалитъ, — не упорядочитъ, а взбаломутитъ...

Мы возьмемъ другого повелителя, столь-же широкодѣятельнаго и широковластнаго.

Его область еще больше и обширнѣе. По наслѣдству однако онъ получилъ неустройство и

безпорядокъ. Во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ и болѣе благоустройства, и болѣе воспитанія, и болѣе порядка, и болѣе богатства и болѣе сформированныя арміи. Въ его государствѣ нѣтъ ни совѣтниковъ, ни людей образованныхъ и ученыхъ, ни опытныхъ мастеровъ, ни заводовъ, ни фабрикъ, ни флота, ни торговли, — ничего такого, что нынѣ составляетъ цивилизацію и европеизмъ. Самый-то престолъ онъ захватилъ едва ли не съ бою. Молодой орленокъ своимъ мощнымъ умомъ усматриваетъ, что его государство будетъ стерто и уничтожено, если онъ въ немъ не учредитъ тѣхъ знаній и образованія, какія укоренились уже у сосѣдей.

И вотъ этотъ мощный юноша, съ столь же неутомимой энергіей и непосидячестью, летаетъ по всему свѣту съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Онъ лично все осматриваетъ, онъ лично все изучаетъ, онъ лично все заводитъ и устраиваетъ. Онъ устраиваетъ армію, онъ строитъ флотъ, онъ издаетъ законы, онъ устраиваетъ академію наукъ, онъ открываетъ типографію, онъ заводитъ фабрики и заводы, онъ вводитъ даже новый костюмъ для народа, онъ измѣняетъ внѣшній видъ людей, онъ производитъ реформы въ церковной области, онъ ведетъ непрерывныя войны, онъ расширяетъ предѣлы отечества, онъ измѣняетъ всю жизнь его, онъ дѣлаетъ изъ своего азіятска-

го царства царство европейское и заставляетъ силою своей умственной мощи питать къ себѣ уваженіе и почтеніе. И этотъ мощный левъ шелъ не въ уровень съ требованіями и убѣжденіями своего народа, а противъ нихъ. Онъ не продолжалъ путь славы и воинскихъ преданій своей отчизны, а самъ создавалъ и выполнялъ ихъ. Онъ не имѣлъ поддержки своимъ мыслямъ и планамъ въ окружающихъ старыхъ и опытныхъ помощникахъ, а лично выбиралъ и ставилъ себѣ помощниковъ. Онъ не писалъ балетовъ и комедій, а заводилъ только театры. Онъ не измѣнялъ системы школьнаго воспитанія, а заводилъ только школы.

И этотъ государь создалъ все.

Въ чемъ же разница лежитъ между первымъ и вторымъ?

Въ томъ, что первый быстро увлекался всѣми предпріятіями и столь-же быстро съ брезгливостью ихъ бросалъ; а второй, начавши самъ что либо, все самъ же доводилъ до конца съ отеческою любовью къ своему созданію и дѣтищу. Первый не имѣлъ своей мысли, онъ схватывалъ чужую, мимолетно ее усваивалъ и столь же легкомысленно покидалъ; второй имѣлъ свою мысль, тщательно ее обдумывалъ и никогда не покидалъ. Первый, по своей умственной немощи, не могъ жить всѣми своими мыслями одновременно и перескакивалъ отъ мысли къ мысли; второй все вмѣщалъ въ

своей, головѣ, все приводилъ въ связь и порядокъ и всему давалъ извѣстное соотношеніе. Первый накидывался на внѣшность мысли, не погружаясь въ ея глубину,—второй всегда изучалъ ее по существу. Первый никогда не зналъ дѣла въ его частностяхъ,—второй всегда изучалъ дѣло до мелочей и всегда могъ быть во всемъ лично учителемъ отъ начала до конца.

Первый былъ умственный пигмей,—умственный нейрастеникъ,—второй умственный титанъ,—геній. Первый — сердитое безсиліе, второй — мощь и сила....

Во второй группѣ нейрастениіи умственно люди представляются какъ-бы здоровыми, за то въ ихъ характерѣ, дѣйствіяхъ и поступкахъ усматривается масса неправильностей, отклоненій и такихъ проявленій, въ которыхъ и сами больные раскаиваются и общество привлекаетъ ихъ къ отвѣтственности. Такіе люди обнаруживаютъ въ однихъ случаяхъ необыкновенную вспыльчивость, злость, кровожадность и склонность къ истязаніямъ, въ другихъ случаяхъ—страсть къ пьянству, злоупотребленію морфіемъ, опиѣмъ и проч., еще въ иныхъ —страсть къ картежной игрѣ и собиранію ненужныхъ предметовъ, еще иногда—стремленіе къ дурному обществу, попрошайничеству, бродяжниче-

ству, тяготѣнію къ тому-же самому полу и даже половое влеченіе къ животнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на такихъ людей нападаютъ приступы безпричиннаго страха и тоски,—въ другихъ, напротивъ, безповоднаго безумнаго веселья. Иногда они находятся въ состояніи какого то томленія, возбужденія и ожиданія, что вотъ-вотъ что-то съ ними случится. И знаютъ они хорошо, что ничего съ ними не случится, а между тѣмъ ожидаютъ его,—и случится именно что-то ужасное....

Помимо этого можетъ быть масса и другихъ явленій, такъ что перечислить ихъ едва ли возможно. Обо всѣхъ этихъ вышеуказанныхъ проявленіяхъ болѣзни должно замѣтить слѣдующее: никогда эти явленія не бываютъ совмѣстно у одного и того-же человѣка. Только изъ наблюденія многихъ нейрастениковъ можно собрать и составить эту картину болѣзни. Въ дѣйствительности же у нейрастениковъ развивается одно какое нибудь или нѣсколько болѣзненныхъ явленій, которыя впослѣдствіи могутъ смѣниться другими.

Явившись разъ, тотъ или другой признакъ остается не долго, иногда нѣсколько минутъ или часовъ, и затѣмъ исчезаетъ, оставляя человѣка въ здоровомъ состояніи, съ тѣмъ однако, чтобы на другой день, или черезъ нѣкоторое время, при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, появиться вновь.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ усматривается неустойчивость нервной дѣятельности, болѣзненные проявленія страха, тоски, томленія, ожиданія, влеченій и страстей при полномъ сознаніи ихъ нелѣпости, болѣзненности, вредности и опасности и при полной неспособности имъ противустоять.

Какъ нейрастенія, проявляющаяся преимущественно въ области мыслительной, такъ и нейрастенія самочувствія и страстей иногда могутъ сочетаться между собою частичными своими проявленіями и давать смѣшанную картину болѣзни.

Судьба нейрастеніи для различныхъ случаевъ неодинакова: при благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ и надлежащемъ леченіи, она можетъ проходить и исчезать безслѣдно, или временно, — въ другихъ случаяхъ, она можетъ оставаться пожизненно, давая то болѣе, то менѣе продолжительные свѣтлые промежутки, — наконецъ, при неблагопріятныхъ случаяхъ она можетъ имѣть поступательное движеніе въ глубь нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Нейрастенія служитъ прекраснѣйшею почвою для развитія болѣзней нервной системы, и удачнѣйшей канвой, на которой могутъ быть начертаны узоры и картины всевозможныхъ заболѣваній. На почвѣ нейрастеніи можетъ явиться эпилепсія или падучая болѣзнь, истерія, пляска св. Вита, всевозможные насиль-

ственные приступы страха и тоски и душевныя заболѣванія.

Изъ душевныхъ болѣзней на этой почвѣ чаще другихъ развивается *первичное помѣшательство* или параноя. Въ данномъ случаѣ она насъ наиболѣе интересуеъ и потому мы постараемся прослѣдить механизмъ ея возникновенія изъ нейрастеніи и до полного ея развитія въ формѣ бреда преслѣдованія.

Что такое первичное помѣшательство или параноя, объ этомъ нами было подробно сказано въ другомъ сообщеніи ¹⁾ и останавливаться на этомъ вопросѣ теперь я считаю излишнимъ..

Способы возникновенія и развитія паранойи на нейрастенической почвѣ бываютъ очень разнообразны,—мы остановимся на наиболѣе частомъ изъ нихъ. На почвѣ нервной раздражительной слабости и нервной неуравновѣшенности, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, у больного развивается усиленное безпокойство, волненіе, недовольство и усиленное ожиданіе, что съ нимъ что-то случится и т. п. Больной ищетъ причины своего безпокойства. Ему кажется, что всѣ окружающія лица относятся къ нему какъ то не такъ, какъ это было прежде. Всюду къ нему замѣчается особенное вниманіе,

¹⁾ П. И. Ковалевскій «Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Людвигъ II, король Баварскій». 1892.

особенное присматриваніе, особенная наблюдательность. Ни одинъ его шагъ, ни одно его движеніе, ни одно его препятствіе не обходятся безъ того, чтобы окружающіе не отнеслись къ нему съ особенною предупредительностью. Самыя мысли его окружающими какъ бы угадываются и предусматриваются. Такое чрезмѣрное вниманіе со стороны окружающихъ не можетъ не навести больного на размышленіе...

Въ дѣйствительности, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго. Всѣ относятся къ нему и сегодня точно такъ-же, какъ и вчера, но у больного существуетъ особенное повышеніе воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, отражающееся на мысли объ усиленіи вниманія со стороны окружающихъ къ его личности. Такое ошибочное и до нѣкоторой степени даже ложное ощущеніе наблюдательности и представленіе о наблюдательности со стороны окружающихъ по отношенію къ начинающемуся параноику находитъ себѣ первообразъ въ явленіяхъ обыденной жизни. Вчера мы были въ поношенномъ сюртукѣ, сегодня въ новомъ. Никто, разумѣется, не обратилъ вниманія на эту перемѣну; но намъ кажется, что «я» сталъ какъ-бы инымъ человекомъ, и всѣ эту перемѣну замѣчаютъ и всѣ на нее отзываются вниманіемъ и наблюдательностью. Также бываетъ, когда мы подстригли волосы, надѣли новые ботинки,—когда у дамы на

шляпкѣ цвѣтокъ перенесенъ слѣва на право, а бантикъ на три линіи выше, или ниже... Это явленіе обычное и всѣмъ хорошо знакомое. Оно то и можетъ служить намъ примѣромъ и разъясненіемъ того болѣзненнаго состоянія, которое у параноиковъ выражается въ формѣ усиленной наблюдательности къ нимъ со стороны окружающихъ...

Итакъ, они подлежатъ особенному вниманію, особенной наблюдательности со стороны окружающихъ. Почему? Что тому причиною? Отвѣта на эти вопросы пока нѣтъ. Но это заставляетъ больныхъ съ своей стороны усилить вниманіе ко всему происходящему вокругъ нихъ. И вотъ они становятся ко всему въ высшей степени подозрительными.

Будучи скрытными, замкнутыми, сосредоточенными въ себѣ, параноики издали, незамѣтно для другихъ, зорко наблюдаютъ за всѣмъ и за всѣми. И къ своему ужасу они видятъ, что все вокругъ нихъ дѣлается не съ проста. Все ихъ окружающее не въ томъ видѣ, какъ это было прежде. Все это какъ-то измѣнено. Все дѣлается не такъ, какъ было до сихъ поръ. Разумѣется, на дѣлѣ измѣнилась не обстановка, а ихъ способность воспріятія, но они приписываютъ перемѣну окружающему и стараются отыскать ея причину. Подозрительность усиливается и наполняетъ все ихъ

существо. Больной постоянно ко всему приглядывается, больной вѣчно на сторожѣ...

Такая необыкновенная, болѣзненная, подозрительность порождаетъ въ больныхъ новое состояніе—склонность все совершающееся относить къ себѣ. Идетъ онъ по улицѣ. Проходящій плюнулъ. Этотъ плевокъ служитъ выраженіемъ желанія оскорбить его. У проходящихъ онъ слышитъ слова «онъ не надеженъ»...

— Это я не надеженъ... Почему?... Что я сдѣлалъ?... Въ чемъ не надеженъ?..

И вотъ является цѣлый рядъ мучительныхъ вопросовъ: почему и какъ?

Больной читаетъ газету. Пишутъ о неотложной необходимости извести сусликовъ, опустошающихъ поля Екатеринославской губерніи.

— Ну да, суслики... При чемъ тутъ суслики... Это «они» хотятъ извести меня?... Я, вѣдь, Екатеринославской губерніи...

Всякій кашель, всякое движеніе окружающихъ, встрѣча и т. д. истолковываются въ смыслѣ отношенія къ ихъ личности. У такихъ больныхъ, какъ говорятъ, развивается необыкновенный «эгоцентризмъ», т. е. такое душевное состояніе, когда имъ кажется, что ихъ «я» стало центромъ всего міра.

Но все это состоянія подготовительныя. Они могутъ быть или не быть. Если они и суще-

ствують, то въ глубинѣ души больного и для окружающихъ рѣшительно незамѣтны. Только весьма опытный глазъ врача психіатра можетъ уловить ихъ и путемъ весьма осторожныхъ и отдаленныхъ вопросовъ отчасти извлечь.

Для больныхъ-же эти состоянія въ высочайшей степени тягостны и мучительны. Они имъ не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Они ихъ лишаютъ сна. Они разрушаютъ ихъ душевный покой, разбивая отношенія къ самимъ близкимъ и дорогимъ лицамъ: друзьямъ, роднымъ, родителямъ, женѣ и дѣтямъ...

Къ этому присоединяются иллюзіи или ошибочныя ощущенія. Больные видятъ на лицахъ близкихъ подозрительность, насмѣшку, презрѣніе, порицаніе. Въ ихъ голосѣ слышится отгѣнокъ недовольства, издѣвательства и проч. Въ пожатіи руки они наблюдаютъ особенную рѣзкость и стремленіе оттолкнуть. Самый воздухъ носитъ въ себѣ что-то особенное, подозрительное и непріятное.

Все это заставляетъ больныхъ вести себя весьма осторожно, удаляться отъ грѣха и быть сосредоточенными въ себѣ. Безконечное оскорбленіе и обида порождается въ ихъ душѣ... За что такая травля? За что такое всеобщее надъ нимъ издѣвательство? Гдѣ ему искать помощи, поддержки, защиты и покровительства? Всѣ противъ него. Всѣ его враги. Всѣ ему желаютъ зла. Всѣ его хотятъ

*

извести. Безпредѣльная злоба и безграничная ненависть порождается у этихъ людей ко всѣмъ людямъ, особенно же къ людямъ близкимъ и прежде дорогимъ. Ихъ несчастья для него пріят-

Портретъ параноика.

ны. Ихъ страданія для него утѣшеніе. Ихъ мученія для него живительный бальзамъ. Нѣтъ того зла, котораго бы онъ не пожелалъ роду че-

ловѣческому. Нѣтъ той лютости, на которую онъ не осудилъ бы весь людъ. Нѣтъ той казни для людей, которая бы его удовлетворила.

Ибо это враги его. Всѣ они его терзаютъ. Всѣ они его мучаютъ. Всѣ они желаютъ извести его. Все это онъ видитъ. Все это онъ слышитъ. Все это онъ чувствуетъ.

Бредъ преслѣдованія въ полномъ разгарѣ.

По временамъ онъ затихаетъ. Порождаются мысли—да правда ли это? Не ошибаюсь ли я? Не даромъ ли я взвожу обвиненія? И вотъ иногда могутъ явиться минуты недоумѣнія, сомнѣнія и раскаянія... Но, увы, эти минуты непродолжительны. Вновь приливаетъ волна гнѣва, ненависти къ роду человѣческому и желанія ему всѣхъ золъ земныхъ. Если бы такой человѣкъ могъ залить землю кровью своихъ враговъ, то высочайшимъ наслажденіемъ для него было бы выкупаться и купаться безконечно въ этой крови. Эта кровожадность, звѣрство и изувѣрство — явленіе логическое, оно является естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ страданій и мученій, которыя такіе люди переживаютъ въ своемъ бредѣ преслѣдованія.

При этомъ по существу своему такіе люди могутъ быть или злыми, безсердечными и кровожадными людьми,—или же обыкновенными смертными, относящимися къ кровожадности съ обыч-

нымъ омерзѣніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ кровожадныхъ мысли находятъ себѣ сопротивленіе въ общей природѣ человѣка, чуждой жестокости и кровожадности, — въ первомъ случаѣ жестокія мысли находятъ себѣ поддержку въ жестокой натурѣ человѣка и тогда преступленія такихъ людей отличаются необыкновеннымъ звѣрствомъ и жестокостью. Но каково-бы ни было сочетаніе жестокихъ идей и стремленій кровожадности у параноика, онъ никогда не рискнетъ совершить эти звѣрства зря, ибо онъ знаетъ хорошо, что за это послѣдуетъ жестокая кара.

Такоу параноикъ въ своемъ бредѣ преслѣдованія. Это звѣрь. Звѣрь безпощадный. Звѣрь кровожадный, готовый растерзать весь міръ.

Но въ этомъ человѣкѣ существуетъ и другой человѣкъ, человѣкъ обычный, человѣкъ здоровый, живущій обычною жизнью и совершающій обычные человѣческія дѣянія.

III.

Параноя или первичное помѣшательство нѣкоторыми называется еще ограниченнымъ или однопредметнымъ помѣшательствомъ (monomania) и это названіе дается данной болѣзни не безъ основанія. Эта болѣзнь представляетъ чрезвычайно

странное и причудливое раздвоение сознания человѣка. Параноикъ, въ отношеніи свѣдѣній объ обыденной жизни, ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, онъ имѣетъ тѣже знанія, въ точности выполняетъ ихъ какъ всѣ люди, вполне правильно и сознательно воспринимаетъ и переживаетъ текущую жизнь и въ тоже время, въ область этой здоровой обычной жизни врывается его бредъ преслѣдованія. Такимъ образомъ параноикъ живетъ двойственною жизнью: съ одной стороны, у него обычное міровоззрѣніе и сознание, съ другой стороны, его личный бредовой міръ. Первымъ онъ живетъ со всѣми людьми, — вторымъ съ самимъ собою.

И долгое время эти два душевныхъ міра совмѣщаются въ параноикѣ незамѣтно для окружающихъ. Больной проявляетъ рядъ странностей, представляется нѣсколько инымъ, чѣмъ всѣ люди, приобретаетъ кличку «чудака», но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него выходитъ дѣльный, расторопный и исправный чиновникъ, или учитель, или инженеръ, или любой общественный дѣятель. Долгіе годы онъ можетъ занимать общественныя должности, быть гражданиномъ не хуже другихъ и удовлетворительнымъ семьяниномъ.

Бредъ преслѣдованія параноика существуетъ въ больномъ непрерывно; но его теченіе или прохожденіе совершается волнообразно: то усиливаясь,

то ослабѣвая. Въ періодѣ ослабленія бредовыхъ идей параноикъ покоенъ, тихъ, исполнителенъ, болѣе или менѣе общителенъ и легко подчиняется требованіямъ общественной жизни; въ періодѣ ожесточенія бредовыхъ идей параноикъ выходитъ изъ своей тихой жизни и пытается проявить въ жизни тяготящее надъ нимъ вліяніе своихъ бредовыхъ идей. Если бы мы представили себѣ челоѣка съ общественнымъ положеніемъ неограниченнымъ, если бы это былъ челоѣкъ съ неограниченнымъ правомъ и безпредѣльною свободою дѣйствія, то, подъ вліяніемъ бредовыхъ идей преслѣдованія, такой челоѣкъ быстро одержитъ верхъ надъ сознаниемъ обычной здоровой жизни, и въ моментъ ожесточенія бредовыхъ идей явится разрушителемъ міра. Онъ будетъ воплощеніемъ духа зла и истребителемъ всего того, что создано Богомъ. Онъ подвергъ бы смерти все живое, доступное его вліянію и упивался бы кровью, льющеюся вокругъ него изъ его враговъ....

Но мы живемъ при другихъ условіяхъ. Наше сознание слишкомъ сдерживаетъ наши мысли, влеченія, побужденія и желанія. Мы живемъ подъ закономъ. И вотъ у параноика, въ моментъ ожесточенія болѣзни, является необыкновенная борьба между тяготѣніемъ бредовыхъ идей и сознаниемъ закона, долга и требованій жизни. Пока обычное сознание беретъ перевѣсъ надъ бредовы-

ми идеями, надъ болѣзненнымъ сознаниемъ, до тѣхъ поръ параноикъ—человѣкъ со странностями и терпимъ въ обществѣ. Бредъ беретъ перевѣсъ надъ обычнымъ сознаниемъ—параноикъ преступаетъ предѣлы, положенныя требованіемъ обыденной жизни и закономъ, и становится преступникомъ. Его мѣсто—сумасшедшій домъ....

Но такое состояніе длится 5—10 дней, много 2—3 мѣсяца, и параноикъ опять покоенъ. Его бредовыя идеи утихли. Ихъ тяготѣніе ослабло. Обычное сознание беретъ перевѣсъ. Человѣкъ возвращается къ обыденной жизни. Онъ исполняетъ исправно свои обязанности, поддерживаетъ отношенія, бываетъ (хотя изрѣдка) въ обществѣ, читаетъ книги, даже изрѣдко пишетъ и печатаетъ сочиненія и въ своей жизни по внѣшности мало чѣмъ отличается отъ обыкновенныхъ людей.

Такой свѣтлый промежутокъ длится 3—8 мѣсяцевъ. Наступаетъ новое ожесточеніе болѣзни. Въ эти новые приступы болѣзненное сознание беретъ все большій и большій перевѣсъ предъ обычнымъ сознаниемъ, пока обычное сознание не станетъ соподчиненнымъ болѣзненному.

Разумѣется, борьба этихъ двухъ жизней длится годы и десятки лѣтъ. Умственныя силы и энергія человѣка падаютъ. Онъ постепенно теряетъ свой рѣзкій характерный обликъ и мало по малу опускается къ слабоумію.

Итакъ намъ жизнь даетъ такіе случаи душевнаго состоянія, когда человѣкъ въ одно и тоже время можетъ быть и умнымъ и сумасшедшимъ, и дѣловымъ человѣкомъ и душевно-больнымъ, и исполнительнымъ общественнымъ дѣтелемъ и преступникомъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ живетъ двойственною жизнью сознанія, или когда въ его обычномъ сознаніи внѣдряется частичное пораженіе въ видѣ однопредметнаго помѣшательства. Такіе случаи въ жизни нерѣдки и мономаніаковъ можно находить во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ отъ кирки работника и до царскаго жезла.

Для людей, незнакомыхъ съ этимъ болѣзненнымъ душевнымъ состояніемъ, мономаніаки представляютъ собою неразгаданность,—для психіатріи же—это обычное явленіе.

Однако для полноты картины умственнаго бытія параноика мы должны сдѣлать кое-какія дополненія.

Будучи замкнутымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ, параноикъ обладаетъ необыкновенно богатою фантазією. И замкнутость и фантазія являются у него развитыми болѣзненно и заставляютъ больного жить преимущественно въ этой области. Устраняясь отъ людей и замыкаясь въ самихъ себѣ, больные покидаютъ представленія дѣйствительной жизни и тяготятся строгимъ мыш-

леніємъ на основаніи обычныхъ представленій и понятій. Они съ величайшимъ удовольствіемъ погружаются въ картины фантазіи и воображенія, цѣлыми часами строятъ воздушные замки, со-

Параноикъ-галлюцинантъ.

здаютъ цѣлыя исторіи, пропускаютъ предъ собою фантазмагоріи самаго причудливаго характера,—при чемъ во всемъ этомъ главнымъ героемъ, центромъ всего фантастическаго происшествія служатъ они сами, а около нихъ ихъ враги. Здѣсь то они своими

глазами видятъ всѣ козни враговъ, слышатъ всѣ ихъ заговоры, хулы, порицанія и злодѣйства, принимаютъ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія, побиваютъ, уничтожаютъ и истязаютъ лютыми казнями своихъ враговъ и видятъ въ мірѣ только себя и все только для себя.

Вторая особенность параноиковъ та, что нерѣдко они неспособны бываютъ отдѣлить пережитого въ картинахъ фантазіи отъ дѣйствительнаго и образамъ воображенія приписываютъ предположеніе, что все это такъ было и на дѣлѣ. Этимъ дается основа для составленія ошибочныхъ и ложныхъ представленій и понятій, а равно и для бессмысленныхъ дѣйствій и поступковъ.

На основаніи столь сильно развитыхъ фантазіи и воображенія, мы видимъ, что параноики въ дѣлахъ обыденной жизни неспособны бываютъ къ строгому и глубокому мышленію и продолжительному сосредоточію вниманія на одномъ и томъ же предметѣ. Они могутъ быть находчивы, даже остроумны и, на видъ, какъ бы съ солиднымъ образованіемъ,—но все это у нихъ слишкомъ легковѣсно и поверхностно. Ихъ знанія могутъ быть обильными, но безъ умѣнья примѣнить на дѣлѣ. Параноики очень чутки ко всему происходящему вокругъ нихъ, но при этомъ они не могутъ проникнуть въ сущность дѣла, а живутъ мыслями другихъ,—за исключеніемъ своего бреда. Иногда

пониманіе окружающихъ событій принимаетъ неправильную, ошибочную и ложную окраску, такъ какъ они нерѣдко на все окружающее смотрятъ не дѣйствительными глазами, а сквозь очки своей фантазіи и воображенія.

Такая неустойчивость ума параноика, его легковѣсность и неспособность сосредоточія на одномъ и томъ же предметѣ легко объясняются основнымъ качествомъ нейрастеника — быстро на все накидываться и еще быстрѣе все покидать, вслѣдствіе быстрого истощенія запаса силъ и энергіи.

Кромѣ того мы не должны забывать, что такой человѣкъ живетъ двойственнымъ сознаниемъ, при чемъ въ то время, когда онъ самъ съ собою, онъ живетъ болѣзненнымъ сознаниемъ, оставляя въ сторонѣ и бездѣятельности здоровое сознание, а такъ какъ параноикъ самъ съ собою большую часть времени, то уже въ силу этого здоровая умственная сознательная дѣятельность должна стоять ниже нормы.

Если въ умственномъ отношеніи параноикъ представляетъ человѣка неустойчиваго и больного, то въ нравственномъ отношеніи параноики еще болѣе отдѣляются отъ здоровыхъ людей и представляютъ рѣзкія болѣзненные отклоненія.

Уже въ силу болѣзненнаго логическаго мышленія, параноикъ въ мірѣ является одинокимъ, такъ какъ всѣ остальные люди — его враги. Отсюда,

весьма естественно, что онъ живетъ не только въ себѣ, но и исключительно для себя.

Первое, что замѣтно у первично-помѣшанныхъ, это крайній эгоизмъ и себялюбіе. Они знаютъ только себя и заботятся только о себѣ. Общество, человѣчество, интересы ближняго, даже интересы семьи для нихъ не существуютъ. Слѣдовательно, при этомъ въ основѣ подрывается идея общественности и идея любви къ ближнему. Первично-помѣшанные держатъ себя совершенно замкнуто и обособленно,—самый бредъ преслѣдованія очень характеренъ для такихъ случаевъ, онъ вполне согласуется съ ихъ одиночествомъ и съ ихъ подозрительностью. Нерѣдко эти больные—крайне жестоки и требовательны по отношенію къ своимъ роднымъ. Любовь къ родителямъ это для нихъ, если не пустой звукъ, то законный поводъ къ предъявленію всевозможныхъ, подчасъ совершенно нелѣпыхъ, требованій. Не лучшее отношеніе и къ братьямъ и сестрамъ. Почти всегда первыми врагами и преслѣдователями больныхъ въ ихъ бредѣ преслѣдованія являются братья и сестры. Опять знаменательное сочетаніе болѣзненного бреда съ болѣзненно-нравственными отношеніями. Очень часто подъ влияніемъ бредовыхъ идей братья и сестры становятся первыми жертвами преступленія этихъ несчастныхъ. Но даже во время затишья бредовыхъ идей эти больные

очень далеки отъ братской и дружеской любви. Но особенно несчастными являются въ семействѣ такихъ больныхъ жена и дѣти. Жена—это полная раба, дѣти—это какіе-то щенки, служащіе лишней семейной обузой. Вотъ отношенія такихъ больныхъ къ людямъ самымъ близкимъ и самымъ дорогимъ. Здѣсь нарушаются нравственныя черты, не только присушія человѣку, но даже многимъ высшимъ животнымъ.

Параноикъ не имѣетъ друзей, онъ не имѣетъ близкихъ людей. Всѣ служатъ для него, онъ ни для кого.

Это есть первое нарушеніе общественныхъ условий существованія человѣка.

Это сухіе жестокіе себялюбцы, задумывающіе все сдѣлать для себя.

Словомъ, это какіе-то отщепенцы изъ общества, это какія-то одиночки, живущія внѣ общества, сами въ себѣ. Это лица, непонимающія, что такое общество, тяготящіяся обществомъ и избѣгающія его.

Такое положеніе одиночекъ человѣческаго рода вполне противорѣчитъ общепринятому положенію, что человѣкъ есть общественное существо, т. е. живущее общественно, не могущее жить безъ общества и живущее для общества. Они совершенно не подходятъ подъ это положеніе.

Разсматривая жизнь животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, особенно живущихъ стадами, намъ

нерѣдко приходится встрѣчаться съ такими явленіями, что и среди этихъ обществъ встрѣчаются особи, которыя точно также живутъ одиноко, чуждаются общества себѣ подобныхъ и преслѣдуютъ свои личные интересы. Это явленіе представляется не мало интереснымъ и можетъ служить большимъ подспорьемъ для изученія подобнаго же проявленія въ человѣческомъ родѣ. Къ сожалѣнію, въ біологической литературѣ оно мало разработано еще и намъ приходится ограничиваться отдѣльными только данными. *Бремъ* говоритъ, что въ семействѣ слоновъ существуютъ отщепенцы, живущіе одиноко, внѣ семьи, — они даже носятъ особое названіе—гундасы и рогесы, смотря по тому, будутъ-ли они относительно добраго нрава, или злы. Точно также и въ семействѣ свиней существуютъ кабаны отшельники, которые проводятъ жизнь одиноко. Въ другихъ семействахъ можно найти также такихъ одиночекъ, такъ даже между рыбами находятся таковыя (И. О. Фесенко). *II. Терлецкій*, занимавшійся довольно усердно изученіемъ жизни рыбъ, о такихъ одиночкахъ дѣлаетъ предположеніе, что эти «блуждающія рыбы» принадлежатъ или «къ рыбамъ чѣмъ-либо или кѣмъ-либо обезпокоеннымъ, или больнымъ».

Но помимо отсутствія этихъ положительныхъ свойствъ, присущихъ каждому животному, живу-

щему общественной жизнью, у первично-помѣшанныхъ являются отрицательныя свойства: злость, ненависть къ обществу и животный эгоизмъ.

Обыкновенно мы привыкли думать, что проявленіе злости и звѣрства есть явленіе аффективное, явленіе, находящееся въ противорѣчій съ здравымъ разсудкомъ. Въ данномъ случаѣ злость и звѣрство являются основною чертою характера, проявляющеюся нерѣдко съ дѣтства и до старости. Будучи дѣтьми, они любятъ мучить животныхъ, вырывать птенцовъ изъ гнѣздъ и раздирать ихъ,—мучить котятъ, щенковъ, поросятъ и пр. Выростая далѣе, они нерѣдко производятъ подобныя опыты и на младшихъ членахъ семьи, или чужихъ дѣтяхъ,—женившись — производятъ опыты на женахъ, имѣя дѣтей—на собственныхъ дѣтяхъ. Безсердечіе, холодность и расчетанность (нерѣдко самая нечѣпая) — основная черта ихъ характера. Рѣдко можно видѣть среди первично-помѣшанныхъ человѣка сердечнымъ, человѣколюбивымъ, искренно проникнутымъ любовью къ ближнему и отечеству, а также идеями чести и справедливости. Во всѣхъ поступкахъ параноиковъ скользитъ подозрительность, осторожность, недоувѣріе, скрытность и жестокость.

Скрытность составляетъ довольно характерную черту первично-помѣшанныхъ. Когда психіатръ

въ отдѣленіи душевно-больныхъ встрѣчаетъ больного, совершенно отрицающаго свою болѣзнь и довольно логически объясняющаго поступленіе недоразумѣніемъ или случайностью, первое подозрѣ-

Параноикъ съ бредомъ подозрительности и преслѣдованія.

ніе у него является относительно первичнаго помѣшательства. Въ этихъ случаяхъ искусно проведенный опросъ иногда открываетъ сущность дѣла;

но другой разъ всѣ усилія врача добиться истины остаются совершенно напрасными.

Жестокость этихъ людей превышаетъ наше обычное пониманіе о жестокости. Параноики нерѣдко жестоки по существу. Они живутъ своей жестокостью. Они продолжительно придумываютъ планы и способы проявленія для своей жестокости. Они упиваются своей жестокостью и испытываютъ минуты наслажденія при выполненіи оной. Эта жестокость нерѣдко соединена съ жаждою крови. Кровь стоитъ въ ихъ воображеніи. Кровь носится предъ ихъ глазами. Крови жаждутъ они для отмщенія. Кровь, кровь и кровь въ ихъ душѣ. Они желали-бы жить кровью и тогда были бы на верху блаженства. Разумѣется, и это проявленіе жестокости и кровожадности у параноиковъ проявляется приступами ожесточенія и ослабленія.

Рядомъ однако съ этой жестокостью и кровожадностью у параноиковъ возможно бываетъ подмѣтить большую хитрость, осторожность, коварство и даже трусость, что однако не мѣшаетъ имъ готовить планы мести и вести каверзы и злодѣянія.

Нерѣдко параноики разнузданы въ своихъ страстяхъ и влеченіяхъ, причемъ, по общему согласію со всѣмъ остальнымъ, и здѣсь они являются своеобразными и отщепенцами. Особенно интересна ихъ половая жизнь.

*

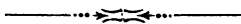
Часто параноики живутъ въ половомъ отноше-
ніи анохоретами и являются импотентами; но бы-
ваютъ случаи проявленія у нихъ грязной и неудер-
жимой страсти. При этомъ ихъ естественныя потреб-
ности смѣшиваются съ картинѣми болѣзненной
фантазіи и приводятъ къ разнузданному, неесте-
ственному и противуестественному удовлетворенію.

Иногда у такихъ больныхъ является ненависть
и омерзеніе къ противному полу, особенно у муж-
чинъ къ женщинамъ, и влеченіе къ одноименному
полу съ стремленіемъ къ удовлетворенію своей стра-
сти. Иногда у этихъ лицъ наблюдается побужде-
ніе къ удовлетворенію себя съ животными и проч.

Вообще и въ этомъ отношеніи параноики пред-
ставляютъ собою существа, имѣющія только об-
разъ или внѣшность человѣческую, хотя и въ этомъ
отношеніи у нихъ наблюдаются нерѣдко отклоне-
нія, въ остальномъ-же они являются отщепенцами
и вырождаками рода человѣческаго, могущими време-
нами быть весьма опасными для сего послѣдняго.

Этотъ человѣкъ въ большинствѣ остается оди-
нокимъ или, если и вступаетъ въ бракъ, то его
потомство обречено на вымираніе, потому, какъ
въ первомъ, такъ и во-второмъ случаѣ произой-
детъ вырожденіе въ полномъ смыслѣ слова.

Это одинъ изъ путей къ вырожденію рода че-
ловѣческаго, но не единственный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Прикажи Господи намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку бывалую:
Про того царя Івана да Васильевича....
Русскія пѣсни. Якушкинъ, 74.

Приступая къ описанію личности какого нибудь нервно или душевно-больного, мы обязательно должны обратить вниманіе на его предковъ, дабы тѣмъ самымъ выяснить вопросъ: что это были за люди и какое физическое и психическое достояніе они передали своимъ дѣтямъ? Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ необходимымъ коснуться душевныхъ качествъ предковъ Іоанна даже до четвертаго поколѣнія.

Знаменитый нашъ историкъ, Н. И. Костомаровъ такъ характеризуетъ прадѣда Іоанна Грознаго, Великаго Князя Василя Васильевича: это былъ человѣкъ «ограниченныхъ дарованій, слабаго ума и слабой воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ способный на всякія злодѣянія и вѣроломства». Впослѣдствіи ослѣпленный Димитріемъ Шемякой, Ва-

силій Васильевичъ «все остальное время правленія отличается твердостью, умомъ и рѣшительностью. Очевидно, что *именемъ слѣплаго Князя управляли умные и дѣятельные люди*». ¹⁾

Дѣдъ Іоанна Грознаго, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ отличался совершенно обратными душевными качествами, сравнительно съ Василиемъ Темнымъ. Это былъ человекъ «крутого нрава, холодный, разсудительный, съ черствымъ сердцемъ, властолюбивый, неуклонный въ преслѣдованіи избранной цѣли, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всѣхъ дѣйствіяхъ видна постепенность, даже медлительность; онъ не отличался ни отвагою, ни храбростію, за то умѣлъ превосходно пользоваться обстоятельствами; онъ никогда не увлекался, за то поступалъ рѣшительно, когда видѣлъ, что дѣло созрѣло до того, что успѣхъ несомнѣненъ». (Н. И. Костомаровъ, ст. 255).

Съ возрастаніемъ Іоаннъ III отличался жестокостью и безсердечіемъ въ обращеніи съ своими подданными. Тюрмы наполнялись; битые кнутомъ и торговая позорная казнь стали обычнымъ явленіемъ. Людей судили теперь «съ пристрастіемъ» и этотъ судъ сопровождался страшными пытками....

¹⁾ Н. И. Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей, 1880, стр. 248 и 250.

Іоаннъ Васильевичъ III женится на греческой царевнѣ Софіи Палеологъ и черезъ это въ домъ Рюриковичей вносится кровь Палеологовъ. Бабка Іоанна Грознаго отличалась умомъ, энергіей, хитростью и силой воли. Но не смотря на очень устойчивыя личныя качества, Софья Палеологъ вносить съ собою въ домъ Рюриковичей кровныя недостатки Палеологовъ.

Василій Іоанновичъ, отецъ Іоанна Грознаго своимъ умомъ далеко отставалъ отъ своего отца. Это былъ человѣкъ самонадѣянный, гордый, немилостивый и жестокий. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія и всѣ были предъ нимъ полными рабами. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ былъ очень неустойчивъ: будучи, повидимому, расположенъ и милостивъ къ подданному, онъ неожиданно поражалъ его опалою, когда тотъ и не чаялъ этого; и, наоборотъ, иногда подвергши опалѣ раба, вдругъ милостиво прощалъ ему.

Василій Іоанновичъ былъ женатъ на Соломоніи Сабуровой и въ этомъ супружествѣ прожилъ 28 лѣтъ, не имѣя дѣтей. Поэтому Василій расторгъ бракъ, Соломонію посадилъ въ монастырь и вновь женился на Еленѣ Глинской, будучи 48 лѣтъ, въ то время какъ его жена была слишкомъ молодая дѣвушка. Отъ этого брака, спустя четыре съ половиною года, и родился первенецъ Іоаннъ Грозный. Елена Глинская была личность

большого ума и широкаго образованія,—но историкѣ даютъ далеко не лестные отзывы о ея характерѣ и нравахъ. Княгиня Елена страдала болѣю, половины головы и ухомъ ¹⁾).

Василій Іоанновичъ умеръ отъ какого-то подкожнаго нарыва на ногѣ. Князь испытывалъ отъ этого страшнаго мученія: рана воспалилась и издавала страшный смрадъ. Къ этому присоединились заботы и тоска о будущности малолѣтняго князя наслѣдника и семьи. Передъ смертію у него отняло языкъ и правую руку (Арцыбашевъ ²⁾).

Итакъ, Іоаннъ Грозный—сынъ 52 лѣтняго отца и молодой еще матери. Это обстоятельство не лишено нѣкотораго интереса съ точки зрѣнія ученія о нервныхъ заболѣваніяхъ.

Установленъ фактъ, что престарѣлый возрастъ родителей отражается на устойчивости организма дѣтей. Чѣмъ крѣпче родители, тѣмъ крѣпче, сильнѣе и мощнѣе и организація дѣтей; наоборотъ, чѣмъ старѣе, слабѣе и болѣзненнѣе родители, тѣмъ слабѣе, хилѣе и неустойчивѣе и ихъ дѣти. Что

¹⁾ Великій Князь Василій, отецъ Іоанна Грознаго, слѣдующее пишетъ женѣ своей Еленѣ: и ты бы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не балывала ли тебя полголовы и ухо и сторона и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ». Письма Русскихъ Царей, 1848.

²⁾ Арцыбашевъ, Повѣствованіе о Россіи, 1838, т. II, стр. 126.

говорится вообще объ организаціи наслѣдственниковъ, то можетъ быть сказано и въ частности по отношенію къ организаціи центральной нервной системы. Нервная система дѣтей тѣмъ слабѣе и неустойчивѣе, чѣмъ были старѣе ихъ родители.

Такое воздѣйствіе престарѣлаго возраста родителей на большую или меньшую крѣпость и мощь организаціи дѣтей будетъ значительно сильнѣе, если оба родителя будутъ въ преклонномъ возрастѣ, и значительно слабѣе, если въ преклонномъ возрастѣ будетъ только одинъ изъ родителей. Въ данномъ случаѣ, при рожденіи Іоанна, Великому Князю Василю было 52 года. Естественно, это обстоятельство должно принимать во вниманіе при обсужденіи отправленій нервной системы его дѣтей. Само по себѣ это обстоятельство имѣетъ слишкомъ малое значеніе и при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ жизни ребенка оно можетъ даже остаться безслѣднымъ; но при прочихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, или не вполне благопріятныхъ о немъ не нужно забывать.

Вотъ почему мы отгѣняемъ то обстоятельство, что Іоаннъ былъ сынъ пятидесяти двухъ лѣтняго отца и слишкомъ молодой матери.

Второе обстоятельство въ жизни Іоанна, на которое мы должны обратить вниманіе теперь же, это *психопатологическая наслѣдственность и се-*

лейное предрасположеніе къ заболѣванію душевными и нервными болѣзнями.

Изъ предыдущаго краткаго упоминанія о предкахъ Іоанна Грознаго мы видимъ, что прадѣдъ его Василій Темный и отецъ Василій Іоанновичъ не отличались особымъ умомъ и дарованіемъ; бабка же его, Софія Палеологъ, внесла въ семью Рюриковичей достаточно выраженную склонность къ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ.

Кромѣ того возможно, что на образованіе характера царя Іоанна не безъ вліянія остался и характеръ матери его, «страстной литвинки великой княгини Елены Глинской» на которую онъ, по мнѣнію проф. Фирсова ¹⁾, былъ похожъ и внѣшнимъ видомъ,—хотя для развитія его характера мы имѣемъ не мало и другихъ вліяній.

Все это не могло не отразиться, по закону наследственности, на потомкахъ этого рода.

Такое предположеніе находитъ себѣ полное оправданіе. Іоаннъ Грозный, какъ увидимъ дальше, представляетъ собою замѣчательный образецъ параноика, — тогда какъ братъ его Юрій является тупоумнымъ (*imbecillitas*) отъ рожденія.

Если дѣйствительно вѣрно, что Іоаннъ Грозный представлялъ собою наследника болѣзненнаго пред-

¹⁾ Проф. Н. Н. Фирсовъ, Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, 1892.

расположенія къ заболѣванію мозга, въ видѣ душевной болѣзни, отъ своихъ родителей и предковъ, то, по неизмѣнному закону той же наследственности, дальнѣйшіе потомки его должны идти къ вырожденію и прекращенію рода. Такъ оно и было на дѣлѣ. Іоаннъ Грозный имѣлъ втрое меньше дѣтей, нежели женъ. Старшій сынъ Іоанна умираетъ въ дѣтствѣ, второй—его сынъ, Іоаннъ, свирѣпый и кровожадный, какъ и отецъ, убить отцомъ, Федоръ—наслѣдникъ престола малоуменъ, а Дмитрій—эпилептикъ. Такимъ образомъ въ родѣ Рюриковичей, именно въ семействѣ Іоанна, вырожденіе совершается въ узкомъ и широкомъ смыслѣ слова. Къ такому выводу мы должны были прійти на основаніи научныхъ данныхъ о наследственности,—и эти предположенія вполнѣ оправдались историческими событіями.

Появленіе къ жизни Іоанна Грознаго принесло большое счастье и радость его родителямъ, особенно же отцу, отчаявшемуся уже имѣть дѣтей. Говорятъ, что въ часъ, когда княгиня Елена разрѣшилась отъ бремени Іоанномъ, по всей Русской землѣ загремѣлъ громъ, блеснула молнія и земля поколебалась... Мамкой къ новорожденному была назначена Аграфена Челяднина, сестра князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго, будущаго фаворита матери Іоанна Елены. Въ младенствѣ Іоаннъ

страдалъ какими то нарывами въ области шеи, — не менѣе болѣзненъ былъ и братъ его Юрій ¹⁾).

Іоаннъ Васильевичъ Грозный послѣ смерти отца своего, по словамъ Курбскаго, *остался зѣло младъ, аки двухъ лѣтъ*; хотя въ дѣйствительности ему въ то время пошелъ четвертый годъ. Съ этого-то возраста несчастный царь начинаетъ жить среди ужасовъ убійства, казни, кровопролитій, пытокъ и истязаній. Сначала онъ былъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы, благодаря указанію проф. В. С. Иконникова, изъ писемъ Василя Іоановича къ женѣ своей Еленѣ. Вотъ тѣ письма: «Отъ Великаго Князя Василька Ивановича всеа Русіи, женѣ моей Оленѣ. Чтѣ меня не удержишь безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, ино то дѣлаешь гораздо. И тыбѣ впередъ недержала меня безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, какъ тебя Богъ милуетъ; да и о Иванѣ сынѣ но лишъ отпиши, какъ его Богъ милуетъ. А язѣ здѣсе, милостію Божіею и пречистыя. Его Матери и Святыхъ чюдотворцевъ молитвою и родительскою молитвою, сѣми часы, далъ Богъ, живѣ до Божіей воли и поздорову есми совѣмъ. Да писала еси ко мнѣ напередъ сего, что противъ пятницы Иванъ сынъ покрятѣлъ; а нынѣ писала еси ко мнѣ, что у сына Ивана явилась на шеѣ надъ затылкомъ мѣсто высоко да крѣпко: а напередъ сего о томъ еси ко мнѣ не писала. А нынѣ пишешь, что утрѣ, въ недѣлю, на первомъ часу, то мѣсто на шеѣ стало у него повыше да и черленѣе, а гною нѣтъ, а то мѣсто у него побалаеть... Да писала еси что у Ивана у сына на шеѣ провалилося и гной, который былъ; и тотъ вышелъ, а нынѣ идетъ сукровица». (Письма русскихъ государей, 1848, 3—5).

только свидѣтелемъ и ученикомъ въ сихъ ужасныхъ дѣлахъ, творимыхъ его опекунами и воспитателями, а за тѣмъ создателемъ и вершителемъ этихъ безчеловѣчныхъ поступковъ.

За малолѣтствомъ наслѣдника престола, Іоанна Грознаго, государственное правленіе перешло теперь въ руки матери Іоанна, Елены, при посредствѣ боярской думы, состоявшей изъ родовитыхъ князей: Щуйскихъ, Оболенскихъ, Бѣльскихъ, Одоевскихъ, Захарьиныхъ, Морозовыхъ и др.

Естественно, что при такомъ правленіи должны были возникнуть распри между боярами и борьба между ними за преобладаніе и самодержавіе. Женщина того времени не могла править государствомъ мощною рукою и властью, въ силу положенія дѣла, должна была перейти въ чьи либо руки,—и именно въ руки того, кто сможетъ захватить эту власть. Желавшихъ захватить кормило государственнаго правленія было много и каждый изъ сихъ многихъ стремился избавиться отъ своихъ соперниковъ. Отсюда естественный исходъ—не правленіе государствомъ на пользу его, а стремленіе уничтожить своихъ соперниковъ и враговъ, обвинить ихъ въ чемъ нибудь и тѣмъ или другимъ путемъ изъять ихъ изъ современнаго сосуществованія.

Но рядомъ съ этимъ были лица всѣмъ таковымъ искателямъ кормила правленія и соперни-

камъ за преобладаніе равно непріятныя и неудобныя. Это именно государевы дяди, князья Юрій и Андрей Ивановичи, какъ лица, по своему родовому положенію, старше всѣхъ и наиболѣе имѣющія право на власть и представительство.

Скоро и легко освободились бояре отъ этихъ соперниковъ. Ихъ обвинили въ измѣнѣ Великому Князю и черезъ недѣлю не стало уже князя Юрія Ивановича, а скоро и князя Андрея Ивановича. Разумѣется, по пути прихвачены были княжескіе бояре, боярскія дѣти и проч.; но для того времени они въ счетъ не идутъ.

Остались—правительница Елена и боярская дума. Но боярская дума теперь стала пещерою, куда было много слѣдовъ входящихъ, но мало выходящихъ.

Мать — правительница, Княгиня Елена, была только по имени правительницей. Всѣми государственными дѣлами и думой правилъ отъ имени Елены князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, бывшій любимцемъ Княгини Елены.

Не въ духѣ князя Оболенскаго было терпѣть противорѣчіе со стороны бояръ и видѣть ихъ попытки овладѣть властью. Поэтому онъ принялъ коренныя и суровыя мѣры къ устраненію лицъ, стоявшихъ ему на пути. Въ этомъ отношеніи первымъ палъ дядя Княгини Елены, князь Михаилъ Глинскій. По своему близкому родству къ

Княгинѣ Еленѣ, по своимъ лѣтамъ и по своей опытности въ государственныхъ дѣлахъ, онъ считывалъ стать главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ Елены. Но мѣсто руководителя было уже занято Оболенскимъ и онъ палъ первою жертвою стремленія къ освобожденію отъ лишнихъ и не-пріятныхъ для Оболенскаго лицъ. Гибели Михаила Глинскаго много еще помогло и то обстоятельство, что онъ открыто порицалъ свою племянницу Елену за ея поведеніе и отношенія къ Оболенскому и «смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о стыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть самодержавную» (Карамзинъ)¹⁾. Его не слушали, возненавидѣли и погубили.

Самодержавное отношеніе Телепнева-Оболенскаго къ боярской думѣ и всѣмъ выдающимся людямъ того времени были причиною того, что Княгиню Елену отравили, а вскорѣ послѣ нея погибъ и ея любимецъ Оболенскій.

Такова была колыбелька, въ которой воспитывался въ нѣжные годы дѣтства будущій самодержавный и грозный царь Іоаннъ Васильевичъ.

Іоаннъ остался послѣ матери восьми лѣтъ. До сихъ поръ Іоаннъ былъ слишкомъ малъ для то-

¹⁾ Н. М. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго.

го, чтобы сознательно понимать все окружающее. Заброшенный, чуждый ласки и теплаго обхожденія, онъ жилъ въ себѣ самомъ. Не принимая дѣятельнаго участія во всемъ окружающемъ, онъ служилъ игрушкою въ рукахъ другихъ: то его наряжали и выводили на показъ, унижено ему кланяясь и окружая почестями, — то вновь оставляли его въ сторонѣ и предавали забвенію. Отъ времени до времени его баловали ласкою бывшіе приближенные отца, но эти люди куда то исчезали и больше не появлялись, а новые люди были ему чужды, неласковы и холодны.

Истинный и глубокій сирота, несмотря на то, что стоялъ при живой матери, Іоаннъ сосредоточивался въ себѣ и переживалъ одинъ, своими собственными духовными силами, ту странную обстановку, въ которую онъ былъ поставленъ.

Въ 8 лѣтъ Іоаннъ остался безъ матери, но въ общемъ его положеніе мало измѣнилось, — развѣ прибавилось только то, что теперь онъ былъ крѣпче, умнѣе и самостоятельнѣе.

Послѣ смерти княгини Елены, за малолѣтствомъ царя, государствомъ правила боярская дума, на которой лежала забота пещись и о воспитаніи молодого царя.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, боярская дума продолжала быть ареною борьбы отдѣльных лицъ и партій за главенство, за власть, за пре-

обладаніе. Велика сила государственной власти. Безспорно обаятельно положеніе владыки государства. А потому, естественно, явились многие искатели этого положенія, а рядомъ съ этимъ и борьба между ними не на животъ, а на смерть. Диво ли, что въ этой девятилѣтней боярщинѣ мы видимъ цѣлый рядъ возвышеній и паденій, кратковременнаго величія и слѣдующей за ними жестокой смерти. Что имъ до интересовъ государства и воспитанія Іоанна? Государство—это безличное стадо, надъ которымъ почти каждый изъ бояръ желалъ и добивался показать свою мощь и власть. Іоаннъ—это человѣкъ, которому льстили возвышаясь и пренебрегали возвысившись.

Не въ интересахъ временщиковъ было дать Іоанну прочное систематическое образованіе. Каждый изъ нихъ, ставъ во главѣ думы, рассчитывалъ оставаться во главѣ государства, если не вѣчно, то пожизненно, а потому для такихъ лицъ Іоаннъ былъ лишнимъ человѣкомъ, который чѣмъ умственнѣе будетъ стоять, тѣмъ для нихъ удобнѣе.

Мы не будемъ касаться характеристики лицъ боярщины. Напомнимъ имена Василя Шуйскаго, Ивана Шуйскаго, Андрея Шуйскаго и др. Довольно будетъ привести характеристику одного изъ нихъ, чтобы понять, что это были за люди. «А князь Андрей Михайловичъ Шуйскій былъ

*

злѣй: дѣла его были злы на пригородахъ и на волостяхъ, возбуждая истцовъ на старыя тяжбы, снѣ выправлялъ съ отвѣтчиковъ съ кого сто рублей, а съ кого болѣе; мастеровые люди во Псковѣ все дѣлали на него даромъ, а большіе люди несли къ нему дары».

Разумѣется, у cadaго временщика была своя партія и каждый сверженный временщикъ летѣлъ съ своей партіей. Восторжествовавшіе противники не стѣснялись съ сверженными и раздѣлывались съ ними основательно. Тутъ дѣйствовали и месть, и ожесточеніе, и опасеніе за свое существованіе. Не стѣснялись при этомъ ни положеніемъ чловека, ни его личностью, ни возрастомъ. Такъ гибли въ борьбѣ и бояре, и дѣти боярскія, и служили люди, и иноки, и архимандриты и митрополиты.

Въ своей злобѣ и ожесточеніи восторжествовавшіе соперники, для полученія врага, не щадили даже спокойствія и покоевъ своего малолѣтняго царя. Ужасенъ случай съ митрополитомъ Іосифомъ....

Въ числѣ лицъ, неугодныхъ Шуйскимъ, былъ и митрополитъ Даніилъ. Шуйскіе недолго думали надъ этимъ. Митрополитъ Даніилъ былъ заточенъ въ Волоколамскій монастырь, а на его мѣсто возведенъ игуменъ Троицкаго монастыря Іосифъ. Шуйскіе думали, что, въ благодарность за это повыше-

ніе, Іосифъ будетъ на ихъ сторонѣ. Однако ставленникъ Шуйскихъ сталъ на сторону истины, правды и добра родины. Въ числѣ жертвъ, назначенныхъ Шуйскими къ уничтоженію, при сверженіи Бѣльскихъ, оказался и митрополитъ Іосифъ. Заговорщики ворвались во дворъ митрополита и начали бросать кимнями въ окна его келіи. Митрополитъ искалъ убѣжища въ хоромахъ малолѣтняго царя. Враги ночью съ шумомъ и крикомъ ворвались въ спальню царя и вытащили оттуда митрополита. Страшный испугъ и ужасъ царя и его молебны о помилованіи митрополита не имѣли никакого значенія для клеветовъ Шуйскихъ. Только благодаря князю Палецкому и игумену Сергію не совершилось святотатственное убійство надъ митрополитомъ.

Такія сцены не изглаживаются изъ ума человѣка никогда въ жизни....

При такой постоянной борьбѣ партій за владычество, при частой смѣнѣ одной партіи другою, малолѣтній царь оставался безъ правильного воспитанія, такъ какъ некому было заботиться объ этомъ,—да и охоты къ тому не было у царедворцевъ. Поэтому царевичъ вновь былъ предоставленъ самому себѣ.

Іоаннъ Грозный по природѣ былъ человѣкъ впечатлительный и воспріимчивый, поэтому окружающая обстановка отпечатлѣвалась на немъ весьма

рѣзко и давала прочныя плоды. А между тѣмъ вокругъ него совершалось нѣчто странное. При всѣхъ большихъ церковныхъ праздникахъ, при приѣмѣ чужеземныхъ пословъ и при другихъ торжествахъ, юный царь являлся главнымъ средоточіемъ и центромъ торжества. Всѣ остальные оказывали ему почтеніе и раболѣпство, служа дополненіемъ и блестящею обстановкою при его царскомъ тронѣ. А внѣ этой публичности молодому царю приходилось терпѣть отъ этихъ вельможъ небрежность, высокомеріе, непочтительность и даже грубость.

Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Іоаннъ въ письмахъ къ Курбскому. «Насъ же питати начаша яко иностраннѣхъ, или яко убожайшую чадъ. Яковажъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи ¹⁾ во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино вспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не преклоняся не тольмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ, ниже начало обрѣтесе: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ нечесчи таковыя бѣднѣ страданія многая, яко въ

¹⁾ Сказанія Князя Курбскаго, т. II, ст. 50.

юности пострадалъ! Многажды поздно ядохъ не по своей волѣ»....

Съ дѣтства видѣлъ царь и хищеніе царской казны постоянно смѣняющимися временщиками, видѣлъ онъ грабежъ ими и казны *дядей нашихъ*, видѣлъ онъ и ограбленіе боярами народа, видѣлъ онъ и избіеніе восходящими временщиками преданныхъ престолу бояръ и людей служилыхъ, видѣлъ онъ избіеніе сими временщиками и даже служителей Божіихъ.

Все это не могло не запастъ въ чувствительную душу юнаго царя и не вызвать въ немъ отвращенія, ожесточенія, озлобленія, ненависти и жажды мести къ своевольнымъ боярамъ. Грубое и пренебрежительное отношеніе бояръ къ самому самодержавному царю не могло въ немъ не вызвать ожесточенія и жестокосердія. Такъ дѣйствовала на юнаго царя обстановка, въ которой онъ жилъ и воспитывался, сама по себѣ; но тоже ожесточеніе и жестокосердіе опекуны старались развить въ Іоаннѣ и активно. Тѣ самые бояре, на которыхъ лежала обязанность смягчить и добро воспитать юное сердце царя, поощряли въ царѣ жестокосердіе и развивали въ немъ звѣря-человѣка.

Въ юные годы, лѣтъ восьми—десяти, царь любилъ мучить и истязать животныхъ. Бросить, бывало, несчастное животное изъ окна высокаго терема на дворъ и любитъ его страданіями....

Рядомъ съ этимъ царь страстно любилъ псовую и соколиную охоту и бояре усердно поощряли его въ этихъ развлеченіяхъ.

Поощряя въ юномъ царѣ жестокосердіе и кровожадность, бояре и собственнымъ примѣромъ на самыхъ близкихъ царя показали полное презрѣніе къ человѣческому достоинству и царскому величію, а равно и безмѣрную необузданность хамской власти и кулачнаго права сильного. Лучшимъ примѣромъ сказаннаго служить поступокъ Шуйскихъ съ Федоромъ Воронцовымъ.

Федоръ Воронцовъ былъ любимцемъ тринадцатилѣтняго Іоанна. Опасаясь соперничества во вліяніи на юнаго царя, Шуйскіе захотѣли извести Воронцова. Для этого они завели споръ съ Воронцовымъ въ думѣ боярской, собравшейся въ столовой избѣ. Не стѣсняясь присутствіемъ царя, они напали на него, начали бить по щекамъ, изорвали на немъ одежду и хотѣли его убить. Царь вынужденъ былъ вымаливать жизнь своего любимца у своихъ незнающихъ удержу своеволія подданныхъ. Вепреки волѣ царя, Воронцова сослали въ Кострому.... Что долженъ былъ чувствовать самодержавный царь въ виду такого поступка на его глазахъ съ любимымъ ему человекомъ.... Каковы должны были возродиться у него мысли о силѣ сильного и о положеніи безправнаго....

Всѣ крайности беззаконнаго и грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства, Шуйскихъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ личнымъ властолюбіемъ, были причиною тому, что гроза разразилась надъ ними гораздо раньше, чѣмъ они могли ожидать.

Разумѣется, въ этомъ случаѣ не малое воздѣйствіе на молодого царя имѣли и вельможи—враги правителей, повидимому Глинскіе, дяди царя. Царю-отроку мало по малу начали внушать, что приспѣло уже время объявить ему себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и издѣваются надъ самимъ государемъ, не щадя жизни его любимцевъ и съ особеннымъ рвеніемъ изводя именно самыхъ преданныхъ и близкихъ лицъ государю.

Всѣ эти внушенія велись крайне осторожно, умно и скрытно, такъ что Шуйскіе и не подозревали ничего подобнаго. Тринадцатилѣтній царь, по обычаю, осенью поѣхалъ въ Сергіеву лавру, побывалъ на охотѣ въ Волокъ Ламскомъ и весело отпраздновалъ праздники Рождества Христова,

Вдругъ, 29 декабря 1545 года, царь-отрокъ созвалъ бояръ и здѣсь въ первый разъ заявилъ себя самодержавнымъ и мощнымъ повелителемъ. Грозно и властно юный царь объявилъ, что бояре-правители беззаконно властвуютъ; пользуясь во зло

его юностью, они самовольно убиваютъ людей и грабятъ землю. Эта вина падаетъ на всѣхъ бояръ правителей, но царь желаетъ наказать только виновнѣйшихъ изъ нихъ и особенно главнаго тирана, Андрея Шуйскаго.

Андрея Шуйскаго отдали псарямъ. Его публично истерзали псы.

Очевидно, въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не самодержавный царь и даже не присущая уже ему лютость, а личная ненависть бояръ къ Шуйскимъ, ибо самый способъ казни былъ недостоевъ юныхъ лѣтъ самодержца.

Вины Шуйскаго были опубликованы. Послѣдовали опалы и на другихъ бояръ. Сослали Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина, Оому Голювина и много другихъ. Народъ былъ доволенъ устраненіемъ правителей. Лѣтопись говоритъ, что съ того времени даже бояре начали имѣть страхъ отъ государя ¹⁾.

Но тѣмъ не менѣе явно было, что не государь взялъ бразды правленія,—за его спиной дѣйствовали чьи-то чужія руки, ибо онъ слишкомъ юнъ

¹⁾ „Тояжъ зимы декабря КѠ Князь Великій Иванъ Васильевичъ всяя Руси не мога того терпѣти, что бояре безчиние и самовольство чинятъ, безъ всякаго князя велѣнія своимъ совѣтомъ и единомышленными своими совѣтникомъ многие убійства сотвориша своимъ хотѣніемъ, и многие неправды въ землѣ учиниша въ государеве младости. И ве-

былъ еще; и одна боярская партія вырвала власть изъ хищническихъ рукъ другой партіи и по прежнему продолжала самовластвовать, отстранивъ и предоставивъ самому себѣ отрока царя. Въмѣсто Шуйскихъ властью овладѣли Глинскіе. Подобно Шуйскимъ, правители заботились только о томъ, чтобы держать Іоанна подальше отъ дѣлъ и власти, не гнушаясь толкать его по пути разврата и бездѣлья. Въмѣстѣ съ тѣмъ они не прочь были воспользоваться легкомысліемъ, вспыльчивостью царя и отсутствіемъ крѣпкой привязанности у царя къ кому бы то ни было, если къ тому представлялась необходимость для устраненія тѣхъ или другихъ лицъ. Говоря о характерѣ Іоанна, Костомаровъ ¹⁾ заключаетъ, «Іоаннъ неспособенъ былъ къ долгимъ привязанностямъ и для него ничего не значило убить человѣка, котораго еще не такъ давно считалъ своимъ другомъ. Молодымъ сверстникамъ государя, раздѣлявшимъ его забавы, была небезопасна его милость. По его приказанію были удушены одни изъ князей Трубецкихъ и сынъ

ликій государь велѣлъ поймать первосовѣтника ихъ князя Ондreja Шуйскаго и велѣлъ его предати псаремъ, и псари взяша и убиша его, велеюще къ тюрьмамъ противу воротъ разъ положенныхъ во граде, а совѣтниковъ его разослалъ, и отъ тѣхъ мѣстъ начали бояря отъ Государя страхъ имѣти». Русская лѣтопись по Никонову списку, 1791, 42.

¹⁾ *Костомаровъ*, Русская исторія, т. I, ст. 419.

любимца Елены Ѳеодоръ». Такъ же были уничижены Иванъ Кубенскій и Ѳеодоръ и Василій Воронцовы, хотя они были и любимцами государя.

Къ пятнадцати годамъ и этого ему стало мало. Набравъ толпу сверстниковъ, Іоанъ мчался по стогнамъ города и при своей неистовой скачкѣ душилъ проходящихъ. Съ ужасомъ и трепетомъ открещивались спасшіеся отъ этого вихря прохожіе; пострадавшіе же изувѣченные старухи и младенцы изгибались въ страданіяхъ и мукахъ. А царь радовался и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на страданія людей по его соизволенію...

Курбскій ¹⁾ по этому поводу говоритъ: «Воистину дѣла разбойническія творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно»... Въ самомъ дѣлѣ, юный царь въ своей дикой скачкѣ по улицамъ Москвы не только душилъ людей, но еще и билъ мужчинъ и женщинъ, и грабилъ народъ,

Что же дѣлали вельможи, правители и воспитатели? Удерживали малолѣтняго царя? Вразумляли и наставляли его?...

«Іоаннъ гонятъ на мскахъ и христіаномъ проторы учинялъ!... а бояре «свирѣпствовали аки львовѣ, и людіе ихъ, аки звѣри дивіи, говоритъ лѣтописецъ ²⁾».

¹⁾ Сказанія князя Курбскаго, т. I, ст. 6.

²⁾ Псковская лѣтопись, 304.

Они восторгались дѣянiями князя, поощряли его на таковыя дѣла и восклицали: «о храбръ будетъ сей царь и мужественъ»....

Но и этого было мало, что бояре воспитывали въ царѣ звѣря-человѣка. Эти самые бояре вскорѣ начали травить его на своихъ противниковъ.

Такимъ образомъ этотъ отъ природы нервно-неустойчивый, впечатлительный и раздражительный человѣкъ, унаслѣдовавшiй жестокость и безсердечiе отъ своихъ предковъ, постепенно развивалъ въ себѣ жестокосердiе и кровожадность: сначала на животныхъ, потомъ на низшемъ классѣ людей и наконецъ на боярахъ и вельможахъ. И что ужаснѣе всего, такъ это то, что на всѣ эти ужасы натакивали его приближенные. Они не только будили въ царѣ, присущаго ему отъ рожденiя, звѣря, а поселяли и развивали въ немъ новаго звѣря. Они не только будили лежащую въ глубинѣ его души кровожадность, но и возбуждали полное презрѣнiе къ людямъ и возрѣнiе на людей, какъ на матеріалъ для кровожадной забавы и излiянiя своей злобы и мести.

Злодѣйствуя сначала по наущенiю недостойныхъ клеветовъ, жестокосердый царь скоро сталъ приносить жертвы Молоху и *sua sponte*.

Въ послѣднемъ случаѣ враги воспользовались мятежнымъ столкновенiемъ новгородскихъ пищальниковъ со свитою царя. Новгородскiе пищальники,

недовольные своими начальниками, хотѣли лично принести жалобу царю. Въмѣсто разбора жалобы, царь приказалъ окружающей стражѣ прогнать и наказать бунтовщиковъ. Завязалась драка между пищальниками и свитою Іоанна, окончившаяся кровопролитіемъ. Царь потребовалъ разслѣдованія дѣла и доклада именъ виновныхъ въ причинѣ мятежа. Дьякъ Василій Захаровъ указалъ на Воронцовыхъ и другихъ вышепоименованныхъ лицъ и вспылчивый царь, безъ суда и расправы, приказалъ ихъ казнить. Въ то же время были казнены и другіе бояре, какъ: Трубецкой, Дорогобужскій, Овчина-Оболенскій и проч.

Въ юные годы молодой царь, видимо, отличался крайнею неустойчивостью характера, жаждою новыхъ впечатлѣній и неудержимымъ стремленіемъ къ измѣненію образа жизни и перемѣнѣ обстановки. Царь-отрокъ постоянно ѣздилъ по разнымъ областямъ своей державы, не съ цѣлью изученія нуждъ государства и чиненія правосудія, а для забавы звѣрной охотой. Такъ ¹⁾ онъ былъ съ братьями Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ во Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Рязкѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ, гдѣ окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слы-

¹⁾ *Карлпзнь*, Исторія государства Россійскаго.

халъ стенаний бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность, ибо сіи путешествія государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу: дворъ требовалъ угощенія и даровъ.

Устранивъ, по наущенію Глинскихъ, Шуйскихъ, царь въ свою очередь Глинскими былъ устраненъ отъ кормила правленія. Царь остался одинокимъ. Царь замкнулся въ себѣ. Ребенокъ видѣлъ передъ собою враговъ и похитителей его правъ, но бороться съ ними открыто и явно онъ не могъ. Борьба эта шла у него въ головѣ. Голова ребенка была занята мыслью объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о непрерывномъ нарушеніи этихъ правъ, о средствахъ возстановить свои права и возможности отмстить оскорбителямъ и нарушителямъ.

Знаменитый нашъ историкъ *С. Соловьевъ* ¹⁾ говоритъ такъ: «окруженный людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своей борьбѣ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Иоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго досто-

¹⁾ *С. Соловьевъ*, *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ* т. VI, ст. 40.

инства, не уважать жизни человека. Пренебрегая развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, воспитатели пѣзволяли ему предаваться чувственнымъ и животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляя память его родителей, позоря и умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Такимъ образомъ оскорбляли Іоанна вдвойнѣ: какъ государя, не исполняя его приказаній, и какъ человека, не слушая его просьбъ. Отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, незаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія».

Устраненный отъ дѣлъ государства, помимо охоты и разъѣздовъ, царь имѣлъ время посвятить себя и образованію. Какъ нейрастеникъ, обладая неустойчивыми, но острыми умственными способностями, онъ накінулся на изученіе различныхъ предметовъ. Правда, изученіе шло безъ системы, безъ толку и безъ руководящей руки; но и самый умъ Іоанна былъ таковъ, что онъ не могъ долго останавливаться на одномъ предметѣ. Онъ изучалъ

священную исторію, церковную исторію, римскую исторію, Русскія лѣтописи, творенія Святыхъ отцовъ и т. д.

Но, обладая острымъ, но неустойчивымъ умомъ Іоаннъ обладалъ еще большей фантазіей и богатою игрою воображенія. Замкнутый въ себѣ, скрытный, сосредоточенный, обидчивый и безконечно самолюбивый и себялюбивый, Іоаннъ все читалъ по своему. Онъ не только читалъ книги и заимствовалъ оттуда факты, но онъ всегда переживалъ эти факты, относя ихъ къ себѣ то въ томъ, то въ другомъ отношеніи. Въ его душевной дѣятельности воображеніе и фантазія брали перевѣсъ надъ разумомъ. Въ настоящее время, при невозможности еще открыто выступить во всеоружіи своего величія и власти, Іоаннъ хранилъ въ тайникахъ своей души помыслы своей фантазіи и воображенія; но какъ только власть и мощь его начали осуществляться на дѣлѣ, сразу стало видно, что прочитанное въ книгахъ онъ захотѣлъ примѣнить къ себѣ.

Три года Іоаннъ воспитывалъ свой умъ. Три года его фантазія и воображеніе стояли въ сдѣлкѣ съ приобретаемыми познаніями о царяхъ и царствахъ. И въ эти три года больной фантазеръ создавалъ планы и предположенія относительно своего будущаго.

Но вотъ эти три года прошли. Царю семнадцать лѣтъ. Царь желаетъ выступить въ самостоятельной роли и привести въ исполненіе задуманные планы и предположенія.

Случается нерѣдко, что у лицъ, съ столь болѣзненно развитыми и господствующими фантазією и воображеніемъ надъ разсудкомъ, скрытность и замкнутость существуютъ только до извѣстныхъ предѣловъ, послѣ чего онѣ берутъ новый перевѣсъ надъ разсудкомъ, дѣйствуютъ на него подавляюще, стремятся излиться въ дѣйствія и поступкахъ и перейти изъ небытія къ бытію. Въ этомъ случаѣ обыкновенно на помощь приходятъ какія нибудь побочныя обстоятельства: наступленіе юношескаго періода, или престарѣлаго возраста, половыя изнѣшества, алкогольныя изнѣшества, чрезмѣрное умственное или физическое переутомленіе и проч.

Іоаннъ находился теперь именно въ томъ состояніи, когда организмъ его вступалъ въ періодъ половой зрѣлости, а умъ и воображеніе были начинены историческими событіями, распалившими его фантазію и создавшими множество плановъ. Іоаннъ вступалъ въ тотъ моментъ, когда фантазія слишкомъ сильно разыгралась. Задерживающіе центры разсудка были подавлены и онъ захотѣлъ осуществить на дѣлѣ то, что до сихъ поръ таилось въ образахъ его фантазій.

Въ январѣ 1547 года, когда Іоанну было семнадцать лѣтъ, онъ зоветъ митрополита, бояръ и сановниковъ и держитъ къ нимъ рѣчь. Первѣе всего юный царь заявляетъ, что онъ хочетъ жениться. «Уповаю на милость Божию и на Святыхъ Заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться».

Отличное дѣло.

Но царь добавляетъ. «Первою моею мыслью было искать невѣсты въ иныхъ царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. (Почему?) Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастьемъ? Желая найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и по твоему благословенію».

Митрополитъ умилился.

— Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вождѣвленное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца Небеснаго.

Бояре плакали отъ радости.

Но это было еще не все. Царь только началъ свою рѣчь, имѣя въ виду сообщить многое другое.

Царь продолжалъ.

«По твоему, отца своего митрополита, благословенію и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародитель-

*

скихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княжество садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство на великое княжество сѣсть».

Итакъ Іоаннъ хотѣлъ пройти обрядъ вѣнчанія на царство. Обрядъ этотъ въ то время былъ для князей далеко не обязателенъ и почти всѣ князья обходились безъ него. Но больному воображенію Іоанна обойтись безъ этой торжественной обстановки было бы слишкомъ обидно. Теперь у него рѣзко выражается страсть многихъ неустойчивыхъ людей (дегенератовъ) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить рѣчи, появляться къ народу и блуждать по государству.

Но мало и того, что Іоаннъ пожелалъ вѣнчаться на царство. Іоаннъ объявляетъ себя царемъ. До сихъ поръ титулъ царя не писался въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Теперь Іоаннъ присвоитъ царскій титулъ какъ для иностранныхъ сношеній, такъ и для внутри государственнаго чествованія.

Начитавшись исторій священнаго писанія, греческихъ и римскихъ исторій, Іоаннъ захотѣлъ быть на Московскомъ престолѣ тѣмъ же, чѣмъ Давидъ и Соломонъ на Іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Феодосій на римскомъ, чѣмъ были ассирійскіе цари, вавилонскіе цари и проч. и проч.

Такому желанію царя найдены были многочисленные историческіе доводы и основанія. Уже прежде московскіе властители считали себя пріемственно царями съ одной стороны потому, что заступали для Руси мѣсто хановъ Золотой Орды, которыхъ русскіе въ теченіе вѣковъ привыкли называть царями, а съ другой—потому, что считали себя по женской линіи пріемниками византійскихъ императоровъ, которыхъ титулъ переводился словомъ «царь».

Кромѣ того измышленно было сказаніе, что византійскій императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ внуку своему Владиміру Мономаху царскій вѣнецъ, который, равно какъ и бармы и цѣпь, былъ возложенъ на Владиміра Мономаха епископомъ ефесскимъ. Сказаніе передаетъ далѣе, что Владиміръ Мономахъ завѣщалъ эти регаліи сыну своему Георгію и приказалъ ихъ хранить изъ поколѣнія въ поколѣніе до тѣхъ поръ, пока не воздвигнетъ Богъ на Руси достойнаго самодержца.

Такимъ самодержцемъ и явился Іоаннъ.

16 января 1847 г. митрополитъ Макарій вѣнчалъ Іоанна на царство шапкою, бармами и цѣпью Мономаха.

Измышленно было и другое сказаніе по этому поводу. Сказывали, что братъ римскаго императора Октавія Августа переселился въ Литву. Рю-

рикъ, Синеусъ и Труворъ, по этому сказанію, являлись прямыми потомками Октавія Августа, и тѣмъ самымъ и всѣ предки Іоанна и онъ самъ происходили отъ цезарскаго рода Августа.

Константинопольскій патріархъ Іосифъ утвердилъ этотъ царскій титулъ грамотою, говоря въ ней: «не только преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній властитель московскій происходитъ отъ незабвенной царицы Анны, сестры императрицы Багрянороднаго, и что митрополитъ ефесскій, уполномоченный для того соборомъ духовенства византійскаго, вѣнчалъ руссійскаго великаго князя Владиміра на царство».

Въ народъ пущенъ былъ слухъ, что симъ исполнилось пророчество апокалипсиса о шестомъ царствѣ, которое и есть руссійское царство.

Наконецъ, лѣтописи записали: «смирились враги наши, цари невѣрные и короли нечестивые. Іоаннъ сталъ на первой степени державства между ними».

Всѣ эти апокрифы не имѣли бы никакого значенія, если бы не одно обстоятельство во всемъ этомъ дѣлѣ, имѣющее болѣе серьезный смыслъ чѣмъ можно думать. Дѣло въ томъ, что обо всѣхъ этихъ преданіяхъ Іоаннъ навѣрное зналъ. Мало того, онъ въ нихъ искренно вѣрилъ и считалъ за непреложные факты. Если мы не имѣемъ до-

казательствъ на это историческихъ, то мы имѣемъ эти данныя въ естественнoисторическихъ фактахъ. Лица съ неустойчивою нервною системою и дегенераты имѣютъ ту особенность, что подобные фантастическіе рассказы они не только принимаютъ за факты, но и относятъ эти рассказы къ своей собственной личности. У этихъ людей, если позволительно такъ сказать, нѣтъ чувства дѣйствительности и они лишены способности полагать грань между правдою и вымысломъ, между возможнымъ и фантазіей. Мало того, нерѣдко они сами измышляютъ какую либо фантастическую исторію и за тѣмъ настолько глубоко бываютъ убѣждены въ ея правдивости и дѣйствительности, что готовы за нее положить голову на плаху.

Чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ Іоанна К. С. Аксаковъ¹⁾. «Натура Іоанна влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ,—и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей,—и царь сидящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на лобномъ мѣстѣ и говорящій народу рѣчь. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлась ему площадь,

¹⁾ К. С. Аксаковъ, Сочиненія, т. 1, ст. 168.

установленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ ужасы казней Московскихъ, ужасы Новгорода... То являлся передъ нимъ монастырь, черныя одежды, посты, покаяніе, труды и земные поклоны, картина царскаго смиренія, — увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой въ обитель»...

Іоаннъ, читая историческія сказанія о царяхъ вавилонскихъ, ассирійскихъ, византійскихъ и римскихъ, проникся горячимъ желаніемъ стать столь же могущественнымъ и славнымъ царемъ, какъ и его знаменитые историческіе предшественники. Нашлись люди, которые доложили ему апокрифы, могли найтись и такіе, которые были не прочь и присочинить ихъ и изъ всего этого создалась исторія вѣнчанія на царство.

Такъ мы себѣ можемъ представить ходъ мыслей, при развитіи плана въ умѣ Іоанна, относительно вѣнчанія на царство. Ужъ слишкомъ слабы и шатки всѣ вышеуказанные апокрифы, чтобы на нихъ строить серьезное государственное зданіе. Человѣкъ съ крѣпкимъ умомъ не считалъ бы необходимою прибѣгать къ столь слабымъ историческимъ доводамъ. Напротивъ поступить человѣкъ съ болѣзненно развитой фантазіей и воображеніемъ, одерживающимъ перевѣсъ надъ разумомъ. Такой человѣкъ искренно вѣрить апокри-

фамъ, онъ ихъ исповѣдуетъ какъ истину, переноситъ въ жизнь и старается осуществить ихъ на дѣлѣ.

Іоаннъ былъ именно такимъ лицомъ, поэтому онъ и захотѣлъ привести къ бытію свои фантастическіе планы о царскомъ титулѣ, царскомъ вѣнчаніи, вѣнцѣ и бармахъ...

А сказалъ самодержецъ: да будетъ!

И бысть.

Между тѣмъ это рѣшеніе имѣло очень серьезное государственное значеніе, какъ внутри государства, такъ и внѣ онаго. Мудрые бояре далеко не съ покойной душой принимали этотъ титулъ, ибо, умудренные жизненнымъ опытомъ, они опасались въ будущемъ многихъ непріятностей и недоразумѣній. Прежде всего иноземныя государства не вполне хладнокровно и покойно смогутъ отнестись къ этому титулу, — что и было въ дѣйствительности. Во вторыхъ и внутри государства это нововведеніе имѣло значеніе, ибо этимъ титуломъ оно выдвигало самодержца изъ ряда князей равныхъ; хотя бы уже они и считались соподчиненными самодержцу, однако *de facto* у многихъ изъ нихъ была мысль въ головѣ, что я де такой же князь, какъ и ты и что покажетъ будущее — еще посмотримъ.

Тѣмъ не менѣе Іоаннъ сказалъ: да будетъ.... и бысть.

Спустя четыре недѣли, Іоаннъ женился на Анастасіи Захарьиной, которая, по мимо красоты, отличалась цѣломудріемъ, смиреніемъ, набожною, чувствительностію, благою и основательнымъ умомъ.

Однако и искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ не могла укротить Іоанна, пылкой и безпокойной души стремительной къ порывамъ гнѣва и приученной къ шумной праздности и къ шумнымъ и неблагочиннымъ забавамъ.

«Онъ любилъ показывать себя, говорить Карамзинъ, царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножая число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы показать свою независимость.... Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ юнаго государя; наслаждались почестями, богатствами и равнодушно смотрѣли на невѣрность частныхъ властителей».

Внималъ ли вѣнчанный царь къ стону своего народа? Принялъ ли онъ царство, какъ пастырь принимаетъ стадо? Отнесся ли онъ милостиво и внимательно къ своимъ подданнымъ? Захотѣлъ ли онъ вѣнчаніемъ показать своимъ боярамъ, что отнынѣ онъ есть отецъ отечеству?.... Увы, это только была игра въ царство....

Вѣнчавшись на царство и вступивши въ бракъ съ Анастасіей, Іоаннъ не покинулъ своей бродяжнической жизни. Зудъ непосидячества дегенерата оказывалъ свое вліяніе на него и вотъ онъ вновь мечется по государству. Въ селѣ Островкѣ псковскіе граждане обратились къ вѣнчанному царю съ жалобой на своего начальника, князя Турунтая Пронскаго... Семьдесятъ челобитчиковъ стояло предъ Іоанномъ съ обвиненіями и уликами... И здѣсь-то вѣнчанный царь вполнѣ проявилъ свой нравъ. Онъ даже не выслушалъ челобитчиковъ. Закипѣлъ гнѣвомъ. Началъ на нихъ кричать, топалъ ногами, лилъ на нихъ горящее вино, палилъ имъ бороды и волосы, велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю.... Несчастные челобитчики ждали смерти. Ихъ спасъ Царь Небесный.

Принесли Іоанну недобрую вѣсть. Въ Москвѣ съ колокольни упалъ колоколъ. А это предвѣщало большое несчастье. Вѣнчанный царь оставилъ правую расправу съ ищущими правды и полетѣлъ въ Москву.

Не въ духѣ Іоанна было чинить судъ и расправу. Еще раньше новгородскіе пищальщики обращались къ нему съ жалобой и съ оружіемъ въ рукахъ должны были защищать свою жизнь....

На Іоанна посыпались несчастья. Перстъ Божій указывалъ ему на конецъ долготерпѣнія и вразумлялъ легкомысленнаго царя. 12 апрѣля вспых-

нуль сильный пожаръ въ Москвѣ; 20 сентября— другой; 3 июня упалъ колоколъ-благовѣстникъ и 21 вспыхнулъ новый страшный пожаръ, какого еще никогда не было въ Москвѣ. Пожаръ былъ настолько великъ, что десятки тысячъ народа остались безъ крова. Въ народѣ возникъ ропотъ.

Бояре, недовольные правленіемъ Глинскихъ, воспользовались случаемъ свергнуть правителей. Средствомъ для этого они избрали бунтъ черни. Въ народѣ пустили молву, что пожаръ произвели Глинскіе. Донесли объ этомъ и царю. Царь назначилъ произвести дознаніе.

Розыскъ дѣла совершался такъ: на Кремлевскую соборную площадь собрали чернь и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Народъ, видимо, заранѣе подготовленный, завопилъ, что это княжна Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала и, благодаря этому волшебству, сгорѣла Москва. Бывшій при этомъ Юрій Глинскій, видя недоброе дѣло и желая спасти себя, укрылся въ церковь Успенія; но чернь извлекла его оттуда и, убивши, покинула на лобномъ мѣстѣ. За симъ имущество Глинскихъ было разграблено и всѣ ихъ слуги и дѣти боярскіе были убиты.

Княжна Анна Глинская, бабка государя, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ, находилась въ то время въ ржевскомъ своемъ имѣніи. Чернь, ненасытившись кровью Юрія Глинскаго и его слугъ,

явилась во дворецъ къ Іоанну, требуя отъ него выдачи бабки его Анны Глинской и Михаила Глинскаго, якобы схороненныхъ царемъ въ своей опочивальнѣ.

Іоаннъ потрясенъ былъ безпредѣльно. Еще недавно удовлетворенный въ своихъ идеяхъ величія, онъ былъ растерянъ и безсиленъ при видѣ цѣлаго рода ужасовъ и бѣдъ. Бунтъ псковитянъ (такъ по крайней мѣрѣ онъ понималъ исканіе правды псковитянами у своего царя, при одержимости послѣдняго идеями преслѣдованія), пожаръ въ Москвѣ, еще пожаръ въ Москвѣ, паденіе колокола-благовѣстника, уничтоженіе Москвы новымъ пожаромъ, бунтъ черни, убійство Глинскихъ и, наконецъ, послѣдняя протодерзость—требованіе отъ царя выдачи его родныхъ,—все это могло потрясти и не такого человѣка, какъ нервный и душевно-больной Іоаннъ.

Въ эту-то пору внутреннего трепета, душевнаго потрясенія и умственнаго безсилія—является гласъ Божій въ лицѣ іерея Сильвестра. «Сильвестръ явился къ Іоанну съ поднятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ головою царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огонь небесный испепелилъ Москву, что сила Вышняя волнуетъ народъ и льетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ святое писаніе,

сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Все-
держителемъ сонму царей земныхъ. Онъ закли-
налъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ
уставовъ, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ во-
ображеніемъ и умомъ юноши» (Карамзинъ).

Совершилось чудо. Обливаясь слезами раская-
нія, Іоаннъ простеръ десницу къ наставнику и
требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ
и помощи.

Видимо, Сильверстъ былъ давно извѣстенъ Іо-
анну съ хорошей стороны; этимъ объясняется
быстрый и необыкновенный успѣхъ его у Іоанна
(Соловьевъ, Бѣловъ ¹⁾).

Съ этихъ поръ Сильвестръ становится глав-
нымъ руководителемъ Іоанна. На помощь ему
выступаетъ Алексѣй Адашевъ. Эти два мужа ве-
дутъ государственныя дѣла и дадутъ новое направ-
леніе управленію государствомъ. Мятѣжная чернь
была разогнана и государство успокоено.

Почти всѣ историки высказываютъ тотъ взглядъ,
что Іоаннъ Грозный обладалъ недюжиннымъ умомъ
и твердымъ характеромъ. На нашъ взглядъ, умъ
Іоанна Грознаго былъ не выше средняго уровня,
а характеръ у него вовсе отсутствовалъ.

¹⁾ *Евгеній Бѣловъ*, Объ историческомъ значеніи Русскаго
боярства до конца XVII вѣка, Журналъ Министерства На-
роднаго Просвѣщенія, 1886, 2, р. 250.

Во всемъ царствованіи Іоанна мы не видимъ ни одной опредѣленной мысли, которою бы онъ руководился, ни одного прочнаго убѣжденія, ни одного твердаго правила. Это былъ умъ крайне поверхностный, неустойчивый и неопредѣленный. Одну минуту онъ думалъ одно, другую—другое, а третью—третье. Онъ не имѣлъ своихъ убѣжденій, а поступалъ такъ, какъ ему внушали другіе. Узкій и недалъновидный во взглядахъ, онъ не замѣчалъ, какъ ему окружающіе внушали. Болѣзненно самолюбивый и любившій фигурировать, онъ охотно повѣдалъ чужія мысли какъ свои. Гордый и строптивый онъ радостно приводилъ въ исполненіе чужія внушенія, принимая ихъ за свои. Такъ онъ изъ лѣтъ сыгралъ роль, внушенную ему Глинскими. Такъ онъ продѣлалъ исторію вѣнчанія на царство, внушенную ему его фантазіей и можно думать (Костомаровъ) митрополитомъ Макаріемъ. Такъ онъ всецѣло подпадаетъ вліянію Сильвестра и Алексѣя Адашова въ настоящій моментъ.

Двѣ мысли однако владѣютъ царемъ безпредѣльно и безгранично. Это мысли болѣзненные, это мысли присущія ему отъ рожденія и непокидавшія его по конецъ жизни. Въ настоящій моментъ они еще не имѣютъ логической подкладки и правильной систематизаціи; но многія жизненные обстоятельства говорятъ, что они существуютъ и по временамъ отражаются въ его дѣй-

ствіяхъ и поступкахъ. Такъ въ жалобѣ новгородскихъ пищальниковъ онъ видитъ бунтъ и усмиряетъ его оружіемъ, въ челобитьи псковитянъ онъ видитъ новое возмущеніе и собственноручно не брезгаетъ издѣваться надъ людьми, пришедшими къ своему отцу просить правды и справедливости.

Правда, идеи преслѣдованія находятъ себѣ поддержку, и сильную поддержку, въ возмутительныхъ поступкахъ бояръ, но одно только это едва ли бы создало больного Іоанна, если бы къ тому не было основы въ самомъ существѣ организма его. Самоуправство и презрительное отношеніе бояръ къ Іоанну дало только извѣстное направленіе бредовой его дѣятельности, но оно не создало и не породило ее.

Не твердый уомъ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и взглядовъ, фантазеръ и мечтатель, потрясенный до глубины души цѣлымъ рядомъ несчастныхъ событій, дерзкій и кровожадный въ силѣ, малодушный и трусливый въ одиночествѣ, суевѣрный и мистикъ, Іоаннъ всецѣло отдается въ руки человѣка съ желѣзною волею, твердымъ уомъ, строгими и опредѣленными убѣжденіями и непреклоннымъ характеромъ.

Все способствовало господству Сильвестра.

Первѣе всего онъ даетъ царю мысль, какъ усмирить взбунтовавшуюся чернь и водворить поря-

докъ и при этомъ быстро приводитъ все въ исполненіе.

Наступаетъ тишина и спокойствіе.

Слава Господу! Гроза миновала. Разбитый и обезсиленный царь отъ всей души радъ отдохнуть и успокоиться подъ крѣпкою рукою человѣка съ желѣзною волей. Къ счастью, этого чловѣкъ не изъ бояръ и вельможъ—заклятыхъ враговъ Іоанна. Это всего только попъ, не имущій ни власти и господства, ни славы и почести, ни богатства и обладанія. Онъ говоритъ именемъ Божиимъ. «Покайтесь и вѣруйте во Евангеліе», провозглашаетъ онъ. Это Саванарола. Это пророкъ Іезикииль.... По своему положенію онъ исходитъ изъ того рода, въ которомъ Іоаннъ видитъ единственную свою поддержку. Это простой мирянинъ, нищущій стать на пути владычества Іоанну.

Этого мало. Сильвестръ излагаетъ Іоанну свои взгляды на управленіе государствомъ. Очевидно, этотъ чловѣкъ имѣетъ опредѣленные взгляды на управленіе, въ добавокъ съ значительной долей желѣзной воли привести ихъ въ исполненіе. Кроме того, самый планъ управленія государствомъ является въ исторіи государства чѣмъ-то новымъ и для больного воображенія Іоанна особенно заманчивымъ. Сильвестръ умаляетъ положеніе бояръ и князей—враговъ Іоанна,—и выдвигаетъ новую силу—народъ, народъ, который на этотъ

разъ является естественнымъ союзникомъ Іоанна, какъ притѣсняемый и угнетаемый тѣми же князьями и боярами, отъ которыхъ терпѣлъ и самъ царь.

Весьма естественно, что легкомысленный царь всецѣло отдался въ руки попу. Особенно же заманчиво во всемъ этомъ дѣлѣ то, что Іоанну въ будущемъ представляется возможность фигурировать: являться торжественно предъ народомъ, произносить рѣчи, обвинять бояръ въ неправотѣ, и обѣщать милости великія. Фантазеръ и мечтатель могъ только жалѣть объ одномъ — что это все не сей часъ.

Помощникомъ Сильвестра является Алексѣй Адашевъ, — опять таки человѣкъ по происхожденію изъ темнаго люда. «Я изъ батожниковъ его поднялъ, отъ гноища учинилъ на равнѣ съ вельможами», говорилъ о немъ впослѣдствіи Іоаннъ.

Этимъ то людемъ теперь отдался Іоаннъ всею душою и всѣми помышленіями.

Сильвестръ и Адашевъ не желали властвовать одни. Любя всей душой родину, желая отъ всей души добра царю и стремясь принести посильную пользу государству, они составили «избранную раду», подобравъ кружокъ людей, болѣе другихъ отличавшихся широкими взглядами и любовью къ общему дѣлу. То были люди знатныхъ родовъ: князь Дмитрій Курлятовъ, Андрей Курбскій, Во-

ротынский, Одоевский, Серебрянный, Горбатый, Шереметевы и друг. Рядомъ съ этимъ Адашевъ и Сильвестръ начали выдвигать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ, и возлагали на нихъ различныя обязанности. Послѣднее царю не только не было противно, а, напротивъ, вполне сочелось съ его болѣзненными мыслями по отношенію къ преслѣдованію со стороны князей и бояръ.

Понявъ легкомысленный и самолюбивый характеръ Іоанна, «избранная рада» старалась дѣйствовать такъ, чтобы царь не замѣчалъ, что онъ служитъ только лишь прикрытіемъ имъ, что вполне имъ и удавалось,—пока постороннія лица не открыли царю настоящаго положенія дѣла. Впослѣдствіи уже царь горько жаловался на поправленіе и уничтоженіе его самодержавія. «Они отняли у насъ данную намъ отъ прародителей власть возвышать бояръ, по нашему изволенію, но все положили въ свою и нашу власть,—какъ имъ нравилось, такъ и дѣлалось, они утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать въ своей волѣ, у насъ же ни о чемъ не спрашивали, какъ будто насъ на свѣтѣ не было, всякое устроеніе и утвержденіе совершалось по волѣ ихъ и ихъ совѣтниковъ. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посовѣтуемъ, то они считаютъ это ни къ чему ненужнымъ... Во всѣхъ малыхъ и ничтожныхъ

*

вещахъ, до обуванья и спанья, мнѣ не было воли, а все по ихъ хотѣнію дѣлалось».

Объ этомъ періодѣ царствованія, отъ котораго самъ Іоаннъ такъ настойчиво отрекается, историкъ говоритъ: «Мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для царской власти... Вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей, наказывали презрѣніемъ или темницею, но безъ излишней строгости. Хотѣли организовать счастливую государственную перемену не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ. Вездѣ народъ благословлялъ усердіе правительства къ добру общему» (Костомаровъ).

Когда бунтъ былъ усмирень и въ Москвѣ начало приходитъ все въ порядокъ и благополучіе, Іоаннъ на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы, созвалъ святителей, умышленно кааяся во грѣхахъ и, разрѣшенный и успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ таинъ.

Здѣсь вылился весь Іоаннъ, быстро увлекающійся, быстро малодушничествующій, быстро воспламеняющійся, быстро грѣшащій, быстро злодѣй-

ствующій, быстро кающійся и быстро успокаивающійся.

А между тѣмъ «избранная рада» работала энергично. Государству нужно было дать судъ и правду. Совѣтникамъ нужно было, чтобы самъ народъ высказался чего ему недостаетъ. Царю желательно было пофигурировать на этомъ собраніи. Рѣшилъ онъ—собрать земскій соборъ. Этимъ рѣшеніемъ и избранная рада и царь остались довольны и потому быстро былъ собранъ земскій соборъ или Великая Земская дума въ 1550 г.

Въ одинъ воскресный день, послѣ обѣдни, государь и митрополитъ съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи земской думы, вышли на площадь, гдѣ находилось лобное мѣсто, окруженные густыми толпами народа. Послѣ молебствія, Іоаннъ сталъ на лобномъ мѣстѣ и, обратившись къ митрополиту, просилъ его быть ему помощникомъ и споспѣшникомъ въ дѣлахъ.

«Самъ ты вѣдаешь, святой владыко, какъ я остался отъ отца своего четырехъ лѣтъ, а отъ матери восьми лѣтъ. Бояре и вельможи о мнѣ не радѣли и стали самовластны; именемъ моимъ сами похищали себѣ саны и почести, никто не возвращалъ имъ упражняться во многихъ корыстіяхъ, хищеніяхъ и обидахъ. Они властвовали, а я былъ глухъ и нѣмъ по своей юности и неразумію. О лихоимцы, хищники и несправедливые судіи! Ка-

кой отвѣтъ нынѣ дадите намъ за многія слезы, изъ за васъ пролитыя? *Я чистъ отъ крови сей, а вы ожидайте своего воздаянія....*

За симъ царь поклонился народу во всѣ стороны и продолжалъ:

Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ. Нынѣ уже невозможно исправить вашихъ прошлыхъ обидъ и разореній отъ неправосудія и лихоимства, попущенныхъ неправедными моими боярами и властями. Молю васъ, забудьте вражды другъ на друга и тяготы свои, кромѣ тѣхъ, какія бы можно еще облегчить. Отнынѣ я самъ буду вамъ судья и оборона, буду отмѣнять неправды и возвращать хищенія».

Въ упомянутой же записи говорится, что въ тотъ же день Іоаннъ поручилъ своему любимцу Алексѣю Адашову принимать челобитныя отъ обиженныхъ и разсматривать ихъ,—теперь не было сильныхъ и знатныхъ. При этомъ онъ не обошелся и безъ надлежащей рѣчи.

«Алексѣй, взялъ я тебя изъ бѣдныхъ и самыхъ молодыхъ людей за твои добрыя дѣла, а взыскалъ тебя выше твоей породы въ помощь душѣ моей, хотя на то и не было твоего желанія»....

И вотъ съ этого времени начинается періодъ новой жизни подъ управленіемъ царя, митрополита и «избранной рады».

Не имѣя собственной личности, царь, окруженный людьми честными, любящими родину и правду, сталъ ихъ невольнымъ сообщникомъ и государство хотя на нѣкоторое время вздохнуло.

Москва приведена была въ порядокъ. Сгорѣвшіе храмы Божіи воздвигнуты, постройки восстановлены и жизнь пошла мирнымъ порядкомъ.

Въ это время изданъ былъ судебникъ или вторая Русская Правда, обуздано мѣстничество, составленъ и изданъ Стоглавъ, положено было основаніе къ вывозу въ Россію ремесленниковъ, художниковъ, лѣкарей, аптекарей, типографщиковъ и т. д. Государство, успокоенное и управляемое людьми мудрыми и безкорыстными, скоро показало свою силу и въ сношеніяхъ съ непріятелями.

Казань была покорена, покорена и Астрахань, совершилось подданство черкесовъ Іоанну, завоевано черкесами Тмутараканское и Томашское княжества, сибирское царство обязалось платить дань, заведены мирныя сношенія съ Англіей, Литва была покорена и должна была выносить укрѣпляющуюся Россію, Крымъ трепеталъ и смирился, Ливонія была почти уничтожена, Швеція посрамлена. Самое войско было преобразовано и черезъ то представлялось непобѣдимымъ.

Всѣ эти мудрыя дѣла приписываются Іоанну. Правильно ли это? Мы видѣли уже, что онъ самъ отрекся отъ этихъ дѣлъ.

По словамъ лѣтописца, «Сильвестръ управлялъ и церковью и думою и ему недоставало только сѣдалища царскаго и святительскаго: онъ указывалъ и вельможамъ, и митрополиту, и судьямъ и воеводамъ: онъ мыслилъ, а царь дѣлалъ» (Ксеномаровъ). Лѣтопись говоритъ слѣдующее о Сильвестрѣ: «бысть яко вся могій и вся его послушаху»... ¹⁾ Полевой ²⁾ высказался такъ: Іоаннъ отнялъ власть у Глинскихъ и передалъ ее думѣ боярской, но не дума управляла царствомъ: правителемъ сдѣлался протоіерей Сильвестръ.... Ничего Сильвестръ и Адашовъ не дѣлали безъ разрѣшенія царскаго, но, разумѣется, никто не смѣлъ отказать въ ихъ предложеніи и царь всегда соглашался съ ними».

Но нельзя всего отнять и отъ Іоанна. Съ людьми добрыми онъ былъ добръ, съ людьми чистыми онъ былъ чистъ, и съ злодѣями онъ уподоблялся злодѣю.

По мнѣнію г. Иловайскаго ³⁾, въ это время Іоаннъ занимался съ успѣхомъ чтеніемъ душеполезныхъ книгъ и самообразованіемъ, подъ руководствомъ митрополита Макарія и Сильвестра, что онъ и доказалъ въ дальнѣйшихъ своихъ преніяхъ по вопросамъ религіи и государственности.

¹⁾ Царственная книга, стр. 343.

²⁾ Полевой, Русская исторія, 1835, III, 6 и 8,

³⁾ Д. Иловайскій, Исторія Россіи, т. III, ст. 175.

Однако едва ли бы имѣли такой успѣхъ въ смыслѣ вліянія на Іоанна и Сильвестръ, и Адашевъ, и митрополитъ Макарій, и вся избранная рада, если бы они не имѣли союзника въ лицѣ царицы Анастасіи, которая вполне могла понимать и цѣнить и стремленія «рады», и интересы царя и пользу государства. Съ ея помощію и содѣйствіемъ легко можно было приручить царя и руководить имъ въ дальнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. По словамъ лѣтописи, «предобрая Анастасія наставляла и проводила Іоанна на явленіе добродѣтели».

Это былъ, такъ сказать, золотой вѣкъ царствованія Іоанна Грознаго, продолжавшійся тринадцать лѣтъ.

Однако однообразіе наскучаетъ,—особенно людямъ, подобнымъ Іоанну, съ характеромъ неустойчивымъ, любящимъ новыя впечатлѣнія и быструю смѣну ощущеній. Можно удивляться и поражаться тому, какъ долго Іоаннъ терпѣлъ столь продолжительную опеку надъ собою. Очевидно, опекуны умѣли очень искусно вести дѣла, устраивая всегда такъ, что главная заслуга и почести всегда падали на долю любившаго эффектъ Іоанна.

Тѣмъ не менѣе проскаazyвалось, что Іоаннъ сознаетъ опеку и тяготится ею. Но какъ человѣкъ отъ природы крайне подозрительный, хитрый, скрытный и недовѣрчивый, онъ хранилъ въ себѣ

эти чувства и никому въ томъ не высказывался. Трусливый и малодушный, онъ любилъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ строго обдуманно и на вѣрняка. Такъ онъ поступилъ выжидательно въ борьбѣ съ Шуйскимъ, такъ онъ поступилъ при объявленіи восшествія на престолъ, — такъ онъ намѣренъ былъ поступить и теперь.

Къ несчастію обстоятельства способствовали начавшемуся охлажденію и даже распаденію образовавшейся «избранной рады» съ царицей Анастасіей включительно.

Царь тяжело заболѣлъ. Дни его были сочтены. Отбиралась присяга на подданство младенцу Дмитрію, сыну Іоанна. Зная, что значитъ царствованіе младенца съ боярами во главѣ, большинство «рады» было на сторонѣ дяди царева, Владиміра Андреевича, и къ этому большинству примыкали явно Сильвестръ, отецъ Адашева и, видимо, Адашевъ.

Но воля Божіей долженствовало совершиться, — царь выздоровѣлъ. Разумѣется, царю доподлинно успѣли доложить, кто былъ за него и кто противъ него.

«Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнію, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидавшіе его семью въ случаѣ его смерти.

— Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, — говоритъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ

своимъ совѣтникамъ, — не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите въ чужую землю.

Іоанномъ, опять, какъ и послѣ московскихъ пожаровъ и волненій, овладѣло чувство, которому онъ всегда готовъ былъ поддаться, чувство страха... Это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидаетъ царя», говоритъ В. Ключевскій ¹⁾).

Не смотря на открытое движеніе со стороны Сильвестра и Адашевыхъ, Іоаннъ остался къ нимъ наружно по прежнему ласковъ и любезенъ. Мало того, хитрый и подозрительный Іоаннъ награждалъ Адашевыхъ, далъ первому званіе боярина, а второму окольничаго. Очевидно, до поры до времени онъ хотѣлъ усыпить въ нихъ тревогу, опасеніе и безпокойство, дабы въ послѣдствіи тѣмъ свободнѣе можно было захватить ихъ.

Возможно, что и Сильвестръ не всегда былъ остороженъ и воздержанъ въ совѣтахъ и воздѣйствіи на Іоанна въ своей роли наставника и руководителя. Такъ, онъ иногда не въ мѣру вмѣшивался въ домашнюю жизнь царя, стремясь вводить его образъ жизни и время препровожденія въ извѣстныя рамки, указывая на умѣренность въ пищѣ и питѣѣ, въ супружескомъ сожителствѣ и проч. На каждомъ шагу онъ преподавалъ ему

¹⁾ В. Ключевскій, Боярская дума древней Руси, 1889 г., стр. 343.

свои практическіе уроки: напоминая, увѣщая, а иногда преслѣдуя его и «кусательными словами»... Все это не могло не раздражать невоздержаннаго и необузданнаго Іоанна...

Но самое печальное во всемъ этомъ дѣлѣ было наступленіе разлада между партіей Сильвестра и царицей Анастасіей. Анастасія видѣла въ нихъ людей преданныхъ государству, готовыхъ заплатить за него жизнью, но за то и готовыхъ пожертвовать государемъ въ пользу государства. Поэтому съ сей поры благоразумная царица была съ ними, но не за нихъ.

Іоаннъ между дѣлами продолжалъ предпринимать путешествія по монастырямъ. Насколько эти путешествія были часты, видно изъ слѣдующаго разговора съ Максимомъ Грекомъ. По выздоровленіи отъ болѣзни, Іоаннъ далъ обѣтъ посѣтить Бѣлоозерскій монастырь св. Кирилла. Въ это путешествіе онъ выѣхалъ съ царицею и младенцемъ Дмитріемъ. Заѣхавъ на пути въ обитель св. Сергія, Іоаннъ пожелалъ повидать строгаго подвижника, Максима Грека. Царь посѣтилъ его келію и, бесѣдуя съ нимъ, заговорилъ о своемъ путешествіи.

«Государь, сказалъ Максимъ, пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его.

Если желаешь изъяснить ревностную признательность къ небесной благодати, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе казанскаго царства, счастливое для Россіи, было гибелью для многихъ христіанъ. Вдовы, сироты и матери избіенныхъ льютъ слезы: утешь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло мирское».

Но Іоаннъ не хотѣлъ измѣнить обѣщанія. Говорятъ, что Максимъ Грекъ предсказалъ потерю младенца Дмитрія, если Іоаннъ пустится въ дальній путь,—и его пророчество оправдалось. Дмитрій въ Москву болѣе не возвращался.

Враги Сильвестровы были не только въ мірѣ, но и въ обители. И никто такъ не сокрушилъ терпѣнія Іоаннова и не толкнулъ къ разладу съ «избранной радой», какъ епископъ Вассіанъ, жившій тогда въ Пѣсношскомъ монастырѣ.

Іоаннъ, желая лично ознакомиться съ Вассіаномъ, который когда то былъ любимцемъ отца его, Василя, зашелъ къ нему къ келію и завелъ рѣчь объ управленіи государствомъ.

Тогда Виссіанъ ему сказалъ:

«Если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій государя неминуемо овладѣетъ имъ».

Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, Іоаннъ съ живостью сказалъ:

«Самъ отецъ не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта»...

Да, совѣтъ былъ ужасный. Въ первый разъ Іоаннъ ясно и опредѣленно созналъ, что его ведутъ на помочахъ и его именемъ управляютъ.

И теперь, однако, Іоаннъ сумѣлъ скрыть свое рѣшеніе—отдѣлаться отъ своихъ совѣтниковъ и дѣйствовать за свой счетъ, хотя съ этого времени мало по малу начало уже прорываться стремленіе Іоанна дѣйствовать на перекоръ своимъ совѣтникамъ.

Но пока была жива Анастасія, миръ былъ сохраненъ.

Въ іюлѣ 1860 г. царица Анастасія тяжело занемогла, а 7 августа скончалась, оставивъ послѣ себя сыновей Іоанна и Федора и дочь Евдокію.

Мало по малу Іоаннъ началъ отдаляться отъ своихъ совѣтниковъ—Сильвестра и Адашева. Адашевъ былъ посланъ въ Ливонію; Сильвестръ же, видя къ себѣ немилость царя, ушелъ въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. Но врагамъ «избранной рады» этого было мало. Ихъ обвинили въ томъ, что они извели царицу Анастасію чародѣйствомъ. Царь подалъ видъ, что вѣритъ этому обвиненію. Назначено было слѣдствіе. Сильвестръ и Адашевъ просили позволенія лично явиться на судъ. Имъ это было не позволено подъ предлогомъ, что они

могутъ околдовать царя. Ихъ заочно осудили: Адашевъ былъ сосланъ въ Дерптъ, гдѣ смерть скоро прекратила его дни; а Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Скоро и четвертый членъ «избранной рады» сошелъ въ могилу, митрополитъ Макарій.

Теперь Іоаннъ остался одинъ, на своей доброй волѣ, окруживъ себя помощниками и пріятелями, подходящими по вкусамъ и характеру къ его дурнымъ качествамъ. Царь рѣшилъ доказать боярству, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ царствомъ, а не бояре и вельможи!...

Начался новый, самый ужасный, періодъ не только царствованія Іоанна Грознаго, но и вообще существованія Россіи.

Іоанну было тридцать лѣтъ, когда онъ освободился отъ опеки «избранной рады». Теперь онъ достигъ какъ физическаго, такъ и умственнаго полнаго развитія.

По описанію Кубасова и Горсея, Іоаннъ Грозный былъ роста высокаго, съ широкой грудью и плечами, крѣпкими мышцами, красивой и величественной наружности; лобъ у Іоанна былъ высокій, глаза сѣрые непріятные, носъ длинный вытянутый, усы длинные вздернутые, голосъ зычный и непріятный. Это былъ настоящій скиѣ: быстръ умомъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія и во всемъ дѣйствовалъ своимъ разумомъ.

Какъ наследственникъ болѣзненной нервной системы, Іоаннъ еще съ дѣтства долженъ былъ проявлять черты характера, свойственныя этимъ лицамъ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь въ немъ рано проявились: замкнутость въ себѣ, сосредоточенность, скрытность, усиленная наблюдательность ко всему окружающему (проф. Ключевскій¹⁾ говоритъ по этому поводу: «Іоаннъ усвоилъ себѣ привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь»), недовѣріе, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы отъ одного состоянія къ другому, отсутствіе крѣпкой привязанности, рѣзкая раздражительность, еще болѣе рѣзкая вспыльчивость, чрезмѣрное самолюбіе и самомнѣніе, трусость и выжидательность, отсутствіе прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмѣрная злость и кровожадность.

Это были отдѣльныя черты его характера; но кромѣ этого онъ могъ быть тѣмъ человекомъ, какова его обстановка. При порядочной и доброй обстановкѣ онъ могъ выдерживать себя и быть порядочнымъ и относительно добрымъ, — съ злодѣями, людьми разнузданными, распущенными и кровожадными — онъ могъ быть царемъ ихъ.

¹⁾ Проф. Ключевскій, Литографированныя записки.

Іоаннъ не былъ по характеру человѣкомъ цѣльнымъ, опредѣленнымъ. Кромѣ болѣзненныхъ чертъ,—характера самобытнаго и ясно выкри-

сталлизованнаго въ немъ не было. Онъ былъ эхомъ обстановки у окружающихъ людей. Окружали его съ дѣтства хищники и звѣри и подго-

товили въ 13 лѣтъ волченка, который публично разорвалъ Шуйскихъ и ихъ клеветовъ. Вліялъ на него мечтательный, увлекающійся и отчасти мистикъ Митрополитъ Макарій и изъ Іоанна вылился фантазеръ и романтикъ «царь по чину Владиміра Мономаха». Сталъ онъ въ кружкѣ Сильвестра, Адашева, Анастасіи и Макарія и былъ царемъ правымъ, чистымъ, любящимъ и заботливымъ отцемъ. Сталъ при немъ Федоръ Басмановъ и Малюта Скуратовъ и изъ Іоанна вышелъ убійца и кровожадный человѣкъ.

Іоаннъ, по характеру, была трость колеблемая вѣтромъ. Трость крайне крѣпкая и упругая, — но поддающаяся вѣтру. Это былъ человѣкъ съ чрезмѣрной энергіей, сильной волей и безконечной дѣятельностью, но безъ опредѣленныхъ убѣжденій и стойкаго характера. Онъ быстро увлекался и еще быстрѣе приводилъ въ исполненіе свои увлеченія, хотя бы ему послѣ того приходилось и каяться. Подъ вліяніемъ людей съ яснымъ и прочнымъ убѣжденіемъ и характеромъ онъ могъ быть незамѣнимымъ человѣкомъ. Не имѣя своего собственнаго, онъ выполнялъ чужое съ такой энергіей, съ какой не выполнилъ бы дѣла и создатель его. Вотъ почему при Шуйскихъ и Бѣльскихъ онъ разъяренный волченокъ, при Макаріи — чистый и не порочный романтикъ, при Силь-

вестрѣ — образцовый конституціональный царь, проводящій самодержавные принципы, при Малютѣ Скуратовѣ дикій звѣрь.

Въ его душѣ не было ни Бога, ни любви къ родителямъ, ни любви къ дѣтямъ, ни любви къ ближнимъ, ни любви къ родинѣ. По существу онъ былъ ханжа: днемъ нигилистъ, а ночью молящій Бога о спасеніи до завтра. Отецъ—въ черномъ клубукѣ убивающій своего сына. Престарѣлый человѣкъ—предъ смертнымъ одромъ заигрывающій съ своей невѣсткой. Царь—ищущій жительства въ Англіи. Другъ—казнящій Воронцова, ссылающій Сильвестра и Адашева и истязаящій Вяземскаго и Басмановыхъ. Отецъ отечества — выжигающій цѣлые города до тла.... Во всемъ его характерѣ масса противорѣчій, неустойчивости, несостоятельности и несамостоятельности. Подобно характеру, такой же неустойчивый, неопредѣленный и невыдержанный былъ и умъ Іоанна.

Какъ и у многихъ другихъ дегенератовъ, способности Іоанна были довольно острые. Онъ легко могъ воспринимать и усвоить знанія. Могъ многое запоминать и знать. Запасъ его свѣдѣній и знаній былъ обиленъ и о немъ можно сказать, что по своему образованію для того времени онъ былъ человѣкомъ съ блестящимъ образованіемъ.

*

Гораздо обширнѣй и мощнѣй, чѣмъ умственныя способности, у Іоанна были развиты фантазія и воображеніе.

Но и здѣсь проявилось то, что дѣлается у большинства дегенератовъ — подчиненіе его ума воображенію и фантазіи. Образы воображенія и картины фантазіи не дополненіемъ служили къ его знаніямъ, а сами знанія были матеріаломъ для воображенія и фантазіи и Іоаннъ жилъ не логическими выводами ума, а построеніями воображенія и фантазіи. Но такъ какъ послѣдній способъ душевной дѣятельности не всегда примѣнимъ къ жизни, то весьма многое переживалось въ немъ самомъ и только отдѣльныя частицы этого сокровеннаго міра проникали въ жизнь.

«Этотъ первый московскій царь не обладалъ отъ природы практическими свойствами ума, а имѣлъ въ избыткѣ воображеніе и чувство, подавлявшія въ критическіе моменты его волю» (Фирсовъ) ¹⁾.

Съ ранняго дѣтства оставшись круглымъ сиротой и одинокимъ, Іоаннъ все переживалъ въ своей головкѣ самъ. Даже, если бы онъ не получилъ по наслѣдству склонности къ одиночеству, фантазированію и воображенію, то, уже въ силу жизненной обстановки, онъ долженъ былъ бы стать такимъ. Въ

¹⁾ Проф. Фирсовъ, 1. с., р. 14.

дальнѣйшемъ своемъ образованіи онъ опять былъ предоставленъ самому себѣ. По естественному влеченію натуры, онъ набросился на исторію,—исторію церкви, исторію государствъ и исторію Россіи. Здѣсь онъ выбиралъ для себя тѣ моменты, которые были наиболѣе симпатичны его фантазіи и воображенію.

Понимая, что онъ самодержавный, Іоаннъ невольно въ исторіи приковывался къ лицамъ самодержавнымъ, властнымъ и могущественнымъ. Ежеминутно и ежечасно оскорбляемый и уязвляемый именно въ существѣ своего единодержавія, Іоаннъ невольно создавалъ себѣ планы и образы фантазіи—какъ онъ станетъ самодержавнымъ и что онъ для этого сдѣлаетъ. Если бы это воспитаніе и самообразование имѣло поддержку не въ Макаріѣ, а въ Шуйскихъ, то изъ него вышелъ бы не Іоаннъ 17 лѣтній, а Іоаннъ 30 лѣтній, который началъ бы свое царствованіе поголовнымъ избіеніемъ бояръ и князей.

Усвоивъ массу фактовъ, заучивъ множество текстовъ священнаго писанія и отцевъ церкви, Іоаннъ остается однако ходячей библіотекой, не умѣя привести всего этого въ строго логическую систему и сдѣлать изъ нихъ надлежащихъ выводовъ и правильнаго пользованія.

Указываютъ на сочиненія Іоанна, какъ на блестящее доказательство его недюжиннаго ума. Это

едва ли будетъ вполнѣ безпристрастно и справедливо. Въ его сочиненіяхъ мы видимъ наборъ фактовъ, нанизываніе блестящихъ и остроумныхъ чужихъ фразъ, удачные обороты, но и только. Всѣ его сочиненія полемическаго характера. Во всѣхъ ихъ видно одно — желаніе показать свою начитанность и свой блестящій умъ. Перваго онъ достигаетъ, втораго — ничуть. Нигдѣ мы не видимъ строго проведенной мысли и логически связанныхъ разсужденій. Всюду отрывочность, непоследовательность, а во многихъ мѣстахъ нелогичность и даже бессмысленность.

Его сочиненія — точное изображеніе его ума: множество фактовъ, фактовъ цѣнныхъ и доказательныхъ, — и немошь мыслительная, — неумѣнье привести ихъ въ связь, неспособность воспользоваться ими, отсутствіе логики и строгихъ выводовъ. Его знанія особо, а мышленіе особо. Одни послышки его мышленія правильны, другія вымышлены, ошибочны и ложны. Твердо опредѣленныхъ взглядовъ, ясно выраженныхъ воззрѣній, строго выраженныхъ убѣжденій у него нѣтъ. Предъ нимъ картины прошлаго. Онъ ихъ облюбилъ. Онъ ихъ поставилъ своимъ идеаломъ. Онъ ихъ переживаетъ въ своей фантазіи. Но осуществить ихъ немогущъ.

Нужно, чтобы кто-нибудь другой далъ ему мысль и тогда онъ бодро и энергично ее испол-

нить и осуществить. Замѣчательна въ этомъ отношеніи одна особенность мышленія этихъ людей: они ходятъ около вывода, они его предчувствуютъ,—но не могутъ его сформулировать. Подставляютъ имъ эту готовую формулу и они ничего въ ней не видятъ новаго. Такъ и должно быть. Это и ихъ личный взглядъ. Поэтому имъ не кажется, что этотъ взглядъ есть чужой, имъ навязанный. Они думаютъ, что это ихъ собственная мысль и потому бодро и энергично выполняютъ ее, нисколько не сознавая ея иностраннаго происхожденія. У этихъ людей существуетъ недочетъ сознанія собственной несостоятельности въ образованіи выводовъ и неспособность сознанія давать отчетъ, что они чужое присваиваютъ себѣ и пользуются имъ какъ своей собственностью.

Таковъ былъ и Іоаннъ. Обладая множествомъ отдѣльныхъ свѣдѣній, онъ не умѣлъ изъ нихъ дѣлать надлежащихъ выводовъ. Окружающіе легко пользовались этимъ состояніемъ повелителя. Они свободно проводили свои взгляды и Іоаннъ безсознательно ихъ усвоялъ и съ энергіей отстаивалъ и проводилъ. Долго онъ этого не замѣчалъ, и еще дольше онъ этого не признавалъ. Онъ уже чувствовалъ гнетъ чужой власти надъ собою; но не умѣлъ этого ясно выразить. Нуженъ былъ Вассіанъ, чтобы царь призналъ, что царить не онъ, а Сильвестръ и Адашевъ.

Что касается дѣйствій и поступковъ царя, то они являлись естественнымъ слѣдствіемъ внушеній его совѣтниковъ и приближенныхъ.

Нашъ выводъ тотъ, что тридцатилѣтній царь въ умственномъ отношеніи представлялъ собою безвольность, подобную гипнотическому состоянію. Окружающіе являлись гипнотизерами безъ гипноза. Безвольный царь являлся безсознательнымъ, но энергичнымъ и ярымъ исполнителемъ ихъ внушеній. У него не доставало ни способности самостоятельно дѣйствовать, ни сознанія собственнаго безсилія и подчиняемости чужому внушенію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для неимовѣрно самолюбиваго царя не было большей обиды, какъ указаніе, что имъ вертятъ, какъ маріонеткой.

Преосвященный Сергій такъ характеризуетъ это состояніе царя Іоанна. «Причиною разрыва (Іоанна съ Сильвестромъ) было властолюбіе, своеправіе и злость Іоанна. Подобныя личности не долго привязываются къ тѣмъ людямъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще не любятъ послѣднихъ. Они покоряются, воображая, что ни кому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію; когда же какой либо случай открываетъ имъ глаза, и они увидятъ, что ихъ держали въ уздѣ, почувуютъ унижительность своего положенія, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли

ими»... и это будетъ «ненависть глубокозатаенная, мстительная, свойственная одному непомѣрному своенравію и властолюбію» ¹⁾).

Вотъ почему самодержавный Іоаннъ рѣшилъ избавиться отъ своихъ совѣтниковъ,—избавиться потихоньку и по маленьку, умненько и безъ опасности для себя. Такъ онъ и сдѣлалъ. Задумавъ планъ еще послѣ своей болѣзни, онъ привелъ его въ исполненіе только по смерти Анастасіи.

И вотъ избавившись отъ этой «избранной рады», Іоаннъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, за свой страхъ и совѣсть.

Но, разумѣется, такое рѣшеніе царя было призрачнымъ и обманчивымъ. Не могъ онъ быть самостоятельнымъ. Не могъ онъ жить самодержавнымъ. Неспособенъ онъ былъ существовать безъ помочей. У него былъ органическій минусъ. Этотъ минусъ для цѣльности и единства долженъ былъ быть пополненъ недостающею величиной. Какова она—это безразлично: сегодня А, завтра В, послѣ завтра С и т. д. Эквивалентъ безразличенъ, но онъ долженъ быть.

Сильвестръ и Адашевъ отошли. Ихъ мѣсто заняли другія лица. Минусъ выполненъ новымъ эквивалентомъ.

¹⁾ *Епископъ Сергій*, Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель, 1893, р. 67 и 68.

Вмѣсто Сильвестра явился Малюта Скуратовъ, вмѣсто Адашева—Алексѣй Басмановъ, вмѣсто Макарія—Василій Грязный и вмѣсто Анастасіи Оедоръ Басмановъ.

Царь, до сихъ поръ сдерживаемый строго-нравственнымъ Сильвестромъ, дѣловитымъ Адашевымъ и любящей Анастасіей, обрадовался своей свободѣ и зажилъ во всю свою волюшку. Вырвавшись изъ подъ опеки, Іоаннъ предался разгулу во всю ширь. Ему захотѣлось полного произвола, говорить Аксаковъ ¹⁾, несдержанного ничѣмъ, никакими нравственными узами; а человѣкъ, лишенный нравственного сдерживанія, именно тогда наслаждается своимъ произволомъ, когда онъ дѣлаетъ вещи непозволительныя, незаконныя, неслыханныя, невѣроятныя. Нарушеніе всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ составляетъ потребность и наслажденіе необузданнаго произвола. Такимъ сталъ Іоаннъ....

«Забушевали чувственныя и властолюбивыя страсти,—всѣ внутреннія и внѣшнія силы, всю энергію и дѣятельность отдалъ онъ одной борьбѣ съ дѣйствительными, а больше призрачными препятствіями къ осуществленію своей завѣтной идеи самодержавія, изъ него выходитъ чудовище разврата и произвола, какимъ онъ былъ въ миніа-

¹⁾ К. С. Аксаковъ, Сочиненія, т. I, стр. 163.

тюрѣ и въ отроческомъ своемъ возрастѣ», говоритъ Епископъ Сергій ¹⁾).

Дворецъ сталъ тѣсенъ для овдовѣвшаго царя. Дѣтей Іоанна, брата Юрія и казанскаго царя Александра выселили въ особые дома. Во дворцѣ начались кутежъ, разгулъ, игры, потѣхи и безобразія. «Самая пристойность считалась непристойною». Старые вельможи, привыкшіе къ воздержанію, приличію и порядочности, должны были или подчиняться новымъ порядкамъ, или же терпѣть наказаніе и издѣвательство. Князь Рѣпинъ, присутствовавшій на одной изъ такихъ оргій, невольно заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ лично на него надѣть маску. Рѣпинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ:

— «Государю ли быть скоморохомъ?... По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, не могу безумствовать».

За такую продерзость Рѣпина изгнали, а за тѣмъ, по приказанію царя, умертвили въ церкви на молитвѣ.

Нынѣшніе царедворцы заслужили симпатію царя дурными своими качествами. Они служили царю въ его порокахъ и угождали въ страстяхъ. Соединившись съ монахами, обладавшими удобопріятною совѣстью, какъ напр. Чудовскій Архи-

¹⁾ *Епископъ Сергій*, 1. с., р. 49.

мандритъ Левкій, они употребили всѣ мѣры къ тому, чтобы затушить робкую совѣсть царя.

Вино, распутство и животныя страсти взяли перевѣсъ надъ слабымъ разсудкомъ. Забывъ для виду горячо оплакиваемую супругу, Анастасію, Іоаннъ предался удовольствію грубыхъ страстей, а на восьмой день по кончинѣ Анастасіи объявилъ, что онъ будетъ искать новой невѣсты въ лицѣ сестры польскаго короля Екатерины.

Нашлись и утѣшители, которые не боялись и не стыдились уговаривать его—забыть свою жену, съ которой жилъ тринадцать лѣтъ. И жестокосердный Іоаннъ не только не видѣлъ въ этомъ оскорбленія, а, напротивъ, оправданіе своему малодушію и присущему ему разврату.

Люди прежняго закала не могли смотрѣть на разгулъ царя съ привѣтомъ и лаской. Невольно омрачалось лицо ихъ, смотря на эти злодѣянія. Да и каждый изъ нихъ невольно думалъ, что-то будетъ завтра? Что-то будетъ и со мною?

А клевреты царя не пропустили и этого случая—спустить недовольныхъ, устранить людей, одно присутствіе которыхъ могло служить укоромъ еще не заснувшей совѣсти царя, Они указывали на печальныя лица бояръ и шептали:

«Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, съ-

ютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольства».

Такія рѣчи растравляли Іоаново сердце, взоръ его мутился и изъ устъ вырывались грозныя слова. Прежде всего началось гоненіе на всѣхъ родственниковъ и ближнихъ Адашева: у нихъ отнимали имущество; а самихъ ссылали въ ссылку. Такъ пострадала нѣкая Марія, которую обвиняли въ связяхъ съ Адашевымъ и намѣреніи чародѣйствомъ извести царя. Ее казнили вмѣстѣ съ пятью сыновьями. Въ томъ же обвинили, прославившагося воинскими доблестями въ Казанскихъ походахъ, брата Адашева, Данила, съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, — трехъ Сатиныхъ, сестра коихъ была за Алексѣемъ Адашевымъ, и родственника его Ивана Шишкина съ женою и дѣтьми, — а равно всѣхъ ихъ и казнили. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ обиженный надменностью приближеннаго Іоанна, Ѳедора Басманова, сказалъ: «мы служимъ царю полезными трудами, а ты гнусными содомскими дѣлами».... Ѳедоръ Басмановъ нажаловался царю. Разъяренный царь за обѣдомъ собственноручно вонзилъ несчастному князю ножъ въ сердце....

Видя такое настроеніе Іоанна, явилась масса доносчиковъ, желавшихъ гибелью другихъ создать себѣ положеніе и благосостояніе. Тѣмъ болѣе, что для подозрительнаго и разъяреннаго царя те-

перь достаточно было одного доноса безъ доказательствъ. Такъ безъ суда казнили князя Юрія Кашина, а князя Дмитрія Курлятева сначала постригли въ монахи, а потомъ убили со всѣмъ семействомъ; знаменитаго ратными подвигами и на дѣлѣ доказавшаго свою преданность Іоанну и его дому, побѣдителя Казанцевъ, князя Михаила Воротынскаго съ женою, сыномъ и дочерью сослали въ Бѣлоозеро. Побѣдителя крымцевъ, боярина Ивана Шереметева, засадили въ темницу и заковали въ кандалы. Къ нему лично явился Іоаннъ съ допросомъ: гдѣ хранится его казна?

«Государь, отвѣчалъ бояринъ, я руками нищихъ переслалъ ее къ моему Христу Спасителю».

На этотъ разъ его выпустили изъ темницы; но черезъ нѣкоторое время его сослали въ Бѣлоозерскую пустынь. Но и строгіе уставы этой пустыни не спасли воеводу отъ милостиваго вниманія Іоанна....

Братъ Ивана Шереметева, Никита Шереметевъ, былъ удушенъ.

Кровь лилась въ темницахъ; въ монастыряхъ стенали жертвы; но.... тиранство еще созрѣвало, настоящее ужасало будущимъ, говоритъ Карамзинъ.

Явившаяся подъ вліяніемъ злоупотребленія виномъ, нравственной разнузданности, разврата, содоміи, разгула и безпорядочной жизни—подозри-

тельность не унималась казнями и кровью. Напротивъ, она разгоралась и усиливалась, порождая жажду крови и напряженіе свирѣпости. Лившаяся кровь затмѣвала разсудокъ и переводила разнузданного и разслабленнаго Іоанна въ состояніе безумія.

Любопытно желаніе Іоанна примирить свои безчеловѣчныя жестокости съ религіозною трусливостью и ханженствомъ. Желая себя обѣлить, то въ собственныхъ глазахъ, то въ глазахъ своихъ подданныхъ, онъ изыскивалъ различныя оправданія на этотъ счетъ. Такъ, разъ онъ объяснялъ свои лютоści правосудіемъ, объявляя, что бояре злоумышляли противъ него, а слѣдовательно и противъ Церкви, и противъ Христа—и были измѣнниками въры и отечеству. Другой разъ онъ смиренно каялся и винился предъ Богомъ и людьми, называя себя гнуснымъ убійцею невинныхъ и утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ посылалъ по церквямъ даянія на поминаваніе умершихъ. Въмѣстѣ съ симъ онъ надѣялся со временемъ отмолить свои грѣхи, когда онъ оставитъ государство, поступитъ въ мирную Кирилло-Бѣлоозерскую обитель и сподобится чина ангельскаго. Разумѣется, это раскаяніе имѣло чисто формальный характеръ, принимая видъ обмана людей, самообмана, а можетъ быть и попытки обмана Высшаго Существа....

Мы говорили, что, уже на 8-й день по кончинѣ Анастасіи, Іоаннъ высказалъ намѣреніе жениться на сестрѣ польскаго короля Екатеринѣ; однако бракъ этотъ не состоялся. Іоаннъ не получилъ отказа, — но вмѣстѣ съ этимъ установились между Россіей и Польшей такія взаимныя отношенія, что о бракѣ этомъ нельзя было помышлять. Тогда Іоаннъ рѣшилъ взять себѣ въ жены дочь Черкесскаго Пятигорскаго князя Темрюка, которая во Святомъ Крещеніи была названа Маріей. Нехорошіе отзывы даетъ о ней исторія. Эта царица не была матерью отечества. Красавица по наружности, она была дикаго нрава; жестокая душою и вмѣсто того, чтобы удерживать царя отъ кровожадности, она еще болѣе его къ тому побуждала. Да и Іоаннъ былъ уже не тотъ. Искусившись въ разгулѣ, развратѣ, нравственной разнузданности и содоміи, онъ не могъ уже быть вѣрнымъ супругомъ своей жены. Въ немъ заговорили болѣзненные инстинкты, боротся съ которыми въ настоящее время едва ли было бы подѣ силу и Сильвестру, а не токмо Малютѣ Скуратову и Фёдору Басманову... Если Марія не могла плѣнить души Іоанна, за то любимцемъ его сдѣлался братъ ея, Михайло, — чѣловѣкъ необузданный и развратный....

При такомъ новомъ направленіи жизни и нравовъ царя, князьямъ и воеводамъ невольно при-

ходило задуматься—что имъ дѣлать и какъ имъ быть? Видимо было, что знатное происхожденіе, воинскія доблести, вѣрная и честная служба отечеству, чистый нравъ и безпорочная жизнь людей являлись главными поводами къ обвиненію въ государственномъ преступленіи съ послѣдующимъ наказаніемъ—пытка, позорная смерть и ограбленіе имущества.

Этотъ вопросъ особенно насущнымъ являлся для тѣхъ князей и бояръ, которые недавно перешли по доброй волѣ изъ царства польскаго и Литвы подъ власть Московскаго Государя. Для нихъ оставалось одно—покинуть русское подданство и вновь возвратиться въ подданство Польши или Литвы. Приходилось выбирать между бессмысленною смертью и временнымъ униженіемъ. Последнее однако очень сглаживалось и услаждалось полною готовностью польскаго короля дать не только пріютъ бѣглецамъ, но и пособіе, ибо съ ихъ помощью онъ рассчитывалъ взять перевѣсъ въ войнѣ съ Россіей.

Первый примѣръ перехода въ Польшу показалъ князь Дмитрій Вишневецкій. Онъ только недавно и поступилъ въ русское подданство, преслѣдуя одну мысль и цѣль—нанести ударъ Крымскимъ татарамъ. Видя однако невозможность осуществить свою задачу и переживая тяжкіе моменты жизни московскаго царства при болѣзненно подозритель-

номъ и безконечно кровожадномъ и жестокомъ царѣ, онъ рѣшилъ возвратиться вновь въ подданство Польши. Вслѣдъ за Вишневецкимъ бѣжали въ Литву Алексѣй и Гаврило Черкасскіе. Вслѣдъ за ними бѣжалъ въ Польшу знаменитый воевода князь Андрей Курбскій.

Всѣ эти бѣгства оканчательно вывели Іоанна изъ себя. Болѣзненно самолюбивый, безконечно трусливый и безгранично подозрительный, Іоаннъ многое видѣлъ въ этомъ. Больше всего страшило въ этихъ бѣгствахъ Іоанна то, что его обезславятъ внѣ предѣловъ его царства. Онъ могъ бы перебить дома не только весь родъ Вишневецкихъ, Черкасскихъ и Курбскихъ, — но въ тысячу разъ большее количество ихъ, — но это было дома. Никто не будетъ объ этомъ знать. Никто не разболтаетъ внѣ дома о его жестокостяхъ, безсудіи, развратѣ и кровожадности. А эти выходцы все разболтаютъ, да еще пожалуй и прибавятъ, — хотя въ послѣднемъ едва ли даже была нужда...

Болѣзненно подозрительный, онъ видѣлъ въ этомъ бѣгствѣ указаніе и доказательство воображаемаго и измышленнаго имъ же заговора со стороны бояръ и князей противъ его жизни.

«Желая сломить неповиновеніе правящихъ классовъ *вывести измѣну изъ каменной Москвы*, Іоаннъ несомнѣнно преувеличивалъ боярскія *кратолы*. Строго говоря, и неповиновенія не было...

Иванъ же вообразилъ, что противъ него бояре составляютъ заговоры, стремясь уничтожить все его семейство» (Фирсовъ ¹⁾).

Наконецъ трусливый царь боялся, чтобы эти бѣглецы не открыли польскому королю слабыхъ сторонъ военного дѣла Россіи и не направили бы Сигизмунда на вѣрный путь побѣды надъ Россіей.

Все это еще больше подогрѣло звѣрство и кровожадность царя противъ князей и бояръ.

Съ этихъ поръ царь положилъ брать порученныя записи съ бояръ въ томъ, что они не будутъ бѣжать въ Литву и усилилъ до крайности надзоръ за всѣми боярами въ смыслѣ томъ, не собираются ли они сбѣжать. Особенно настойчиво брались записи съ сыновей и внуковъ удѣльных русскихъ князей, которые перешли въ Московское княжество изъ Литовскаго, какъ князья Глинскіе, Бѣльскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе и проч.

Не смотря на это, бѣгство продолжалось. Бѣжали уже не только знатные люди, но и менѣе важные. Бѣжали въ Литву первые московскіе типографы—Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславцевъ, бѣжали многіе дворяне и дѣти боярскіе.

Видя такое настроеніе лучшаго московскаго общества, польскій король Сигизмундъ нерѣдко самъ

¹⁾ Н. Н. Фирсовъ, Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, 1892.

старался сманывать лучших бояръ изъ Москвы, общая имъ почести и богатые надѣлы. Такъ обнаружена была подобная переписка у Бѣльскихъ и у другихъ. Даже братья царицы Маріи, по нраву весьма близкіе къ Іоанну, тоже не выдержали и также бѣжали.

Тогда Іоаннъ придумалъ новое средство—за подозрѣваемыхъ лицъ отбирать денежное поручительство отъ ихъ близкихъ, при чемъ самыя суммы поручительства для того времени были довольно значительныхъ размѣровъ.

Видя вокругъ себя всюду явныхъ и тайныхъ враговъ, страдая вполне сформированнымъ бредомъ преслѣдованія, Іоаннъ обратилъ свое милостивое вниманіе на близкихъ своихъ родныхъ. «Для Іоанна врагъ, и опасный врагъ, существовалъ въ его воображеніи,—и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него», говоритъ Аксаковъ ¹⁾.

По простому доносу своего слуги, обвиненъ былъ въ дурныхъ замыслахъ двоюродный братъ Іоанна Владиміръ Андреевичъ и его мать Ефросинья. Только заступничество митрополита Макарія на этотъ разъ спасло князя.

Изъ предосторожности отобралъ Іоаннъ у него бояръ, дѣтей боярскихъ, дяковъ и стольниковъ

¹⁾ К. С. Аксаковъ, Сочиненія, т. 1, стр. 135.

и назначилъ на ихъ мѣста своихъ. Княгиня Ефросинья приняла монашескій чинъ, поселившись въ Воскресенскомъ монастырѣ. Къ ней для «сбереженія» приставлены были два государевыхъ чиновника. Чрезъ нѣкоторое время царь отобралъ у Владиміра Андреевича нѣкоторыя его волости и взамѣнъ этого назначилъ ему свои.— Скоро умеръ братъ царя Юрій. Его жена также поступила въ монастырь и постриглась подъ именемъ Александры.

При такомъ широкомъ избіеніи бояръ больнымъ царемъ, на Руси однако нашлись еще люди съ воинскими доблестями. Тринадцатилѣтнее управленіе государствомъ Сильвестра и Адашева создало людей и военныхъ и гражданскихъ, уничтожить которыхъ было не такъ легко.

Не смотря на разгулъ и разнузданность при дворѣ, не смотря на смуты и беспорядочность внутри государства, военныя дѣла Россіи продолжали быть блестящими. Ливонскій орденъ кончалъ свое существованіе. Крымъ очень побаивался Россіи. Швеція вынуждена была дѣлать уступки Россіи. Польша понесла значительный уронъ. Боевые люди не перевелись еще на Руси и войско еще не было разстроено.

Но и въ войнѣ Іоаннъ проявилъ себя бессмысленно жестокимъ. Такъ. Взятъ былъ Полоцкъ. Отпустивъ поляковъ изъ города съ миромъ, онъ

приказалъ перетопить въ Двинѣ всѣхъ евреевъ съ ихъ семьями и перебилъ всѣхъ бернардинскихъ монаховъ.

Вообще Іоаннъ имѣлъ противъ евреевъ зубокъ...

Разслабленный развратомъ, пьянствомъ и безсонными ночами, истощенный содоміей, имѣя вокругъ себя бѣгство воеводъ и бояръ, натравляемый и напугиваемый окружающими, уstraшенный нашествіемъ поляковъ и крымцевъ, — Іоаннъ проявилъ ярко выраженную душевную болѣзнь. У него развился бредъ преслѣдованія въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго. Въ печальныхъ ихъ взорахъ онъ усматривалъ предательство, — въ ихъ молчаніи онъ слышалъ укоризны и угрозы. Царь жаждалъ доносовъ. Царь требовалъ доносовъ. И самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его хотѣній, ибо образы его больного состоянія неизмѣримо превышали всѣ эти доносы. Ему нужны были новыя жертвы. Ему нужна была кровь рѣкою и убійства повальныя...

Съ этой поры начинаются дѣянія челоуѣка, не предрасположеннаго только къ заболѣванію, а уже формально душевно-больного. Его дѣйствіями руководятъ уже не одни только жизненные обстоятельства, но и плоды его больного воображенія и больной фантазіи.

Іоаннъ задумываетъ новое дѣло, поразившее всѣхъ своею необычайностью и выдавшее съ руками и ногами не только бояръ и вельможъ, но и все государство.

Въ 1564 году разнесся слухъ, что Іоаннъ уѣзжаетъ, а куда—неизвѣстно. Приказано было собирать изъ городовъ въ Москву съ женами и дѣтьми дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей, по имянному, однако, указанію. Когда собранъ былъ такой соборъ, Іоаннъ явился туда и объявилъ слѣдующее:

Вѣдано ему стало, что многіе въ государствѣ не терпятъ его и не желаютъ, чтобы царствовалъ онъ и его наслѣдники. Существуютъ лица, которыя злоумышляютъ на его жизнь. Того ради онъ намѣренъ отказаться отъ престола, а власть передать всей землѣ. Говорятъ, что съ этими словами Іоаннъ сложилъ свою корону, жезлъ и царскую одежду (Костомаровъ).

На другой день со всѣхъ церквей и монастырей привозили Іоанну образа. Іоаннъ кланялся предъ ними, прикладывался и принималъ отъ духовныхъ лицъ благословеніе. За симъ нѣсколько дней и ночей Іоаннъ разъѣзжалъ по церквамъ и монастырямъ, продолжая свое прощанье.

3 декабря въ Кремль пріѣхало множество саней. Изъ дворца выносили и укладывали въ драгоцѣнныя вещи. Всѣмъ прибывшимъ изъ городовъ дво-

рянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказано было снаряжаться въ путь съ царемъ. Отобрано было нѣсколько челоѣкъ изъ бояръ и дворянъ московскихъ. Въ Успенскомъ соборѣ была отслужена обѣдня, послѣ которой царь принялъ благословеніе отъ митрополита, допустилъ бояръ и прочихъ присутствующихъ въ цалованію руки, за симъ сѣлъ въ сани съ царицей и дѣтьми и уѣхалъ. Приближенные царя и вооруженные избранные люди послѣдовали за нимъ.

Москва осталась безъ владыки и царство безъ царя. Всѣ были поражены и никто не зналъ, что придумать и какъ все это объяснить. Можно было предугадать, что добромъ дѣломъ не кончится. Невольно все живущее пожалѣло, что оно народилось на свѣтъ, ибо каждый не былъ увѣренъ, что дни его не сочтены.

Царь направился въ Александровскую слободу и четыре недѣли ничего не было извѣстно, что онъ намѣренъ предпринять.

3 января чиновникъ Константинъ Поливановъ привезъ отъ царя грамоту ко дворянамъ и боярамъ.

Царь прежде всего, по обычаю, описываетъ всѣ мятежи, неурядиство и беззаконія временъ боярскаго управленія,—хищеніе вельможами и приказными казны, земель и помѣстей государевыхъ,—

радѣніе со стороны боярѣ только о себѣ и собственномъ богатствѣ, а не объ отечествѣ... Вмѣстѣ съ симъ царь добавляетъ, что духъ этотъ не измѣнился и теперѣ. Бояре не перестаютъ злодѣйствовать и теперѣ. Воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, бѣгутъ со службы, помогаютъ хану, литвѣ и нѣмцамъ раззорять Россію, — если же государь, побуждаемый правосудіемъ, объявитъ гнѣвъ свой праведный на сихъ недостойныхъ боярѣ и служащихъ, то является на сцену митрополитъ и духовенство, которые заступаются за нихъ, грубятъ царю и противодѣйствуютъ. «А посему, пишетъ царь, не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы, отъ великой жалости сердца, *оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь*».

Итакъ царь отказывается отъ престола и даже оставляетъ государство. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ грамоты къ духовенству и боярамъ.

Вслѣдъ за симъ получена была новая грамота — къ купцамъ, гостямъ и мѣщанамъ.... Однако не такой выводъ слѣдуетъ изъ этой второй грамоты. Въ этой грамотѣ царь чернилъ передъ толпою народа весь служилый классъ и даже духовенство и тѣмъ самымъ выдавалъ народу на судъ и боярѣ и духовенство. Царь увѣрялъ народъ въ своей милости, что опала и гнѣвъ его не касаются.

Царь дѣлитъ царство на ся. Менъшинство онъ выдаетъ головою большинству и вооружаетъ одни классы противъ другихъ...

Война съ сосѣдями, внутреннее замѣшательство, отсутствіе руководящей власти, опасеніе междоусобицы, возстановленіе народа на людей служилыхъ,—все это невольно потрясло всѣхъ до глубины души.

Народъ весь возопилъ.

«Государь оставилъ насъ! Мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплемениками? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?».

Духовенство и бояре, не видя для себя никакого исхода и каждый въ отдѣльности памятуя, что быть можетъ мимо идетъ его чаша общая, присоединились къ народу, прося митрополита отправиться къ царю съ моленіемъ:

«Пусть царь казнитъ лиходѣевъ. Въ животѣ и смерти его воля,—но царство да не остается безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный, иного не вѣдаетъ. Мы всѣ съ своими головами ѣдемъ съ тобою бить челомъ государю и плакаться».

А народъ кричалъ:

«Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ,—мы сами истребимъ ихъ»!

Къ царю послали посольство. Поѣхали: архіереи, архимандриты, вельможи, князья, бояре,

окольничіе, дворяне, приказные люди, гости, купцы и мѣщане—бить челомъ государю и плакаться.

Царь добился того, что вся земля русская выдавала ему не только князей и бояръ, не только всю самую себя,—но и предлагала своими руками уничтожить всѣхъ его нелюбимцевъ. Последнее было впрочемъ напрасно, ибо царю не малое удовольствие доставляло собственноручное истязаніе своихъ вѣрноподданныхъ.

Не смотря на то, что посольство было болѣе, чѣмъ почетное, его, однако, не сразу пустили къ царю. Въ Слутинѣ епископы останвились и просили разрѣшенія у царя предстать предъ его ясныя очи. Царь позволилъ и святители, въ сопровожденіи приставовъ, прибыли въ Александровскую слободу.

Передавъ царю благословеніе митрополита, епископы слезно молили его снять опалу съ духовенства, дворянъ и приказныхъ людей,—не оставлять государства,—царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно. Молили епископы царя и о томъ, дабы онъ дозволилъ предстать и боярамъ предъ его ясныя очи.

Царь снизошелъ и къ боярамъ. Явились и бояре и, разумѣется, вели ту же рѣчь.

На рѣчи, подумавъ, царь отвѣчалъ.

— Съ давнихъ временъ и даже до настоящихъ лѣтъ, русскіе люди были мятежны нашимъ пред-

камъ, начиная отъ славной памяти Владиміра Мономаха, пролили много крови нашей, хотѣли истребить достославный благословенный родъ нашъ. По кончинѣ блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мнѣ, вашему законному наслѣднику, желая поставить себѣ иного государя, и до сихъ поръ я вижу измѣну своими глазами... Не только съ польскимъ королемъ, но и съ турками и съ крымскимъ ханомъ входятъ въ соумышленіе, чтобы насъ погубить и истребить. Извели нашу кроткую и благочестивую супругу, Анастасію Романовну,—и если бы Богъ насъ не охранилъ, открывая ихъ замыслы, то извели бы они и насъ съ нашими дѣтьми. *Того ради, избѣгая зла, мы поневолѣ должны были удалиться изъ Москвы, выбравъ себѣ иное жилище и опричныхъ совѣтниковъ и людей....*

Въ этихъ словахъ слишкомъ явно выступаетъ причина бѣгства изъ Москвы: бредъ преслѣдованія въ довольно рѣзко выраженной формѣ, Іоаннъ мѣняетъ мѣсто жительства, Іоаннъ мѣняетъ и опричныхъ совѣтниковъ и людей... «Но для отца моего, Митрополита. Аѳонасія, для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь вновь взять свои государства,—а на какихъ условіяхъ—вы узнаете»...

Условія же сіи состояли въ томъ, что Іоаннъ окружитъ себя особо выбранными «опричными»

людьми, которымъ бы онъ могъ довѣрять и при посредствѣ коихъ могъ бы истреблять своихъ лихо-дѣевъ, выводить измѣну изъ государства и невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, *«безъ всякаго стужанія, безъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства»*.

Вельможи и духовенство со слезами на глазахъ благодарили Іоанна за неизрѣченную милость—пер-вые за то, что отнынѣ они всѣ обречены на по-головное избіеніе, а вторые за то, что лишены были своего высокаго и неотъемлемаго нравствен-наго права—ходатайствовать предъ престоломъ за невинныхъ и не справедливо осуждаемыхъ слугъ престола и отечества. Теперь духовенство могло только слезами орошать алтари и возсылать теп-лые молитвы къ Господу о спасеніи несчастныхъ безвинно-погибающихъ.

3 февраля 1565 года Іоаннъ явился въ Москву и держалъ рѣчь знатнѣйшимъ представителямъ земли русской. Вновь и вновь онъ излагалъ вины бояръ и указывалъ на необходимость энергичныхъ мѣръ къ истребленію крамолы для удержанія спо-койствія подвластной ему державы.

При этомъ Іоаннъ повѣдалъ совершенно нежи-данныя и необыкновенныя рѣчи, являющіяся пря-мымъ и естественно-логичнымъ выводомъ изъ его болѣзненныхъ мыслей о преслѣдованіи. Все рус-ское государство отнынѣ дѣлится на двѣ части:

на *опричну* и *земщину*. Опрична—это его присные, особо избранные люди, имѣющіе особое исключительное назначеніе охранять его отъ его враговъ и лиходѣевъ,—опрична—это его дворъ, его свита, его тѣлохранители. Земщина—это все остальное государство. Во главѣ опричны стоялъ онъ самъ, во главѣ земщины стояли бояре Бѣльскій и Мстиславскій.

Кремль отнынѣ Іоаннъ не считаетъ для себя безопаснымъ. Онъ велитъ себѣ строить новый дворецъ за Неглинной и ограждаетъ его, подобно крѣпости, рвами и высокими стѣнами.

Всѣ государственныя дѣла были поручены усмотрѣнію земскихъ бояръ и только по важнымъ изъ нихъ, земскіе бояре могли дѣлать доклады Іоанну.

Самъ же Іоаннъ занялся устройствомъ охраны своей опричны и изведеніемъ своихъ лиходѣевъ.

Не можемъ не упомянуть о томъ, что въ этотъ моментъ произошли рѣзкія перемѣны во внѣшнемъ видѣ Іоанна. Прежде высокій, стройный, крѣпкій, мощный и цвѣтушій, онъ рѣзко измѣнился. Теперь онъ неузнаваемо постарѣлъ, подряхлѣлъ и осунулся. На лицѣ выразилась мрачная свирѣпость. Взглядъ угасть; *а на головѣ и бородѣ не осталось почти ни одного волоса.* Такую необыкновенную перемѣну историки приписываютъ тѣмъ тяжкимъ нравственнымъ страданіямъ, которыя Іоаннъ переживалъ въ эти ми-

нуты. Но мнѣ болѣе вѣроятнымъ кажется предположеніе Костомарова, что такой перемѣнѣ въ его организмѣ много содѣйствовала его развратная жизнь и неумѣренность во всѣхъ чувственныхъ наслажденіяхъ. Принимая во вниманіе его предсмертную болѣзнь, невольно напрашивается предположеніе, что въ данномъ случаѣ имѣли вліяніе не только нравственная разнузданность, содомскій грѣхъ, безсонныя ночи, разгулъ и развратъ, но и послѣдствія всѣхъ сихъ дѣяній съ сопряженными съ ними болѣзнями.

Все это вмѣстѣ взятое можетъ не только укрѣпить и развитъ хранящіяся въ организмѣ задатки душевной болѣзни, но и создать новую въ организмѣ до того крѣпкомъ, мощномъ и неподверженномъ путемъ наслѣдственности заболѣванію и вырожденію.

Опричники набирались лицами, приближенными къ царю и его довѣренными, каковы были: Басмановы, Малюта Скуратовъ, Вяземскій и друг.; выбиралъ же опричниковъ самъ Іоаннъ. Для этого годились молодые люди, отличавшіеся удалствомъ, распутствомъ и готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы объ ихъ происхожденіи, друзьяхъ и покровителяхъ. Одно изъ важныхъ условій поступленія въ опричну—отсутствіе всякой связи съ боярами. Незвѣстность и самая низость происхождения считались достоинствомъ. Сначала пред-

полагалось, что опричниковъ должно быть только 1000, но за тѣмъ это число разрослось до 6000. Опричники набирались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. На ихъ содержаніе шло имущество, отобранное у земщины и осужденныхъ бояръ. Кромѣ того имъ раздавались помѣстья и вотчины людей земщины, которымъ нынѣ приходилось покидать свои пепелища. Благосостояніе опричны стояло въ обратномъ отношеніи съ благосостояніемъ земщины. У земщины отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество. Случалось и такъ, что ихъ въ зимнее время выслали пѣшкомъ въ пустыя земли. Такихъ несчастныхъ было болѣе 12000 семействъ.

Новые землевладѣльцы, опричники, опираясь на особую милость царя, позволяли себѣ всякія беззаконія и произволъ надъ крестьянами, обрабатывавшими ихъ землю, и доводили ихъ до такой бѣдности и разора, какъ бы на этомъ мѣстѣ прошла непріятельская армія.

Назначеніе опричны было охранять царя отъ его лиходѣевъ. Поэтому лица, вступающія въ опричну, давали царю особую присягу. При этомъ они обязывались не только доносить царю обо всемъ, что они услышатъ о немъ дурного, но и не имѣть никакого дружескаго сообщенія съ земщиной, — не ѣсть и не пить съ земскими людьми, не знать ни отца, ни матери, — знать же един-

ственно только государя. Имъ, по словамъ лѣтописца, вѣнялось даже въ обязанность насилловать и предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ имущество.

При такомъ положеніи дѣла, какія дѣянія насилія, грабежа, позора, безчестья и произвола покажутся для насъ удивительными. Земщина была отдана на съѣденіе опричны. Судъ между земскимъ обывателемъ и опричникомъ былъ скорый, хотя неправый, ибо никто не смѣлъ осудить опричника. Земщина теряла свои земли и имущества, жены и дѣти ея шли въ кабалу, а сами они въ холопы. Благодаря этой новой охранѣ, какъ картинно выражается по этому поводу проф. К. Н. Ярошъ¹⁾, «кровь брызнула повсюду фонтанами и вѣси огласились стономъ».

Чтобы быть угоднымъ царю, опричникъ долженъ быть свирѣпымъ и безсердечнымъ къ земщинѣ. Всякому доносу опричника давалась вѣра. Всякое проявленіе состраданія со стороны опричника къ земщинѣ считалось царемъ преступленіемъ, наказуемымъ отнятіемъ помѣстья, пожизненнымъ заключеніемъ и даже смертью. Обидѣть опричника—значило совершить уголовное преступленіе, наказуемое смертью. Опричникъ былъ господинъ,—земщина безправные рабы. Если въ та-

¹⁾ Проф. К. Н. Ярошъ, Параллели, 1892, р. 46.

комъ положеніи находился земскій имущій классъ, то въ еще горшемъ состояніи были крестьяне.

Вмѣстѣ съ опричной царь при дворѣ завелъ новыя должности: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ и ремесленниковъ. На содержаніе двора онъ отвелъ извѣстные города царства. Въ самой Москвѣ онъ отдѣлилъ извѣстныя части города для себя, — остальное же составляло владѣнія земщины.

Наконецъ царь взялъ съ земщины контрибуцію въ 100000 рублей.

Такова была воля царя, которому отдавало себя головою государство, — и кто осмѣлился бы возразить противъ этого!...

Такъ возвратившись вновь въ свои государства и избавившись отъ докучныхъ заступничествъ духовенства за несправедно истязаемыхъ бояръ, Иоаннъ принялся за новое искорененіе своихъ лиходѣевъ, и за казнь бояръ.

Казнили мнимыхъ сообщниковъ измѣнника Андрея Курбскаго и первымъ въ этомъ отношеніи палъ воевода Горбатовъ-Шуйскій съ своимъ сыномъ. За сими послѣдовали на казнь шурины Горбатаго, Петръ Ховринъ, окольничій Головинъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ и князь Горенскій, — а князь Шевыревъ посаженъ на колъ. Бояръ Куракина и Нѣмаго постригли въ монахи, — у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣ-

ніе, — другихъ съ семействами сослали въ Казань. Близкій родственникъ царицы Анастасіи, бояринъ Яковлевъ, также подвергся опалѣ, но его царь помиловалъ, взявъ клятвенную грамоту, подписанную архіереями, что онъ не уйдетъ изъ Россіи ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ князю Владиміру Андреевичу, — а равно не будетъ состоять съ ними и въ тайныхъ сношеніяхъ.

Бояре Левъ Салтыковъ, Василій Серебрянный, Иванъ Охлябининъ, Захарій Плещеевъ должны были представить ручательство въ неизмѣнной службѣ царю, при чемъ поручители отвѣчали большими суммами денегъ.

Изъявивъ свою волю, на которой онъ оставался царемъ, расправившись съ лиходѣями и сдѣлавъ распоряженія относительно постройки новаго дворца, Іоаннъ отбылъ въ Александровское село, ставшее отнынѣ его любимымъ мѣстопребываніемъ.

Александровская слобода представляла собою городокъ. Въ ней было много церквей, красивыхъ домовъ и каменныхъ лавокъ. Храмъ Богоматери блисталъ снаружи серебромъ и золотомъ, — на каждомъ кирпичѣ было изображеніе креста.

Царь жилъ въ особыхъ хоромахъ, обнесенныхъ рвомъ и валомъ. Его свита помѣщалась въ особыхъ домахъ. Опричники жили въ своей улицѣ, —

*

купцы—въ своей. Александровская слобода окружена была стражей и никто не смѣлъ проникнуть туда безъ вѣдома и разрѣшенія царя.

Терзаемый подозрѣніемъ, бредомъ преслѣдованія и тѣсно связанными съ ними болѣзненными образами своей фантазіи и воображенія, Іоаннъ искалъ утѣшенія своимъ мукамъ въ религіозной обрядности. Всю свою жизнь и обстановку онъ расположилъ соотвѣтственно своему болѣзненно-религіозному настроенію. Самый свой дворецъ онъ обратилъ въ монастырь, опричниковъ въ монаховъ, а себя произвелъ въ игумены. Игуменъ окружилъ себя братією изъ самыхъ злѣйшихъ опричниковъ въ 300 человекъ. Вяземскаго онъ сдѣлалъ келаремъ, Малюту Скуратова параклисархомъ. Всю эту братію Іоаннъ одѣлъ въ тафьи или скуфейки и черныя рясы, подъ коими были прикрыты расшитые золотомъ блестящіе кафтаны съ собольей опушкой. У сѣделъ этой братіи, при царскихъ выѣздахъ по государству, висѣли метла и собачьи головы, какъ символъ того, что они призваны мести Россію отъ сора и грызть царскихъ лиходѣевъ.

Іоаннъ далъ этой братіи, съ монашескимъ платьемъ и звѣриными сердцами, особый монастырскій уставъ. Жизнь въ Александровской слободѣ располагалась такъ: въ четвертомъ часу утра царь съ царевичами и Малютою Скуратовымъ ходилъ

на колокольною благовѣстити къ заутренѣ. Чернецы спѣшили въ церковь. Кто не являлся—бывалъ наказанъ осмидневнымъ заключеніемъ. Служба шла до шести-семи часовъ утра. Царь пѣлъ, читалъ и молился столь ревностно, что на его лѣу оставались слѣды его поклоновъ. Въ 8 час. обѣдня. Въ 10 часовъ трапеза, за которою Іоаннъ читалъ назидательныя творенія. Всѣ ѣли и пили досыта. Послѣднимъ обѣдалъ царь-игумень. Послѣ обѣда царь или велѣлъ съ любимцами душеспасительныя бесѣды о законѣ, или же ѣхалъ въ застѣнки пытатъ какую-нибудь свою жертву. Повидимому это послѣднее дѣйствовало на него особенно освѣжающе и ободряюще: послѣ этого онъ былъ веселъ, шутилъ и былъ ласковѣй. Въ 8 час. вечерня. Въ десятомъ часу онъ шелъ спать, при чемъ трое слѣпыхъ сказывали ему сказки. Въ полночь онъ просыпался и день начинался молитвою. Нерѣдко во время слушанія божественной литургіи онъ давалъ самыя жестокія и безчеловѣчныя приказанія. Такимъ образомъ, царь жилъ между алтаремъ и застѣнками, съ совершителями безкровной жертвы и исполнителями безчеловѣчныхъ и кровожадныхъ приказаній, часто онъ былъ одновременно и игумень и палачъ. Такое сочетаніе можетъ давать только душевная болѣзнь.

Безпокойный, непостоянный и суетливый царь, вѣчно пребывающій въ тревогѣ и волненіи, онъ

часто прерывалъ эту жизнь отъѣздами въ монастыри, на охоту на дикихъ звѣрей и на травлю своихъ подданныхъ въ Москвѣ и другихъ городахъ.

Такая смѣсь аскетизма и строгой религіозности и кровожаднаго звѣрства дополнялась безнравственной половой необузданностью. Такъ, царь часто приказывалъ силою приводить къ себѣ чужихъ женъ, обезчестивъ которыхъ, отдавалъ на поруганіе опричникамъ, а за тѣмъ возвращалъ мужьямъ. Иногда опасаясь, чтобы мужъ не вздумалъ мстить за это безобразіе, царь приказывалъ мужей умерщвлять; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не брезгалъ и издѣвательствами надъ опозоренными мужьями. Такъ, передаютъ, что въ одномъ случаѣ Іоаннъ приказалъ изнасилованную жену повѣсить надъ порогомъ дома мужа и оставить трупъ въ такомъ положеніи двѣ недѣли,—въ другой же разъ повѣшена была жена надъ обѣденнымъ столомъ своего мужа....

Желая провѣрить вѣрность своихъ бояръ, Іоаннъ не брезгалъ посылать имъ подложныя письма отъ имени польскаго царя. Такъ были посланы письма князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему Федорову. Бояре представили эти письма царю, присовокупивъ проклятія противъ Сигизмунда. Бояре были помилованы.

Но конюшаго Федорова царь захотѣлъ извести, измысливъ въ своемъ больномъ воображеніи на

него обвиненіе въ томъ, что онъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ. Поэтому царь позвалъ конюшаго къ себѣ, приказалъ нарядиться въ царское одѣяніе и посадилъ на престолъ. За симъ онъ началъ кланяться ему въ землю и говорить: «здравъ буди, государь всея Руси! Вотъ ты получилъ то, чего желалъ. Я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя».... Съ этими словами царь вонзилъ ножъ въ сердце боярина. Тѣло убитаго Федорова выбросили на сѣденіе собакамъ, а престарѣлую жену его приказано умертвить. Вслѣдъ за симъ были, по приказанію Іоанна, замучены единомышленники казеннаго: князь Куракинъ-Булгаковъ, Дмитрій Ряполовскій, три князя Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Турунтай-Пронскій, Тютинъ, Казаринъ-Дубровскій и многіе другіе. Опричники, вооруженные длинными ножами и сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ и убивали всенародно ежедневно 10 — 20 жертвъ. Трупы валялись на площадяхъ и никто не смѣлъ ихъ трогать. Граждане боялись выходить изъ домовъ. По приказанію того же царя, его охрана захватывала женъ опальныхъ людей, — нѣкоторыхъ изъ нихъ проводила къ царю, другихъ сама безчестила, — врывалась въ ихъ отчины, жгла дома, мучила и умерщвляла крестьянъ, раздѣвала донага дѣвушекъ, въ поруганіе заставляла ихъ ло-

вить куръ и за тѣмъ разстрѣливала. Но были многія и такія женщины, которыя не могли пережить своего безчестья и сами лишали себя жизни.

Что же представляла собою земщина? Несчастную беззащитную жертву, обреченную на пытки, истязанія и растерзаніе царя и его опричны. Дѣло было поставлено такъ, что земщина существовала самостоятельно и почти независимо отъ Іоанна. Только по важнымъ дѣламъ доклады производились Іоанну, — во всемъ же остальномъ она имѣла независимость. Во главѣ земщины стояли бояре и выборные люди, которые, якобы, и управляли государствомъ. На самомъ же дѣлѣ все это была фикція. Все и во всемъ подчинялось и трепетало предъ державнымъ. Чтобы еще больше увеличить обособленность земщины и опричны, государства и государева, Іоанну благоугодно было назначить для земщины даже особаго кардоннаго государя. Такимъ государемъ назначенъ былъ казанскій царевичъ Семенъ Бекбулатовичъ. Этому самодержцу Іоаннъ лично писалъ челобитныя, гдѣ унижено называлъ себя и дѣтей уменьшенными именами. Вотъ одна изъ таковыхъ челобитныхъ, писанная 30 октября 1575 г.

«Великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руси сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ московскій и дѣти его князь Иванъ и князь Феодоръ Ивановичи московскіе, а въ челобитной

пишемъ: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всеа Руси Иванецъ Васильевъ ссвоими дѣтишками сыванцомъ да съ Ѳеодорцомъ челомъ бьемъ: чтобъ еси государь милость показалъ, ослободилъ людишекъ перебратъ бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ»....

Это Іоаннъ Грозный пишетъ какому-то Семіону Бекбулатовичу.... Невольно напоминаетъ опереточный фарсъ игры въ кошку и мышку. ..

Царь сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича государемъ всея Россіи, съ титуломъ великаго князя. Самъ назывался Иваномъ московскимъ и ходилъ какъ простой бояринъ «весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, саживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами», говоритъ лѣтопись. Но, наружно унижаясь предъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, власть-то Іоаннъ оставилъ при себѣ. Онъ снялъ съ себя только царскую одежду и, навѣсивъ на Бекбулатовича, какъ на вѣшалку, всѣ внѣшніе признаки царскаго величія, оставилъ при себѣ все могущество власти.

Черезъ два года Іоаннъ низложилъ однако этого самодержца и сослалъ его въ Тверь....

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю странность, непонятность и трагикомичность подобнаго созданія, ясно видно, что на этотъ счетъ въ головѣ

Иоанна что-то было, хотя это нѣчто не вылилось въ ясной и опредѣленной формѣ, ибо Краузе и Таубе передаютъ, что Іоаннъ хотѣлъ, чтобы послѣ его смерти старшій сынъ наслѣдовалъ земщину, а младшій опричну.

Изъ всего этого явствуетъ, что земщина была совершенно обезличена, безвластна и безгласна. Надъ ней можно было производить какіе угодно опыты и испытанія, безъ того, чтобы кто осмѣлился пикнуть.

Оставалось одно духовенство. Но и оно было безгласно и безмолвно.

Не имѣя возможности предстательствовать предъ царемъ за невинныя жертвы, митрополитъ Аѳонасій отказался отъ своего святительскаго сана и удалился въ Чудовъ монастырь.

На мѣсто Аѳонасія Іоаннъ захотѣлъ возвести казанскаго архіепископа Германа, человѣка благочестиваго, строгой жизни и правдиваго. Но Германъ поставилъ условіемъ, чтобы царь прекратилъ казни и уничтожилъ опричну.

— А, ты еще не митрополитъ, а уже вяжешь меня, — воскликнулъ Іоаннъ, — и Германъ былъ уничтоженъ.

Невольно припоминаются слова Юрія Самарина¹⁾. «Этотъ царь торжественно подтверждалъ суды

¹⁾ Юрій Самаринъ, Сочиненія, т. V, стр. 205.

святительскіе, запрещалъ мирянамъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, и между тѣмъ произвольно, безъ всякаго суда, свергалъ и возводилъ святителей; проповѣдывалъ уваженіе къ духовнымъ лицамъ, называлъ ихъ учителями, наставниками и лишалъ ихъ права ходатайства и за смѣлое обличеніе предалъ митрополита Филиппа мучительной смерти...»

Устранивъ Германа, Іоаннъ пожелалъ возвести въ этотъ санъ игумена Соловецкаго монастыря Филиппа. Филиппъ съ искренними слезами умолялъ Іоанна не ввѣрять ему сего бремени, — но царь стоялъ на своемъ. Тогда Филиппъ предложилъ условія:

— Повинуюсь твоей волѣ, но умири же совѣсть мою, — да не будетъ опричны, да будетъ единая Россія, ибо всякое раздѣлившееся царство запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества.

На это Іоаннъ смиренно отвѣчалъ:

«Развѣ ты не знаешь, что меня хотятъ поглотить, что ближніе мои готовятъ мнѣ гибель!»

Филиппъ оставался непоколебимъ; но и царь стоялъ на своемъ. Тогда Филиппъ, послѣ долгаго обдумыванія и совѣщаній, согласился принять святительскій санъ.

Наступило нѣкоторое время мира и тишины въ государствѣ. Царь былъ сдержанъ и не позво-

лялъ опричнѣ злодѣйствовать. Это затишье было однако не въ духѣ опричны, да и не могло долго держаться рядомъ съ бредомъ подозрительности и преслѣдованія больного царя. Опричники одо-
лѣвали царя доносами и жалобами, а царь тер-
зался въ своей душѣ тревогой и опасеніями. На-
чались новыя преслѣдованія и обвиненія. Явились
новыя невинныя жертвы.

Самъ царь, обдумывая вступленіе митрополита, началъ относиться къ нему подозрительно, видя въ немъ созданіе бояръ и подозрѣвая, что онъ дѣйствовалъ за одно съ ними и по ихъ наущенію.

Между тѣмъ и митрополитъ, оставивъ въ сто-
ронѣ опричну, считалъ себя обязаннымъ заступитъ-
ся предъ царемъ за невинныя жертвы царскаго
гнѣва и злодѣйства его приближенныхъ. Царь оправ-
дывалъ себя тѣмъ, что его окружаютъ злѣйшіе вра-
ги. Филиппъ продолжалъ защищать безвинныхъ.

— Молчи отче, молчи, — говорилъ Іоаннъ, — и
благословляй насъ.

«Наше молчаніе ведетъ тебя ко грѣху и все-
народной гибели. Господь заповѣдалъ намъ душу
свою полагать за други своя».

— Не прекословь державѣ нашей, а не то гнѣвъ
мой постигнетъ тебя, или оставъ свой санъ.

«Я не просилъ тебя о санѣ. Я не посылаю
къ тебѣ ходатаевъ и никого не подкупалъ. За-
чѣмъ самъ взялъ меня изъ пустыни? Если осмѣ-

ливаешься поступать противъ закона, то дѣлай какъ хочешь, а я не буду слабѣть, когда приходитъ время подвига».

Такъ создавалась бездна между царемъ и митрополитомъ. Было слишкомъ очевидно, что митрополиту не сдобровать. Вскорѣ это оправдалось.

Однажды въ воскресный день митрополитъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ. Явился царь. Царь и опричники были въ черныхъ мантияхъ и высокихъ тафіяхъ. Іоаннъ приблизился къ митрополиту и ждалъ благословенія. Митрополитъ упорно смотрѣлъ на Образъ Спасителя, не обращая вниманія на царя. Тогда бояре сказали митрополиту:

— Святый Владыко, се государь, — благослови его!

«Въ семь видѣ, въ семь одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго, — отвѣтствовалъ митрополитъ. Не узнаю его и въ дѣлахъ царства... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, невидано и не слыхано, чтобы цари благочестивые столь ужасно возмущали собственную державу. Въ самыхъ языческихъ царствахъ есть законъ и правда и есть милосердіе къ людямъ, — а въ Россіи ихъ нѣтъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, — и все это совершается именемъ царя.... Ты высокъ на тронѣ.

Но есть Всевышній Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, — обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Самые камни подъ ногами твоими вопіють о мести!... Государь, вѣщаю тебѣ о семъ яко пастырь душъ. Боюся Господа Единого!»....

Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва.

Ударивъ жезломъ о камень, онъ дико закрывалъ:

— Чернецъ, доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ! Отнынѣ буду такимъ, какимъ меня нарицаете. Сказавъ это, царь удалился изъ церкви.

На другой день начались новыя казни. Всѣхъ сановниковъ митрополита взяли подъ стражу, терзали, допрашивали и ничего не узнали.

На самого митрополита царь не рѣшался однако наложить свою руку. Трусливый по природѣ, онъ пока его терпѣлъ.

Въ іюлѣ 1568 г., въ полночь, царскіе любимцы, Вяземскій, Малюта Скуратовъ и Василій Грязной совмѣстно съ опричной ворвались въ дома знатныхъ людей, у которыхъ были красивыя жены, похитили ихъ женъ и увезли ихъ изъ города. По ихъ слѣдамъ, съ восходомъ солнца, выѣхалъ и Іоаннъ. На первомъ же ночлегѣ ему доставили похищенныхъ женщинъ. Лучшія были оставлены Іоанну, остальные достались приближеннымъ. Между тѣмъ царь продолжалъ объѣзжать Москву, жегъ усадьбы опальныхъ людей,

казнилъ ихъ людей и уничтожалъ даже самый скотъ. Наконецъ, вдоволь насытившись, онъ приказалъ опозоренныхъ женщинъ возвратитъ на мѣсто жительства.

28 июля 1568 г. произошло послѣднее столкновение между Іоанномъ и митрополитомъ Филипомъ. Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ Монастырѣ. Былъ храмовой праздникъ. Іоаннъ явился съ толпой пьяныхъ опричниковъ. Во время служенія митрополитъ замѣтилъ, что одинъ изъ опричниковъ былъ въ тафѣ. Обратившись къ царю, митрополитъ сказалъ:

— Царь, развѣ приличествуетъ благочестивому держать агарянской законъ?

«Какъ, кто, что?—завопилъ царь.

— Одинъ изъ ополченія твоего изъ лика сатанинска.

Между тѣмъ опричникъ поспѣшилъ тафю схватить и скрытъ.

Царю донесли, что это вымыселъ митрополита. Царь ушелъ возмущенный и рѣшилъ судить митрополита. Не нужно добавлять, что судъ былъ съ пристрастіемъ. Святителя судили и осудили.

Въ день Архангела Михаила Митрополитъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ. Митрополитъ стоялъ въ полномъ святительскомъ облаченіи. Вдругъ явился Басмановъ съ опричниками. Служеніе приостановилось. Басмановъ читаетъ приговоръ со-

бора, лишаящій митрополита пастырскаго сана. Въ это время опричники врываются въ алтарь, срываютъ съ митрополита митру и одѣянія, одѣваютъ на него изодранную рясу и выводятъ изъ церкви, заметая слѣдъ метлами. Святителя сажаютъ на дровни и везутъ въ Богоявленскій монастырь. Народъ бѣжитъ слѣдомъ и горько плачетъ, получая святительское благословеніе, — а опричники кричатъ, богохульствуютъ и бьютъ митрополита своими метлами.

«Молитесь, дѣти, молитесь за царя», — напутствовалъ архипастырь свою паству.

Филиппа въ колодахъ и кандалахъ увезли въ монастырь св. Николая и морили тамъ его голодомъ. Говорятъ, что царь приказалъ казнить племянника митрополита и, отрубивъ голову, послать ее митрополиту; а за тѣмъ казнилъ и другихъ родственниковъ митрополита, Калачевыхъ. Наконецъ Филиппъ водворенъ былъ въ Отрочъ монастырь въ Твери, гдѣ его собственноручно удушилъ Малюта Скуратовъ.

Сбывъ безпокойнаго митрополита, Іоаннъ захотѣлъ отдѣлаться еще отъ одного непріятнаго человѣка. Въ лицѣ князя Владиміра Андреевича Іоаннъ видѣлъ человѣка, на котораго недовольные могутъ взирать, какъ на замѣстителя царя. Такой человѣкъ для Іоанна и неудобенъ и даже опасенъ. Явился доносъ, что Владиміръ Андрее-

вичъ намѣренъ передаться Сигизмунду. Царь заманулъ его въ Александровскую слободку и умертвилъ князя и жену его. Вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ приказалъ утопить мать Владиміра Андреевича монахиню Евдокію, а также и инокиню Александру, жену брата Іоанна, Юрія, — инокиню Марію и съ ними еще двѣнадцать человѣкъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Жажда крови усилилась въ Іоаннѣ. Его разсудокъ все болѣе и болѣе затемнялся (Костомаровъ). Въ сентябрѣ 1549 г. умерла вторая жена его, Марія Темрюковна. Іоанну вообразилось, что и она отравлена, подобно Анастасіи. Постоянный ужасъ и каждоминутная боязнь за свою жизнь все болѣе и болѣе овладѣвали царемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что вокругъ него множество враговъ и измѣнниковъ, — а отыскать ихъ онъ не въ силахъ. Онъ готовъ былъ то истреблять поголовно чуть не весь русскій народъ, — то бѣжать отъ него въ чужіе края. Уже и своимъ опричникамъ онъ не вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что Басмановы и Вяземскіе и братія ихъ овладѣли имъ не хуже Сильвестра и Адашева. Онъ ихъ ненавидѣлъ и уже близко былъ и ихъ конецъ. Въ это время Іоаннъ приблизилъ къ себѣ лѣкаря Бомелія. Хитрый голландецъ поддерживалъ въ Іоаннѣ страхъ астрологическими суевѣріями, предрекая бунты и измѣны. Онъ же внушилъ Іоанну мысль — искать у

англійской королевы Елизаветы пристанища, на случай бѣгства изъ Россіи во время бунта и мятежа. Іоаннъ писалъ Елизаветѣ, что измѣнники составляютъ, противъ него заговоры, злоумышляютъ съ его врагами и хотятъ истребить его со всѣмъ семействомъ. На эту просьбу Елизавета отвѣчала полной готовностью служить Іоанну.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго въ швеціи царствовалъ король Эрикъ. Это былъ также душевно-больной человѣкъ и по своимъ звѣрствамъ и безразсуднымъ поступкамъ во многомъ походилъ на Іоанна. Екатерина, сестра Сигизмунда, на которой хотѣлъ жениться Іоаннъ, впослѣдствіи вышла за герцога финляндскаго, сына Густава Вазы, Іоанна. Эрикъ, воспользовавшись случаемъ, схватилъ Іоанна финляндскаго и заключилъ его въ темницу. Екатерина была также въ рукахъ Эрика. Іоаннъ Грозный заключилъ союзъ съ Эрикомъ, но однимъ изъ важныхъ условій онъ поставилъ выдачу Екатерины. Эрикъ согласился. Но этотъ договоръ былъ настолько возмутителенъ, что Совѣтники Королевской Думы не исполнили заключеннаго условія,—да и самъ Эрикъ скоро былъ свергнутъ съ престола.

Опозоривъ и устранивъ святителя, державшаго предстать предъ царемъ съ обличеніемъ въ неправильномъ управленіи государствомъ,—устранивъ князя, могущаго при нѣкоторыхъ неблагопріят-

ныхъ условіяхъ быть ему замѣстителемъ,—истребивъ всѣхъ бояръ, имѣвшихъ за собою тѣ или другія доблести,—умертивъ даже своихъ родныхъ инокинъ,—Іоаннъ не можетъ уже утолить своей кровавой жажды казнію десятковъ и сотенъ людей, а задумываетъ стереть съ лица земли цѣлые города. Предпринимается неслыханное и непонятное для обыкновеннаго человѣческаго ума дѣло. Владѣтельный князь и царь предпринимаетъ походъ и истребленіе своихъ владѣній, которыя не только живутъ мирно, но и являются образцовыми вѣрноподданными. Поводовъ для этого и не нужно. Достаточно, чтобы въ больномъ умѣ царя возникла какая-нибудь сумасбродная мысль, чтобы Іоаннъ привелъ ее въ исполненіе.

Можно думать, что мысль о разгромленіи Новгорода возникла у Іоанна такимъ способомъ. Новгородъ, являясь частью московскаго княжества, пользовался однако кое-какими самыми ничтожными правами, льготами и преимуществами. Подобная призрачная самостоятельность Новгорода, никогда и никому ни въ чемъ не мѣшавшая, не вязалась съ больными мыслями Іоанна о преслѣдованіи и величіи и состояніемъ подозрительности. Не щадя ни святителей, ни иноковъ, ни родныхъ, ни людей знатныхъ и заслуженныхъ,—Іоаннъ не могъ терпѣть Вольный городъ—Новгородъ. Уже одна мысль, что это былъ Вольный городъ была

*

достаточнымъ основаніемъ для воли Іоанна, чтобы стереть его съ лица земли. И онъ его стеръ.

Іоаннъ придрался къ самому дикому и подлому доносу о заговорѣ знатныхъ новгородцевъ передаться польскому королю. Поэтому въ 1569 году Іоаннъ рѣшилъ походъ на Новгородъ—войною. Съ этою цѣлью онъ сталъ во главѣ опричниковъ и остального войска. Передовымъ отрядомъ командовалъ наслѣдникъ престола, Іоаннъ, столь же дикій и кровожадный, какъ и его отецъ. Ошибочно однако думать, что война предпринималась только противъ новгородцевъ и находящихся въ одинаковомъ положеніи съ ними псковцевъ. Вся полоса земли отъ Москвы и до Новгорода была предана огню и мечу.

Первымъ на пути въ походѣ на Новгородъ стоялъ Клинь. Опричники, налетѣвъ на этотъ городъ, разорили его и сожгли, имущество жителей подвергли грабежу, а самихъ жителей убивали. Несчастные жители Клина, не знавшіе за собою никакой вины и никогда не ожидавшіе иного нашествія, какъ только иноплеменныхъ, бѣжали кто куда могъ, оставивъ имущество и жизнь больныхъ, дряхлыхъ и слабыхъ на утоленіе жажды жестокаго врага.

Насытившись вдоволь уничтоженіемъ Клина, армія двинулась на Тверь, подвергну той же участи уничтоженія и разоренія Городню и другія мѣ-

ста, чрезъ которыя проходили. Жители сихъ поселеній выходили встрѣчать своего царя - отца съ хлѣбомъ и солью и воспріяли поруганіе и смерть. Не желая, чтобы тверитяне или новгородцы были предувѣдомлены о его пришествіи и нашествіи, Іоаннъ приказалъ убивать всѣхъ, кто будетъ встрѣчаться на пути, дабы они не могли предупредить жителей о его прибытіи.

Достигши Твери, Іоаннъ приказалъ войску окружить городъ со всѣхъ сторонъ, дабы никто не могъ уйти. Въ этотъ-то походъ былъ собственно-ручно удушенъ Малютою Скуратовымъ митрополитъ Филиппъ, заключенный въ Отрочемъ монастырѣ.

Подъ Тверью войска стояли шесть дней, причемъ самъ Іоаннъ расположился въ одномъ изъ окрестныхъ монастырей. Грабежъ начался съ дома и имущества епископа и затѣмъ перешелъ на духовенство. Граждане думали, что этимъ дѣло и закончится; но думы эти были ошибочны. Черезъ два дня, по приказанію царя, опричники бросились въ городъ и предали его неистовому грабежу. Они бѣгали изъ дому въ домъ, что могли стащить—тащили, чего не могли взять—ломали и портили. Такъ они ломали мебель, били окна, рубили ворота; воскъ, ленъ и кожи свозили въ кучи и затѣмъ сжигали. Разоривъ и уничтоживъ такъ городъ, опричники опять ушли на свои мѣста, а

жители думали, что имъ оставили хотя жизнь. Но и это была горькая ошибка. Въ темницахъ Твери содержались многіе литовскіе и нѣмецкіе плѣнные. По приказанію царя, ихъ тащатъ на берегъ Волги, разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ. А опричники накидываются на несчастныхъ жителей. Они бьютъ кого попало и предають истязаніямъ и мученіямъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей жгутъ огнемъ, рвутъ клещами и вѣшаютъ,—достаточно же насытившись, мертвыхъ бросаютъ въ Волгу.

Удовольнивъ себя, Іоаннъ свирѣпствуетъ въ Мѣдномъ и направляется на Торжокъ. Здѣсь также произведены были убійства какъ мирныхъ жителей, такъ и плѣнныхъ нѣмцевъ и татаръ. При казни послѣднихъ, озлобленные и пришедшіе въ отчаяніе мурзы бросились на Іоанна и его приближенныхъ; Малюта Скуратовъ былъ раненъ,—Іоаннъ же избавился отъ опасности.

За Торжкомъ подверглись разоренію, разграбленію и казнямъ Вышній Волочекъ, Валдай, Яжелбицы, Выдропускъ, Хотилово, Едрово, Крестцы, Зайцево, Бронницы и всѣ остальные мѣста до Ильменя. Опричники по дорогѣ разсѣивались по деревнямъ, грабили имущество и убивали народъ.

Еще въ то время, когда царь со опричной разорялъ Торжокъ и другіе города, царское войско окружило Новгородъ, дабы никто не могъ уйти

изъ него. Церкви и монастыри были опечатаны. Духовенство и монахи были схвачены, закованы и поставлены на правежъ. Каждый изъ нихъ долженъ уплатить выкупъ въ 20 новгородскихъ рублей и, если кто не могъ взнести требуемой пени, его били ежедневно на площади. Такъ продолжалось пять дней. Не лучшей участи подверглись дворяне, дѣти боярскіе и торговцы. Ихъ опричники заковали и отдали подѣ стражу, женъ и дѣтей держали на дому, а имущество ихъ опечатали. Никто не знаетъ ни вины, ни повода опалы.

Ждали прибытія Іоанна.

Іоаннъ явился 6 января 1569 года. Немедленно издано приказаніе умертвить игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правежѣ. Ихъ убили дубинами и тѣла разослали по ихъ монастырямъ.

Царь объявилъ, что 8 января онъ прибудетъ въ Софійскій соборъ къ обѣднѣ.

По обычаю, архіепископъ встрѣтилъ царя на Волховскомъ мосту у часовни Чуднаго креста, со всѣмъ соборомъ, крестами и иконами. Но царь не принялъ благословенія архіепископа и не цѣловалъ креста, а держалъ такую рѣчь:

«Злочестивецъ, въ рукѣ своей ты держишь не крестъ животворящій, а острое оружіе, которымъ ты, съ своими злоумышленниками, жителями сего города, хочешь уязвить наше царское сердце! Вы хотите отчизну нашей державы, Великій Новго-

родъ, передать польскому кородю. Съ этихъ поръ ты не пастырь и не сопрестольникъ Св. Софіи, а волкъ, хищникъ, губитель и измѣнникъ нашему царскому вѣнцу....»

За симъ царь приказалъ служить обѣдню. Во время богослуженія Іоаннъ усердно молился, а послѣ обѣдни отправился со всѣми своими приближенными въ столовую палату—за трапезу. Но едва подана была пища, какъ царь завопилъ дикимъ голосомъ. Это былъ условный знакъ для грабежа. Всѣ присутствовавшіе схватились и бросились на злодѣйство. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ. Опричники бросились грабить владычную казну.

Царскій дворецкій и духовникъ завладѣли ризницею и казною Св. Софіи, а отсюда отправились по всѣмъ церквамъ и монастырямъ грабить казну и ризницы въ пользу царя. Самъ Іоаннъ уѣхалъ въ Городище. Туда онъ приказалъ привести тѣхъ новгородцевъ, которые были взяты подъ стражу еще до его прибытія. Съ ними привели ихъ женъ и дѣтей. Іоаннъ приказалъ всѣхъ ихъ раздѣть и подвергнуть истязаніямъ. И дѣйствительно они преданы были «неисповѣдимымъ» мученіямъ. Ихъ били, терзали и жгли особеннымъ, изобрѣтеннымъ самимъ царемъ, составомъ. Послѣ этого ихъ привязали къ санямъ ногами и волокли за царскимъ поѣздомъ до Новгорода, за этими мучениками везли

ихъ женъ и дѣтей. Замученныхъ новгородцевъ бросали съ моста въ Волховъ, а за ними спѣшили отправить связанныхъ ихъ женъ и привязанныхъ къ нимъ дѣтей. Царскіе слуги ѣздили по рѣкѣ и баграми добивали тѣхъ, кто случайно всплывалъ.

Пять недѣль въ такомъ видѣ ежедневно проявлялась царская ярость. Насытившись вдоволь убійствами, Іоаннъ началъ ѣздить по монастырямъ и на своихъ глазахъ истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ.

Существуетъ преданіе, что, прибывъ въ Антоніевъ монастырь, Іоаннъ послѣ обѣдни явился въ трапезу, а за тѣмъ издалъ приказъ истребить все живущее въ монастырѣ.

Не остались безъ истребленія и простые смертные Новгорода. Іоаннъ приказалъ уничтожать товаръ, лавки, ломать двери и дома, бить окна и истреблять все имущество жителей. Тоже самое опричники продѣлывали и въ окрестностяхъ Новгорода.

Число убитыхъ въ Новгородѣ показывается различно, отъ 15 до 60 тысячъ. Псковскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Все слѣдующее лѣто свозили кучами умершихъ и утопленныхъ и погребали. Но, помимо замученныхъ и убитыхъ, многіе успѣли бѣжать

изъ Новгорода и изъ этихъ бѣглецовъ Новгорода въ послѣдствіи образовались цѣлыя поселенія.

Вдоволь насытившись кровію совершенно невинныхъ и мирныхъ гражданъ собственнаго государства, Іоаннъ, наконецъ, захотѣлъ показать имъ свою милость.

13 февраля созваны были уцѣлѣвшіе новгородцы и къ нимъ-то Іоаннъ держалъ такую рѣчь:

«Жители Великаго Новгорода! Молите Всемилоствитаго, Всещедраго и Человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о нашемъ христіанскому войнству, да даруетъ Онъ намъ побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашихъ! Пусть будетъ Богъ Судіею измѣннику моему и вашему, архіепископу Пимену, и его нечестивымъ совѣтникамъ и злоумышленникамъ. На нихъ, измѣнникахъ, взыщется здѣ пролитая кровь... Живите и благоденствуйте въ семъ городѣ. Намѣстникомъ я оставляю вамъ князя Пронскаго».

Пимена Іоаннъ отправилъ въ Москву.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился въ Псковъ, намѣреваясь и съ нимъ расправиться подобно Новгороду. Но находчивый воевода, князь Юрій Токмаковъ, сумѣлъ отклонить гнѣвъ и грозу, носившуюся надъ Псковомъ. Говорятъ, что отклоненію злодѣйства въ Псковѣ много содѣйствовалъ

юродивый Никола, весьма грозно и строго встрѣтившій Іоанна.

Такъ ли это, или иначе, но Іоаннъ ограничился только грабежемъ церковной казны и частнаго имущества и не тронулъ жизни жителей.

Возможно и еще одно толкованіе спасенія Пскова. На Іоанна, какъ и на всѣхъ подобныхъ больныхъ, ярость, гнѣвъ и кровожадность нападаютъ приступами. Наступаетъ подобный приступъ звѣрства, и онъ губить все живое. Оканчивается приступъ ярости и убійства прекращаются. Если мы прослѣдимъ жизнь Іоанна послѣ смерти Анастасіи, то и здѣсь мы увидимъ, что на общемъ фонѣ жестокости, звѣрства и кровожадности всѣ эти явленія по временамъ ожесточались до невѣроятныхъ чисто болѣзненныхъ размѣровъ,—въ другой же разъ они стихали и уменьшались. Такъ, по видимому, было и теперь.

Весьма возможно, что необычное усиліе кровожадности и убійства, возникшее въ Іоаннѣ и выразившееся въ стремленіи къ уничтоженію цѣлыхъ городовъ, съ злодѣйствами новгородскими, постепенно ослабѣло и къ прибытію въ Псковъ снизошло до обычнаго состоянія, почему Псковъ и отдѣлялся только лишь потерей имущества.

Возможно и то, что, въ такомъ періодѣ болѣзненнаго состоянія Іоанна, на него могли благотворно повліять и находчивость воеводы и безцеремонность

юродиваго. Ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы ярость и жажда крови Іоанна не были удовлетворены раньше, то никакая находчивость, никакая дерзость и остроуміе не спасли бы Пскова. Если Животворящій Крестъ и святительское облаченіе не удержали въ Новгородѣ звѣрства Іоанна, то тѣмъ паче безъ послѣдствій остались бы приемы псковитянъ.

По возвращеніи Іоанна въ Москву, въ кровопролитіи наступило затишье. Велось слѣдствіе объ измѣнѣ архіепископа Пинема и знатныхъ новгородцевъ; сюда же прихвачены были нѣкоторые знатные бояре: канцлеръ, Иванъ Висковатый, казначей Никита Фуниковъ, бояринъ Семенъ Яковлевъ и другіе. Но интереснѣе всего было то, что къ этой же партіи судимыхъ причислены были самые близкіе царскіе любимцы и его сподвижники, именно князь Вяземскій, Алексѣй Басмановъ и Федоръ Басмановъ «прекрасный лицомъ, густый душою, безъ коего Іоаннъ не могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣпствовать въ убійствахъ»... Послѣдніе три примѣра прекрасно учатъ, что стоятъ близко къ солнцу весьма пріятно, но еще лучше быть отъ него подальше и въ неизвѣстности.

Нельзя не обратить вниманія на одну черту характера Іоанна, которая особенно рѣзко выразилась въ дѣлѣ обвиненія Вяземскаго. Аѳонасій Вя-

земскій былъ самый близкій къ Іоанну человекъ. Изъ его рукъ Іоаннъ бралъ пищу и лѣкарство, — съ нимъ въ тишинѣ ночи онъ обсуждалъ планы своихъ злодѣйствъ. Однажды, по обычаю проболтавъ съ Іоанномъ до глубокой ночи о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, Вяземскій возвратился домой и увидѣлъ, что вѣрные его слуги перебиты. Узналъ онъ, чье это дѣло, но не подалъ и вида на огорченіе. Это не спасло его. Онъ былъ вверженъ въ темницу, гдѣ уже сидѣли Басмановы, и въ ней въ пыткахъ окончилъ свои дни.

Наконецъ, слѣдствіе о государственномъ преступленіи было окончено и всѣ судимые были осуждены. Начались приготовленія къ казни измѣнниковъ. Это было нѣчто не бывалое. На торговой площади поставили 18 висѣлицъ. Рядомъ съ этимъ разложили орудія для производства различныхъ мукъ. Зажгли высокій костеръ и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Москвичи, издавшіе много разъ виды, памятуя судьбу Новгорода, на этотъ разъ струсили. Каждый запрятался, гдѣ только могъ и площадь казни оставалась пустою. Явился царь съ царевичемъ и свитой, — а за ними вели, въ видѣ мертвецовъ, 300 или болѣе осужденныхъ. Увидѣвъ площадь пустою, царь остался недовольнымъ. Ему нужны были зрители и онъ послалъ согнать ихъ насильно. Наконецъ и самъ царь отправился за

публикой, обѣщая жителямъ безопасность и милость.

Нагнали народъ. Царь держалъ рѣчь.

«Народъ, увидишь муки и гибель, но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй, правъ ли судъ мой?»

Всѣ отвѣчали единогласно:

— Да живетъ многи лѣта государь великій! да погибнуть измѣнники!

На этотъ разъ царь превзошелъ себя и изъ осужденныхъ на казнь нѣкоторыхъ помиловалъ.

Между тѣмъ начались казни. Висковатова повѣсили вверхъ ногами и за тѣмъ разсѣкали на части, при чемъ начало истязаній положилъ Малюта Скуратовъ, отсѣкши Висковатову ухо. Фуникова обливали кипяткомъ и холодною водою и онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Остальныхъ кололи, вѣшали и рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копьемъ одного старца.

Совершивъ всѣ эти злодѣянія, опричники съ криками «гойда» окружили своего повелителя и восхваляли его правосудіе. Но и этимъ Іоаннъ не довольствовался. Онъ поѣхалъ въ домъ къ Висковатову и Фуникову, издѣвался надъ ихъ женами, а пятнадцатилѣтнюю дочь Фуникова отдалъ царевичу Іоанну. Архіепископъ Пименъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Тульскій монастырь Св. Николая. Отецъ Басмановъ, по приказанію царя,

былъ убитъ своимъ сыномъ Федоромъ, который въ свою очередь не избѣжалъ тоже казни.

Три дня убирали мертвыя тѣла казненныхъ, а на четвертый день начались новыя казни. Жены убитыхъ 80 дворянъ были утоплены въ рѣкѣ.

Въ это время гибли послѣдніе остатки славныхъ людей Іоаннова царствованія. Такъ погибъ славный воевода, князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Очинъ-Плещеевъ, Хабаровъ-Добрынский, Иванъ Воронцовъ, Василій Разладинъ, воевода Кирикъ Тырновъ, Андрей Кашкаровъ и Михайло Лыковъ. Почти всѣ государственные видные дѣятели жили изо дня въ день, готовые во всякій моментъ принять смерть. Нѣкоторые даже шли въ монахи, будучи глубоко убѣждены, что ихъ не минуетъ царское вниманіе. Такъ Михайловскій воевода Никита Казариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, удалился въ монастырь на Окѣ. Но и сюда ворвались опричники за своею жертвою. Воевода самъ вышелъ имъ на встрѣчу. «Я тотъ, кого вы ищите!» И его взяли. Въ этомъ случаѣ царь проявилъ необыкновенно жестокое остроуміе даже надъ религіозною стороною жизни. Такъ какъ воевода Казариновъ-Голохвастовъ былъ схимникъ, а ангелы летаютъ по небу, то царь приказалъ взорвать воеводу на бочкѣ пороха, дабы онъ уподобился ангеламъ.

Чиновникъ Мясоѣдъ имѣлъ красивую жену. Ее схватили, обезчестили, повѣсили предъ глазами мужа, а за тѣмъ отрубили голову и ему.

Казнили при этомъ не только осужденныхъ и за компанію ихъ близкихъ родныхъ, но и отдаленныхъ родственниковъ за честь быть родственниками осужденныхъ. Такъ, Іоаннъ собственноручно убилъ князя Ивана Шаховскаго за то, что тотъ былъ родственникомъ Колачевыхъ; по той же винѣ погибли князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе и Бутурлины.

Нѣкоторые честные люди и славные дѣятели искали смерти на полѣ брани. Такъ погибли, мужественно защищая Донецкую крѣпость противъ татаръ, князья Андрей и Никита Мещерскіе. Когда они лежали уже мертвыми, явились Іоанновы палачи и довольствовались зрѣлищемъ смерти героевъ. Тоже случилось и съ княземъ Андреемъ Оленкинымъ; но Іоаннъ не довольствовался смертію послѣдняго въ битвѣ, а заморилъ въ заточеніи его дѣтей.

Мученіямъ и истязаніямъ, придумываемымъ Іоанномъ для своихъ подданныхъ, не было конца. Для этого ихъ ставили на раскаленные проволоки, сажали на особо для этого устроенныя печи, мучили желѣзными клещами, острыми ногтями и длинными иглами, разрѣзывали по суставамъ, перетирали тонкими веревками на двое, сдирали кожу,

выкраивали изъ спины ремни и т. п. Святая инквизиція могла бы смѣло поднести ему премію за изобрѣтательность....

Приводя въ ужасъ и трепетъ все живущее въ государствѣ, Іоаннъ не переставалъ жить весело и шумно, въ тѣхахъ и разгулѣ. Теперь изъ Новгорода онъ получилъ скомороховъ вмѣстѣ съ медвѣдями. И тѣ и другіе тѣшили царя. Первые его развлекали шутками и остротами, вторыхъ выпускали въ народъ и травили ими людей, опять таки на забаву царя. Неудачные приемы скомороховъ иногда стоили имъ жизни. Однажды недовольный чѣмъ-то царь вылилъ мису горячихъ щей на голову своего любимаго шута, Осипа Гвоздева. Послѣдній заоралъ. Іоаннъ прекратилъ крикъ ножомъ. Но царю жалъ было лишиться своего любимца и потому онъ позвалъ врача Арнольда съ требованіемъ исцѣленія его слуги, съ которымъ онъ поигралъ неосторожно.

Арнольдъ отвѣтствовалъ:

«Такъ неосторожно, что развѣ Богъ и твое царское величество можетъ воскресить умершаго»..

Царь махнулъ рукой, обозвалъ скомороха псомъ и продолжалъ веселиться.

Другой разъ явился къ царю воевода Старицкій, Борисъ Титовъ. Выслушавъ обычное привѣтствіе, Іоаннъ отвѣтствовалъ:

— Будь здоровъ, любимый мой воевода! Ты достоинъ нашего жалованья!—и при этомъ отръзалъ ему ухо.

Часто царь, прерывая трапезу, издавалъ дикій крикъ, коимъ созывалъ своихъ вѣрныхъ опричниковъ, и мчался плавать въ крови. Такъ, однажды изъ за такого пира царь помчался казнить литовскихъ плѣнниковъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ. Одинъ изъ этихъ плѣнныхъ вырвалъ копье и бросился съ нимъ на Іоанна, но царевичъ, достойный сподвижникъ отца, убилъ его. Насытившись кровью вдоволь, Іоаннъ возвращался въ Александровскую слободу, при крикахъ опричны «гойда, гойда»!

Къ довершенію всѣхъ несчастій въ государствѣ явился голодъ и его постоянный спутникъ—моръ. Всѣ эти бѣдствія слишкомъ ослабили и опустошили Россію; ея спасеніе заключалось въ томъ, что и сосѣднія государства были не въ лучшемъ состояніи.

Въ это время въ польшѣ умеръ король Сигизмундъ и въ числѣ кандидатовъ на престолъ сталъ Іоаннъ и его сынъ. Іоанну очень хотѣлось добиться польскаго и литовскаго престола, но дѣло это не состоялось и Іоаннъ долго не могъ примириться съ этой неудачей.

Съ этой поры постигаютъ Іоанна неудачи. Вырѣзавъ знатныхъ вельможъ, доблестныхъ воеводъ

и преданныхъ правителей и совѣтниковъ, Іоаннъ терпитъ цѣлый рядъ поражений. Посольство Іоанна въ Константинополь, для заключенія союза съ Султаномъ, оказалось неудачнымъ,—не болѣе удачнымъ оказалось и заключеніе мира съ Швеціей. Крымскій ханъ раззорилъ всю Россію, сжегъ Москву и увелъ болѣе 10,000 плѣнниковъ,—а Іоаннъ позорно бѣжалъ и прятался вдали отъ своей столицы и войска.

Всѣ эти неудачи вызвали въ Іоаннѣ новыя мысли объ измѣнѣ, козняхъ и злодѣяніяхъ оставшихся еще въ живыхъ бояръ и, разумѣется, новыя казни. Этому не мало способствовало еще одно обстоятельство. Вторая жена Іоанна Марія скончалась. Царь вздумалъ жениться въ третій разъ. Выборъ палъ на Марѳу Собакину. Будучи невѣстой царя, Марѳа заболѣла, а ставши женой — умерла. Это дало поводъ думать, что родственники прежнихъ женъ царя, изъ ревности, испортили царицу. Виновныхъ нашли и казнили.

Въ это время погибли черкесскій князь Михайло Темрюковичъ, братъ покойной царицы Маріи, —вельможи Иванъ Яковлевъ, братъ его Василій, бояринъ Левъ Салтыковъ и проч. Рядомъ съ этими явными злодѣйствами, по предложенію лейбъ-медика, врача Бомелія, начались отравы сильнѣйшими ядами. Такъ были лишены жизни Григорій Грязной, князь Гвоздевъ-Ростовскій и многіе другіе.

*

Вскорѣ царь женился четвертый разъ на Аннѣ Колтовской, не смотря на то, что еще за два года передъ симъ онъ предписывалъ, чтобы четвертый бракъ «никогда не именовался и молитвы бы имъ не говорили» ¹⁾. За тѣмъ Іоаннъ женился въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой и шестой разъ на Василисѣ Мелентьевнѣ. Въ четвертый разъ женившись, Іоаннъ просилъ по крайней мѣрѣ у епископовъ разрѣшенія, — слѣдующіе же разы онъ не затруднялъ себя этой формальностью.

По истребленіи главныхъ своихъ приближенныхъ совѣтниковъ, какъ: Аѳонасій Вяземскій, Басмановы, Грязной и др. Іоаннъ нѣсколько мѣняется въ своихъ отношеніяхъ какъ къ обществу, такъ и къ государству. Онъ становится менѣе лютымъ, менѣе жестокимъ и менѣе кровавымъ. Тѣлохранители при немъ еще остаются и остаются они на всегда, но теперь Іоаннъ не дѣлаетъ такой рѣзкой разницы между опричной и земщиной, да и самое названіе «опрична» исчезаетъ и замѣняется другимъ словомъ «дворъ».

Едва ли такая перемѣна могла произойти сама собою, такъ какъ Іоаннъ представлялъ собою такого человѣка, за которымъ должно было всегда искать другого. Не смотря на чрезвычайно

¹⁾ Акты историч. т. I, ст. 155. Сочиненія Юрія Самарина, т. V, ст. 205.

неудачный и беспорядочный наборъ людей, между ними, хотя случайно, все таки попадались люди съ большимъ умомъ, пониманіемъ дѣла, честолюбіемъ и другими качествами, отличавшими ихъ отъ остальной опричны. Между этими людьми выдвигается особенно Борисъ Годуновъ, близкій родственникъ Малюты Скуратова. Онъ не только проложилъ дорогу къ Іоанну, но, повидимому, могъ легко вліять и на самое направленіе государственныхъ дѣлъ. Былъ ли главнымъ совѣтникомъ Борисъ Годуновъ, или кто либо другой, во всякомъ случаѣ совѣтники должны были быть, были и направленіе государственной жизни рѣзко измѣнилось съ удаленіемъ Вяземскаго и другихъ.

Съ другой стороны не могло не имѣть вліянія на направленіе дѣятельности Іоанна и еще одно обстоятельство. Какъ бы ни была затяжна душевная болѣзнь, однако всякая изъ нихъ постепенно начинаетъ стихать, терять свое острое проявленіе и мало по малу ослаблять остроту мыслительной дѣятельности и сообразительности человѣка. Такъ, повидимому, было и съ Іоанномъ. Болѣзнь его начала утихать. Бредъ подозрительности и преслѣдованія становился не столь рѣзкимъ, приступы кровожадности появлялись рѣже, а равно и общая умственная дѣятельность стала слабѣть. Царь началъ становиться малодушнымъ, трусливымъ и безъ опредѣленныхъ мыслей.

Появившійся разладъ и безсвязность между бредомъ преслѣдованія и приступами кровожадности былъ причиною того, что Іоаннъ доводствовался для удовлетворенія своей жажды крови истребленіемъ непріятельскихъ плѣнныхъ. Такова напр. Венденская кара, когда мирныхъ жителей Іоаннъ приказалъ мучить и казнить, сѣчь и жечь, а женъ и дѣвицъ безчестить, — когда Іоаннъ не брезгалъ сажать на колъ даже мертвыхъ.

Правда, Іоаннъ не оставлялъ безъ милостиваго вниманія и своихъ подданныхъ, тѣмъ не менѣ эти казни были уже ничтожными вспышками на общемъ кровавомъ горизонтѣ. Такъ Іоаннъ казнилъ знаменитаго героя, князя Михаила Воротынскаго, князя Одоевскаго, боярина Морозова съ двумя сыновьями и женою, князя Куракина и боярина Бутурлина. За тѣмъ въ теченіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ были казнены: одинъ изъ ревностныхъ опричниковъ Петръ Зайцевъ, Григорій Собакинъ, Васіанъ Муромцевъ, новгородскій архіепископъ Леонидъ, архимандритъ Феодоритъ, псковскій игумень Корнилій и др. Интересенъ былъ поводъ къ казни добродѣтельнаго игумена Корнилія. По пути въ Ливонію, Іоаннъ заѣхалъ въ псковопечерскій монастырь. Его встрѣтилъ игумень Корнилій съ братіей. Іоанну бросились въ глаза сильныя укрѣпленія монастыря, сооруженныя Корниліемъ на свой собственный счетъ. Іоаннъ припомнилъ, что

Корнилій происходитъ изъ боярскаго рода. Эти со-
оруженія ему показались подозрительными. Вспом-
нилось бывшее, закипѣло сердце и Іоаннъ быстро
покончилъ съ Корниліемъ своимъ вѣрнымъ жез-
ломъ. Какъ гласить надгробная надпись «пред-
послалъ его царь земной Царю небесному».

А между тѣмъ военныя неудачи больше и боль-
ше поражали Россію. Гордый, властительный и без-
гранично-полновластный Іоаннъ чувствовалъ себя
въ высокой степени угнетеннымъ и приниженнымъ
во внѣшнихъ дѣлахъ. Могущественному и само-
властному владыкѣ счастье измѣнило и, трусли-
вый по природѣ Іоаннъ, долженъ былъ унижаться
предъ тѣми изъ сосѣдей, которыхъ прежде ста-
вилъ ни во что. Посылая пословъ къ новому крым-
скому хану, Іоаннъ наказывалъ: «Бить челомъ
хану и обѣщать ему ежегодные дары.... вообще
вести себя смирно и избѣгать колкихъ рѣчей...»
Еще униженнѣе держалъ себя Іоаннъ съ Бато-
ріемъ. На самыя унижительныя просьбы Іоанна
заклѣчить миръ, на самыя оскорбительныя усло-
вія для Россіи, предлагаемыя Іоанномъ, лишь бы
только получить миръ, Баторій отвѣчаетъ: «не
будетъ вамъ ни посольства, ни мира, ни переми-
рія...», а между тѣмъ Іоаннъ предписываетъ своимъ
посламъ «быть не только смиренными и кроткими
въ переговорахъ, но *даже терпѣть и побои....*»
И это предписываетъ тотъ Іоаннъ, который не

желалъ признавать Баторія братомъ своимъ, считалъ за униженіе быть съ нимъ равнымъ, первый, безъ объявленія войны, напалъ на предѣлы польскаго царства и считалъ Баторія избраннымъ «не Божіею, а человѣческою мятежною волею...»

Думается, что, при такомъ униженіи предъ татарами, при такомъ страшномъ разгромѣ поляками русскаго войска и земли русской, при почти такомъ же разгромѣ шведами русскихъ войскъ, царь собираетъ войско, поддерживаетъ падающій духъ подданныхъ, молится о дарованіи побѣды русскому оружію... Царь сидитъ въ Александровской слободѣ и правитъ семью свадьбу. Іоаннъ женился на Маріи Нагой. Вообще въ числѣ рѣзко выраженныхъ чертъ болѣзненнаго характера Іоанна слѣдуетъ отмѣтить распутство и развратъ. Мы видѣли, что онъ продѣлывалъ со своею вѣрною дружиною, мы знаемъ, какъ онъ обращался съ женами своихъ подданныхъ, но и всего этого ему было мало. Царь-игуменъ женился седьмымъ бракомъ и вслѣдъ за симъ еще ищетъ невѣсту въ Англіи. Кромѣ того Костомаровъ упоминаетъ, что въ ноябрѣ 1573 года Іоаннъ женился на Маріи Долгорукой, а на другой день, подозрѣвая, что она до брака любила кого-то иного, приказалъ ее посадить въ колымагу, запречь дикихъ лошадей и пустить въ прудъ, въ которомъ несчастная и

погибла¹⁾. Это все не мѣшало царю имѣть сверхъ того по 50 наложницъ и не брезгать рьянымъ ухаживаніемъ за женою своего сына почти на смертномъ одрѣ своемъ....

Но самымъ ужаснымъ поступкомъ въ этомъ періодѣ времени было убійство Іоанномъ своего собственнаго сына и наслѣдника престола²⁾. О причинахъ этого ужаснаго преступленія передается различно. Одни говорятъ, что сынъ заступился передъ отцомъ за свою жену и высказалъ ему нѣсколько горькихъ истинъ, — другіе повѣствуютъ, что наслѣдникъ укорялъ отца въ военномъ бездѣйствіи и просилъ отпустить его на войну возстановить честь Россіи.

¹⁾ Этотъ прудъ, по замѣчанію Горсея, была настоящая геена, юдоль смерти, подобная той, въ которой приносились человѣческія жертвы. Много жертвъ было потоплено въ этомъ прудѣ. Рыбы въ немъ питались въ изобиліи человѣческимъ мясомъ и оказывались отменно вкусными и пригодными для царскаго стола. Костомаровъ, I. с. 510 и 511.

²⁾ *Поссевинъ* (De Moscovia, Starczewski, II, 293) такъ передаетъ это обстоятельство: «Tertia igitur Ioannis filii uxor simplici verte induta, quoniam uteram gerebat, neque a se quemquem abitur putabat, forte super scamno decumbens, invisitur a Magno Duce Moscoviae, cui statim assurgens, nihil tamen animum illius emolliivit, sed accepta alapa, deinde baculo, quem ille gestabat, ita percussa est, ut in sequenti nocte pueri abortum faceret. Accurrit interim ad partem Ioannes filius, eumque dum reprimat, ne uxorem verberet, in se

Разъяренный отецъ ударилъ его желѣзнымъ жезломъ въ високъ, отъ чего царевичъ и скончался на четвертый день... ¹⁾).

Іоаннъ каялся, плакалъ, рыдалъ, снималъ съ себя вѣнецъ и отказывался отъ престола, — но въ концѣ концовъ опять таки продолжалъ быть царемъ.

Говорятъ, что послѣ этого царь нѣсколько дней мучился и нравственно терзался, не спалъ ночи и метался, какъ въ горячкѣ. Посылалъ бо-

iram et verbera partis converbit. Itaque eidem baculo in capite prope tempora gravissime vulneratus est. Et filius antea adversus patrem incessus, multa illi exprobraverat in haec verba: tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium intrusisti; de secunda id ipsum fecisti; ecce jam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat... с. 293.

¹⁾ Народъ не можетъ допустить мысли, чтобы православный царь убилъ своего сына и наследника престола собственными руками. Это злодѣйство народъ приписываетъ Малютѣ Скуратову, что видно изъ слѣдующей народной пѣсни:

Царь Іоаннъ Грозный выводилъ измѣну

«Выводилъ измѣну изъ Пскова.

Изъ Пскова и изъ Новгорода...

Ахъ, какъ бы вывести измѣну и изъ каменной Москвы?..

Что возговорить Малюта злодѣй Скуриатовичъ:

Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!

Не вывести тебѣ измѣнушку до вѣку,

Сидить супротивникъ супротивъ тебя,

Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,

Цвѣтное платье носить съ одного плеча.

И тутъ царь догадается,

гатыя милостыни по монастырямъ и обильные дары на востокъ, чтобы молились за упокоеніе души убіеннаго Іоанна. Въ это-то время самосредоточія и самоиспытанія Іоанна припоминаются

На царевича злобно осержается;
 Что взговорить Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
 Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
 Поведите во палату особую,
 Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
 Надѣвайте на него платье черное,
 Поведите его на болото жидкое,
 На ту ли лужу поганую;
 Вы предайте его скромной смерти.
 Всѣ бояре испугались,
 Изъ палаты вонъ разбѣжались,
 Большой за меньшаго хоронится,
 Одинъ остался Малюта злодѣи...
 Повелъ на болото на жидкое,
 Что на ту лужу на поганую...»

Отдавъ царевича на растерзаніе Малютѣ Скуратову, Іоаннъ зоветъ бояръ на панихиду по царевичѣ:

«Что возговорить грозный царь:
 Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
 Надѣвайте на себя платье черное.
 Собирайтесь ко заутрени
 Слушать по царевичу панихиду.
 Я васъ бояре всѣхъ во котлѣ сварю.
 Всѣ бояре испугались...»

Но народъ не умертвилъ царевича, а спасъ его въ лицѣ Никиты Романова, который отнялъ царевича у Малюты Скурлатовича, возвративъ его царю, и въ награду выпросилъ себѣ этого злодѣя, Малюту Скурлатовича. Пѣсни русскаго народа, 1839, ч. 4, стр. 332.

ему всѣ жертвы его звѣрства и кровожадности. Всѣ замученные и казненные предстали предъ нимъ, требуя возмездія и отмщенія... Іоаннъ усиленно записывалъ ихъ имена въ синодикъ и подавалъ на поминаваніе ихъ души за упокой. Но такъ какъ эти жертвы Молоху были не исчислимы, то приходилось ограничиваться поминаваніемъ рабовъ Божіихъ, «имена ихъ же Ты, Господи, вѣси»....

«Но однако послѣ этого странно видѣть Іоанна, сватающагося за родственницу англійской Елизаветы и готоваго прогнать свою седьмую жену. Вѣрить-ли другимъ, гораздо худшимъ извѣстіямъ? Страшно сказать, но, кажется, онъ до конца дней остался тѣмъ-же» (Аксаковъ) ¹⁾.

Подъ конецъ жизни Іоаннъ сталъ суевѣрнымъ и нерѣдко обращался къ знахарямъ, астрологамъ и гадателямъ. Во время войны съ Баторіемъ онъ палъ духомъ уже отъ неблагопріятныхъ предзнаменованій и предсказаній, почему и не рѣшался прибѣгать къ серьезнымъ военнымъ мѣрамъ. При такомъ настроеніи, всевозможнымъ выдумкамъ не было конца: явилась комета на небѣ,—громовая стрѣла, зимою, при ясномъ небѣ и среди бѣлаго дня, ударила въ царскій дворецъ и зажгла его,—близъ Москвы слышали ужасный голосъ: «бѣгите, бѣгите Русскіе»,—съ неба упалъ надгробный камень съ таинственной надписью и т. п.

¹⁾ К. С. Аксаковъ, Сочиненія, т. I, стр. 164.

Наконецъ всѣми правдами и неправдами заключенъ былъ миръ съ Польшей. Царь успокоился. Завели рѣчь о новой женитбѣ Іоанна на английской принцессѣ.

А между прочимъ женихъ развлекался казнію тѣхъ ратныхъ людей, которые оказались трусами въ войнѣ съ Баторіемъ. Всѣхъ плѣнниковъ Баторія, о которыхъ послѣ заключенія мира позабыли, нынѣ припомнили. И вотъ царь учинилъ имъ знатную казнь. Онъ ихъ всѣхъ собралъ и казнилъ мучительнѣйшимъ образомъ. Такъ погибло 2300 чело-вѣкъ,—число еще не особенно большое для такого любителя казни, какъ Іоаннъ.

Униженный и подавленный неудачами въ Ливоніи, Іоаннъ захотѣлъ излить свою злобу на ливонскихъ плѣнниковъ. Онъ приказалъ привести толпу этихъ несчастныхъ, пустилъ на нихъ медвѣдей и самъ, стоя у окна, любовался борьбою, мученіями и смертію невинныхъ жертвъ въ когтяхъ страшныхъ животныхъ...

Іоанну въ это время было 50 лѣтъ съ небольшимъ, между тѣмъ онъ казался дряхлымъ, старымъ и изможденнымъ. Пьянство, развратъ, безконечныя оргіи, распутная жизнь, душевная болѣзнь и связанныя съ нею душевныя терзанія,—все это не могло не отозваться на Іоаннѣ и не расшатать его здоровья. А между тѣмъ оно становилось все хуже и хуже. У него явилась болѣзнь:

какое-то гніеніе внутри и отъ него исходилъ отвратительный и смрадный запахъ. По этому поводу Oderborn¹⁾ говоритъ: «отчаявшись въ помощи медицины, волнуемый душою, онъ влачилъ положительно жалкую жизнь. Въ теченіе многихъ дней и не говорилъ ни съ кѣмъ, ни пищи не принималъ, ни даже звука не издавалъ, такъ что казалось, будто онъ онѣмѣлъ. А затѣмъ, по истеченіи многихъ дней, когда боль открыла ему уста, онъ только звалъ своего сына Ивана. Ему мерещилось, что онъ видитъ Ивана, что онъ слышитъ Ивана, что тотъ съ нимъ говоритъ, что онъ передъ нимъ стоитъ, а иногда жалобно призывалъ его къ себѣ, какъ бы живого».... Грѣхи опричны и содоміи²⁾ дали себя знать... Иностранные врачи усердно лечили Іоанна. Еще усерднѣе онъ раздавалъ милостыни по монастырямъ на поминаваніе о здоровіи болящаго царя. Вмѣстѣ съ симъ онъ не брезгалъ другою рукою раздавать милости волхвамъ и чародѣямъ.... Въ это время на небѣ явилась новая комета. Царь долго смотрѣлъ на нее

¹⁾ *Paulus Oderborn, Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita, Starczewski, 1842, стр. 258.*

²⁾ Кромѣ Басманова, Possevin указываетъ въ этомъ отношеніи на близость царя къ Богдану Бѣльскому: (Bogdan Iakovlevicz Bilscius) qui gratiosissimus tredecim intergos annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat. (De Moscovia, 192).

и наконецъ заявилъ: «се знаменіе моей смерти». И онъ былъ правъ.

Собраны были волхвы, числомъ до шестидесяти, со всѣхъ концовъ Россіи и изъ Лапландіи. Волхвы гадали и толковали.

А между тѣмъ болѣзнь усиливалась. Вся внутренность начала гнить, а тѣло пухнуть. Днемъ мучился царь физическими немощами, ночью его преслѣдовали видѣнія. Враги и злоумышленники были всюду вокругъ царя. Онъ ихъ страшился, онъ ихъ трепеталъ. А тутъ еще казненные имъ жертвы возстали изъ гробовъ и требовали отвѣта отъ немощнаго царя... Кто можетъ описать ужасъ такой ночи больного человѣка?... Гдѣ найдутся силы и мощь вынести сообщество костяныхъ мертвецовъ, требующихъ отъ убійцы отмщенія за ихъ мученія, истязанія и смерть.... Астрологи предсказали Іоанну скорую смерть, но онъ приказалъ имъ молчать, угрожая въ противномъ случаѣ всѣхъ ихъ сжечь въ домѣ жившемъ.

И вотъ измученный, изнуренный и ожидающій смерти, царь находитъ себѣ развлеченіе и утѣшеніе въ разсматриваніи своихъ сокровищъ и драгоценныхъ камней и толкованія ихъ значенія.... Лѣтописи передаютъ невѣроятный и потрясающій фактъ о безграничномъ нравственномъ развратѣ Іоанна. Къ разбитому, угнетенному, страждущему и умирающему Іоанну явилась супруга его сына

Федора навѣститъ немощнаго отца. И этотъ находящійся на смертномъ одрѣ и заживо разлагающійся царь и отецъ не погнушался обратиться съ похотливымъ вождѣленіемъ къ женѣ своего сына и наслѣдника престола.... Несчастливая невѣстка съ омерзениемъ должна была бѣжать отъ сладострастнаго безстыдства тестя... Обманутый, разозленный и сконфуженный Іоаннъ, приказалъ казнить всѣхъ благородныхъ свидѣтелей этого послѣдняго своего позора, а сына убѣждалъ развести съ распутной женой (Oderborn) и вступить въ новый бракъ.

Между тѣмъ болѣзнь Іоанна усиливалась и шла къ роковой развязкѣ. Самая кончина его шла необычайнымъ способомъ. «Въ течение нѣсколькихъ дней передъ тѣмъ, какъ разстаться съ жизнью, Іоаннъ подвергся три раза полному, похожему на смерть, лишенію чувства и движеній и каждый разъ пребывалъ въ такомъ состояніи 24 часа какъ мертвый, какъ будто Богъ отложилъ для этихъ дней Свое наказаніе за его нечестивыя дѣла. Въ первый разъ прійдя въ себя, Іоаннъ, съ печальнымъ выраженіемъ лица, обратился къ сыну съ просьбой отпустить нѣсколько лицъ, находившихся въ самомъ строгомъ заключеніи, въ ожиданіи казни, заявилъ открыто предъ всѣми, что изъ за нихъ онъ былъ подвергнутъ самымъ тяжкимъ пыткамъ въ какомъ-то мрачномъ и ужасномъ мѣстѣ... Сынъ

исполнилъ велеііе отца.... Но гнѣвъ Божій былъ сильнѣе мольбы человѣческой... Іоаннъ, покрытый смертельной блѣдностью и распространяющій страшный срадь, снова лишившись чувствъ, лежалъ на глазахъ окружавшихъ его безъ всякаго движенія,—и снова Васильевичъ, возвратившись какъ-бы изъ преисподней, обратился къ сыну... (просилъ его облегчить государственныя подати, благотворительствовать обиженнымъ и лишеннымъ по его винѣ крова и давалъ наставленіе на будущую его жизнь). Сказавъ это, Іоаннъ въ третій разъ впалъ въ безсознательное состояніе и немного спустя, со стономъ и раздирающимъ душу крикомъ, испустилъ духъ» ¹⁾).

Передъ смертію Іоанну представился его убитый сынъ, онъ разговаривалъ съ жертвою своего преступленія и громко звалъ его...

17 марта 1584 г. Іоанна не стало.

По смерти надъ царемъ совершено было постриженіе въ монашество и въ семъ ангельскомъ чинѣ онъ названъ былъ Іоною.

Подведемъ итоги жизни и дѣятельности Іоанна Грознаго.

Іоаннъ сынъ родителей съ значительно сомнительною нервною системою и не особенно безпо-

¹⁾ *Oderborn, I, с.*

рочною физическою организаціей, почему уже отъ рожденія его нервная система не могла быть обыкновеню, крѣпкою и устойчивою. Напротивъ, съ появленіемъ на свѣтъ, она предназначена была стать хилою, отступающею отъ обычнаго бытія и склонною къ заболѣваемости. Это предположеніе доказывается состояніемъ здоровья членовъ семейства Іоанна Грознаго: его братъ былъ скудоумень, его дѣти вымираютъ, проявляютъ необыкновенную жестокость и эпилепсію. Такія семейныя проявленія даютъ основанія къ допущенію предположенія о вырожденіи рода. Члены такихъ семействъ находятся подъ опасностью — стать вырождающимися или, какъ ихъ называютъ, дегенератами.

Этотъ-то несчастный ребенокъ, происходящій отъ хилаго и поврежденнаго дерева, съ первыхъ дней дѣтства обрекается отчужденію и становится заброшеннымъ. Дико, что будущій властелинъ столь сильной земли является забытымъ и отчужденнымъ отъ семьи, ласки, любви матери и общества,—но это вѣрно. Его мать жила для себя и ребенокъ царя Василія для нея не существовалъ. Такія условія жизни въ первые годы дѣтства должны были породить въ Іоаннѣ замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость къ окружающимъ и неудовлетворительность и даже нѣкоторую степень недовольства и озлобленія.

Всѣ это тѣ же самыя черты, которыя были присущи Іоанну, какъ нейрастенику и дегенерату, отъ рожденія, по существу унаслѣдованной имъ центральной нервной системы. И такъ жизнь, съ ея обстановкой и воспитаніемъ, не только не послужила Іоанну къ ослабленію, сглаживанію и уничтоженію прирожденныхъ отклоненій въ его характерѣ, чувствахъ и душевной дѣятельности, а, напротивъ, всѣ эти уклоненія поддержала, усилила, развила, укрѣпила и поставила ихъ въ сугубой мѣрѣ.

Такимъ образомъ простая прирожденная нейрастенія уже съ первыхъ дней дѣтства получаетъ наклонность и направленіе по пути не къ прекращенію ея, а по пути къ усиленію и переходу въ высшую степень болѣзненности по пути къ психозамъ.

Идемъ далѣе. Скоро Іоаннъ лишается матери. Какова ни была мать, а все-таки при ней существовало единство воспитанія. Какъ оно шло,—это все равно; но при этомъ были одни и тѣ же лица и вели дѣло по одному и тому же разумѣнію. Нынѣ Іоаннъ бросается на произволъ людскихъ страстей. Съ сего времени Іоаннъ является не одушевленнымъ существомъ, самостоятельнымъ и самобытнымъ, а цѣннымъ предметомъ, обладаніе которымъ весьма полезно то однимъ людямъ, то другимъ. Его держатъ вдали отъ всего и отъ

*

всѣхъ, но по временамъ его ставятъ на первый планъ и даже примѣняютъ, какъ дѣятельное орудіе расправы и истребленія враговъ.

Такіе опыты дѣлаются не съ безсловеснымъ животнымъ, а съ существомъ сознательнымъ, съ человѣкомъ властнымъ, съ самодержавнымъ царемъ сильнаго государства. Что должно было дѣлаться въ душѣ отрока, который ясно сознавалъ—это все мое, но у меня его отнимаютъ,—которому не усыпно шептали: твои враги похитили у тебя власть, расхищаютъ твои богатства, истязаютъ твоихъ подданныхъ, ослабляютъ и расшатываютъ твое государство, да и самъ-то ты имъ въ тягость и обузу и быть можетъ наступитъ моментъ, когда они захотятъ и отъ тебя избавиться.... Все это безспорно шепталось юному Іоанну. Все это безъ сомнѣнія Іоаннъ видѣлъ и лично, и каждый можетъ себѣ представить, каковы мысли въ немъ должны были породить всѣ эти обстоятельства. Подозрительность къ окружающимъ? Бредъ и идеи преслѣдованія? .. Да и то и другое; но и подозрительность и идеи преслѣдованія были въ данномъ случаѣ не бредовыми, а естественными, основанными на жизненныхъ событіяхъ и обстоятельствахъ. А между тѣмъ этотъ человѣкъ по своему существу, по своей природѣ наклоненъ былъ и къ подозрительности и къ идеямъ преслѣдованія. Что же сдѣлала жизнь съ нимъ въ этомъ отношеніи? Она

усугубила ихъ, она породила бы въ немъ сама и безъ наслѣдственности и подозрительность и идеи о преслѣдованіи со стороны окружающихъ.

Что же дѣлають правители съ Іоанномъ? Они умѣряють его нравъ? Сглаживаютъ шероховатости? Стараются уничтожить замкнутость, скрытость и сосредоточенность? Развивають въ немъ умъ? Воспитываютъ чувство долга? Внушаютъ важность его будущаго положенія? Смягчаютъ прирожденный его дикій и хищный нравъ? Поселяють начала нравственности и благопристойности?... Нѣтъ, они дѣлають совершенно все наоборотъ. Они его покинули одинокимъ. Обращались грубо и неблагопристойно. Грабили на глазахъ и оскорбляли въ лицо. Побуждали къ охотѣ, кровопролитію, кровожадности, жестокости и лютой къ людямъ. Они оставили его умственную ниву съ терніями и волчцами. Они наталкивали его на разнузданность и неблагопристойность.

Скоро Іоаннъ показалъ себя достойнымъ ихъ питомцемъ. Подъ вліяніемъ науськиванія враговъ правителей, онъ рѣшается показать имъ свои когти. Онъ рѣшается расправиться съ похитителями его власти и обидчиками также само, какъ расправлялся съ волками, лисицами и медвѣдями. Онъ рѣшился очиститься ихъ кровію. Но Іоаннъ, по природѣ своего скрытнаго, подозрительнаго и трусливаго ума, рѣшилъ дѣйствовать весьма ос-

торожно и навѣрняка. Поэтому онъ сначала составилъ планъ дѣйствія, подготовилъ все къ его выполненію и, когда былъ увѣренъ въ побѣдѣ, сразу быстро и стремительно обрушился на своихъ враговъ. Здѣсь онъ уже показалъ лютость и кровожадность своей природы. Шуйскихъ онъ уничтожилъ какъ дикихъ звѣрей, не какъ царь юный, мягкій и милостивый, а какъ человѣкъ озлобленный, хищный и кровожадный. Въ своей расправѣ съ Шуйскимъ Іоаннъ показалъ себя питомцемъ, достойнымъ воспитателей.

Для насъ важно то, что жизненные условія дѣтства Іоанна не парализовали прирожденныхъ его недостатковъ и качествъ, а произвели усиленіе и укрѣпленіе ихъ. Эти условія его жизни и воспитанія были таковы, что они и сами по себѣ могли бы породить въ немъ тѣ погрѣшности и недостатки человѣческой личности, какія въ немъ были уже отъ рожденія.

Казнивъ однако однихъ своихъ недруговъ-опекуновъ, Іоаннъ попалъ въ руки другихъ, едва ли лучшихъ. Это былъ и для него урокъ.

Вскорѣ однако нашелся человѣкъ, который отнесся къ Іоанну иначе. Онъ захотѣлъ воспитать Іоанна и поселить въ немъ начала добра. Это былъ патріархъ Макарій.

Іоаннъ занимается самообразованіемъ. Онъ изучаетъ священную исторію, исторію церкви, дѣ-

тописи и исторію государствъ. Это изученіе идетъ не только по любознательности и по желанію приобрѣсти познанія о неизвѣстныхъ предметахъ, но и по личному влеченію Іоанна къ этимъ предметамъ. Руководимый святителемъ онъ искалъ въ исторіи примѣры, достойные подражанія. Его фантазія быстро разгоралась. Доблести и величіе историческихъ царей онъ переводилъ на себя и хотѣлъ самъ стать таковымъ. Богатое поле дѣятельности для больной фантазіи и воображенія и Іоаннъ предался ей щедрою душою. Онъ создалъ и пышно обставилъ процессъ избранія невѣсты и бракосочетанія. Онъ же придумалъ пышно возсоздать и процессъ вѣнчанія на царство.

Пребывая въ это время въ мірѣ царственныхъ грезъ, Іоаннъ оставался вѣренъ своей нейрастенической натурѣ: часто онъ метался изъ монастыря въ монастырь, изъ города въ городъ,—еще чаще онъ забавлялся охотою и пролитіемъ крови лютаго звѣря,—не брезгалъ однако и кровію людей...

Выполнивъ планы своихъ фантазій, женившись и вѣнчавшись на царство, Іоаннъ продолжалъ однако свою разгульную жизнь, особенно на охотѣ и при объѣздахъ. Уже въ это время у Іоанна выяснился странный взглядъ на стремленіе его вѣрноподданныхъ искать у своего отца и царя правды и защиты. Извѣстно, чѣмъ окон-

чились попытки новгородскихъ пищальниковъ и псковитянъ. Въ дѣлѣ псковитянъ Іоаннъ особенно показалъ себя жестокосерднымъ и кровожаднымъ,—ибо онъ лично истязалъ просителей и искателей правды. Спасеніемъ жизни псковитяне были всецѣло обязаны съ одной стороны случаю, а съ другой—суевѣрію и трусливости царя.

Наступаетъ новый періодъ жизни Іоанна, гдѣ онъ становится игрушкою дикихъ страстей людей, его окружающихъ. Теперь бояре не брезгаютъ пускать въ ходъ стихійное начало—разъяренную чернь. Никогда не жившій своимъ умомъ, постоянно ведомый на помочахъ, Іоаннъ, въ этотъ моментъ народнаго возмущенія, окончательно растерялся. А между тѣмъ его руководитель не могъ явиться по физическому недугу,—да и какой былъ руководитель въ этомъ отношеніи святитель Макарій.

И вотъ на сцену является Сильвестръ. Во все время господства Сильвестра Іоаннъ представляется его отраженіемъ. Слабый волею, онъ служилъ отголоскомъ сильнаго. Не имѣвшій противныхъ убѣжденій, онъ схватывалъ чужія мысли, быстро воплощалъ ихъ въ себѣ и также быстро осуществлялъ. Іоанну въ этомъ періодѣ жилось относительно легко, ибо Сильвестръ входилъ въ его жизнь до мелочей и диктовалъ ему ее то самъ, то устами царской супруги и Адашева.

Но Сильвестръ не понималъ, что онъ имѣеть дѣло съ нейрастеникомъ, что раньше или позже его зданіе должно было рушиться, ибо, по неустойчивости своего характера, Іоаннъ не могъ долго оставаться вѣрнымъ одному направленію. Онъ долженъ былъ бросить его и пойти по другому пути. Такъ это и было. Много этому способствовала болѣзнь Іоанна и обстоятельства, ея сопровождавшія. У Іоанна сразу оборвалось все къ Сильвестру и Адашеву. Но, какъ человѣкъ трусливый, осторожный и въ высокой степени подозрительный, онъ не рѣшался порвать все сразу, ибо онъ видѣлъ, что это сила, съ которой должно считаться. — Вѣрный себѣ, Іоаннъ внутри себя строитъ ковы и Сильвестру и Адашеву. Въ его воображеніи они уже были сверхсмѣтные люди; они уже осуждены на казнь и казнены. Нужно только выждать обстоятельства, и онъ ихъ выждалъ. Сильвестра и Адашева не стало.

Іоаннъ окружилъ себя людьми по своей натурѣ. Начались оргіи, расшатавшія душу и тѣло царя. Подоспѣли страданія Александровской слободы, лишившія Іоанна волосъ на головѣ, бородѣ и усахъ и приведшія Іоанна къ одряхленію. Разгулъ и содомія не могли не расшатать нервной системы царя. Если даже это былъ не прирожденный нейрастеникъ, если бы съ нимъ не было кровавыхъ лѣтъ его дѣтства и отрочества, то и тогда насту-

пившія обстоятельства его жизни могли бы развить въ немъ ту болѣзнь, которая въ немъ развилась. Подъ вліяніемъ оргій, содоміи, безсонныхъ ночей, частыхъ переѣздовъ и метаній, — у царя явился бредъ преслѣдованія во всемъ его разгарѣ. Въ основѣ его лежала наследственно, болѣзненно измѣненная нервная система, первые годы его жизни, система возмутительнаго воспитанія и та среда, въ которую онъ нынѣ попалъ. Ближайшею причиною была безшабашная и разнузданная жизнь, которую онъ повелъ. Поддерживающими болѣзнь обстоятельствами послужили воспоминанія прошлаго и нашептыванія такихъ приближенныхъ какъ Малюта Скуратовъ, Вяземскій и др. Характеръ параноика необыкновенно ярко выражается въ созданіи опричны. Подозрительный, бредящій врагами, трусливый и малодушный—Іоаннъ создаетъ опричну, коей назначеніе — охранять его и изводить враговъ Іоанновыхъ.

Пользуясь такимъ болѣзненнымъ состояніемъ царя, окружающіе только руководили имъ и наводили его на слѣды заговоровъ и казней, указывая людей, коихъ надлежало казнить. Рядомъ съ этимъ мы видимъ разнузданность его животныхъ страстей и извращеніе его половыхъ побужденій. Іоаннъ имѣетъ семь законныхъ женъ и не брезгаетъ содоміей,—а что было сверхъ сего, про то знаетъ Александровская слобода...

Такія проявленія гнѣва, ярости, лютоści и разгула выражались однако вспышками. Это явленіе отгѣнили даже историки. У псковскаго лѣтописца мы находимъ слѣдующее мѣсто. «И егда же прииде Князь Великій на поле близъ града и ста въ обители св. Николая въ Любятѣвѣ, въ нощи къ недѣли и начаша утреннею звонити по всему граду, и тогда слышавъ князь Великій велій звонъ, умилися душою и *прииде въ чувство* и повелѣ всѣмъ воемъ мечи притупити о камень»... Но и въ промежуткахъ между приступами Іоаннъ былъ все таки параноикъ съ его монастырской жизнью и уставомъ. Только фантазирующій параноикъ можетъ превратить царя въ игумена, палача—Малюту Скуратова въ келаря, а остальныхъ опричниковъ въ братію. Собственно говоря, это великое кощунство, которое Іоаннъ совершилъ, однако, по болѣзненному недомыслию, въ глубокомъ и искреннемъ убѣжденіи въ правотѣ и праведности. Вся эта траги-комедія братства въ маломъ видѣ имѣла своимъ первообразомъ послѣобѣденныя душеспасительныя бесѣды Іоанна, прерываемыя удаленіемъ его въ застѣнки для личнаго участія въ истязаніяхъ своихъ мнимыхъ враговъ,—послѣ чего Іоаннъ пребывалъ въ благодушii и хорошемъ настроеніи духа.

Мы видѣли, какъ параноикъ, въ своемъ бредовомъ озлобленіи, постепенно разгорается жаждою

крови, какъ онъ стремится больше и больше упиться кровью своихъ враговъ, какъ онъ желаетъ однимъ взмахомъ снести имъ всѣмъ головы и пролить рѣки вражеской крови. Это мы видимъ въ Іоаннѣ въ полной силѣ и развитіи. Его казни возрастали crescendo и crescendo съ десятковъ на сотни, съ сотенъ на тысячи, съ тысячи на десятки тысячъ... Кто можетъ безъ ужаса вспомнить его кровавый походъ на Новгородъ... Въ этомъ походѣ онъ смѣло могъ бы ѣхать на ладѣ по потокамъ проливаемой имъ крови своихъ дѣтей и вѣрноподданныхъ. Такое злодѣйство можетъ совершить только параноикъ. Это не преступленіе, а дѣяніе душевно больного, невмѣняемаго, но и не правоспособнаго...

По мимо этой грандіозной картины истребленія жителей государства, не можемъ не припомнить проявленія холодной злобы, ненависти, издѣвательства и злорадства въ мелкихъ приѣмахъ при казни тѣхъ или другихъ лицъ, напр. Голохвостова и др. Только душевно больной человѣкъ можетъ употреблять такіе приемы звѣрства и безсердечія.

Эти поступки звѣрства и кроволитія ясно показываютъ намъ, въ какой мѣрѣ Іоаннъ былъ одержимъ и мучимъ идеями подозрительности и преслѣдованія. Это ясно показываетъ намъ, что самъ Іоаннъ не имѣлъ покоя и былъ въ такой же мѣрѣ мучимъ и истязаемъ идеями преслѣдова-

нія со стороны его враговъ. Кто его враги? Бояре. Но мучилъ онъ всѣхъ безъ разбора: и тѣхъ, кто подавалъ къ тому поводъ и кто не подавалъ. Онъ мучилъ одинаково и бояръ, и дѣтей боярскихъ, и служилыхъ людей и людей подлаго сословія. Его казни были прямо пропорціональны напряженности его бредовыхъ идей.

Къ концу жизни эти казни начали ослабѣвать. Этому можно находить объясненіе въ томъ, что болѣзнь Іоанна начала ослабѣвать, постепенно утихать и мало по малу переходить въ слабоуміе. Да и бояръ стало-то поменьше. При этомъ не забудимъ еще одной черты параноиковъ—ихъ эгоизма и абсолютнаго безсердечія. Іоаннъ казнилъ своихъ враговъ-бояръ. Это понятно. Но Іоаннъ выполнѣ обдуманно и хладнокровно казнилъ и своихъ друзей: Басманова, Вяземскаго и др. Для него нѣтъ на свѣтѣ близкихъ и дорогихъ, и лучше быть такимъ людямъ неизвѣстными, чѣмъ попасться на глаза.

Нужно ли говорить о безпримѣрныхъ проявленіяхъ его лютости и безнравственности—убійствѣ сына и поползновеніи на жену другого.... Такія вещи можетъ сдѣлать только параноикъ.

Это одна сторона его болѣзни. Обратимся къ другой.

Іоаннъ царь могущественнаго Московскаго княжества. Онъ ведетъ весьма удачныя войны. Онъ

ведетъ личные переговоры съ послами, является передъ народомъ держитъ рѣчи, лично вступаетъ въ диспуты, пишетъ посланія, и во всемъ этомъ проявляетъ себя не только не ниже другихъ людей, а даже выше. Какой же онъ душевно-больной?! Вопросъ вполне позволительный и сомнѣніе естественное. Но жизнь наша даетъ случаи подобнаго сочетанія ума и безумія, здоровья и болѣзни, и примѣромъ тому служить именно то болѣзненное состояніе душевной дѣятельности, которое извѣстно подъ именемъ монomanіи или паранойи.

Если мы въ царствованіи Іоанна Грознаго отдѣлимъ даже то, что принадлежитъ его соуправителямъ, отъ того, что принадлежитъ ему самому, то и тогда найдемъ, что Іоаннъ, въ извѣстные моменты, не лишень былъ здравыхъ понятій, разсужденій, знаній и поступковъ. Въ предѣлахъ своего бреда онъ былъ обычнымъ человѣкомъ. Правда, этотъ человѣкъ не отличался особеннымъ умомъ, особенными дарованіями, особенными подвигами, но это былъ человѣкъ какъ всѣ люди.

Я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы Іоаннъ Грозный отличался блестящимъ умомъ и блестящими дарованіями. Я не вижу этого и въ его сочиненіяхъ и вполне соглашаюсь въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ проф. Ключевскаго: «Иванъ рѣшительно подкупаетъ читателя своею задушев-

ностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ письма Іоанна къ Курбскому, въ которомъ каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и политическія воззрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подѣею скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онѣ, пользуясь его же выраженіемъ, «едино слово пишетъ, обращая сѣмо и овамо», діалектически развиваетъ одну мысль, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ...»

На основаніи этого короткаго очерка жизни Іоанна, я съ убѣжденіемъ позволяю себѣ высказать мнѣніе, что Іоаннъ Грозный былъ душевно-больной человѣкъ, при чемъ его душевная болѣзнь выражалась въ формѣ однопредметнаго помѣшательства (мономанія или параноя), позволявшаго ему одновременно и управлять государствомъ и совершать дѣянія, которымъ могутъ быть найдены объясненія только въ его болѣзненномъ душевномъ состояніи.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED

BOOK DUE-WID

JUL 1 1978

~~CANCELLED~~
BOOK DUE-WID

FEB 2 1979

6164685

WIDENER

WIDENER

MAY 02 1998

FEB 10 1998

CANCELLED

BOOK DUE